

Анархический Вестник

№ 2

Август 1923

АНАРХИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(DER ANARCHISTISCHE BOTE)

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

№ 2.

Переписку по делам редакции, рукописи и пр. направлять по адресу:
R. Borgmann, für „A. B.“, Paradiesstr. 14, Bohndorf b/ Grünau (Mark), Deutschland (Berlin)

Август
1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Тупик и выход.	Волин. 1	Исторический отдел:	
Положительные задачи анархизма:		Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших	
По поводу одной интересной анкеты. М. Нестлау.	6	дней. Очерк П. Занятия фабрик.	Гуго Трой. 88
Проблема производства и потребления в социаль-		Трагедия Николаевская на Амуре (Продол-	
ной революции.	П. Аршинов. 11	жение).	М. Володин. 44
Объединенный анархизм:		Литературный отдел:	
К вопросу о синтезе анархизма и об объединении		Приходящему.	Гай Вагенд. 47
анархистов (Револю. Союз Обед. Ан-в С. Ам.).	17	Копшар (стихотворение).	В. Э. 48
Несколько слов о наших общих задачах. Р. Боррман.	19	К матушке Руси (стихотворение). С. С. Михайлов.	48
Письма о перенитом. — Письмо девятю: Смысл разру-		Анархо-большевизм:	
шения (окопчанье).	Волин. 20	К вопросу об анархо-большевизме и его роли в	
Записки Нестора Махно (Продолжение).	27	революции.	49
Анархизм и махновщина (Ответ на вопросы и возра-		Вести из России.	51
жения).	П. Аршинов. 27	Из разных стран: Германия, Италия, Болгария, Испа-	
		ния, Аргентина.	60
		Разное: обращения, отчеты и пр.	67

ТУПИК И ВЫХОД

Чутко и трепетно прислушиваемся мы, анархисты, к раскатам надвигающейся на капиталистический мир грозы — социальной революции. И, конечно, центральным вопросом современного международного положения является для нас вопрос: овладеет ли капитал и на этот раз, снова, — «всерьез и надолго», — мировым процессом? Настанет ли вновь, — после некоторого перерыва, после некоторого периода потрясений, колебаний, неустойчивости и развала, — эпоха дальнейшего органического развития капитализма? Или же капиталистический строй надо считать по существу рухнувшим, социальную революцию — подошедшей к нам вплотную, а наши ближайшие задачи — вытекающими из этого основного положения?

Сравнить (и постоянно взвешивать) шансы капитала и шансы революции — такова для нас необходимость нынешнего дня.

То или иное решение вопроса важно, впрочем, не только для нас. Хоть и в различных интересах, но решение это необходимо сейчас для всякого, кто сколько-нибудь активно относится к событиям, кто действительно следит за их ходом, направлением и складывающимися результатами.

Мы не можем, конечно, в небольшой статье исчерпать этот вопрос всесторонне, — рассмотреть его со всей требуемой полнотой. Такой анализ делается нами в другом месте. Здесь мы хотим остановить внимание читателя лишь на одной существенной стороне вопроса.

Каковы, в данное время, положение и настроение широких трудовых масс в различных странах? Что думают, что делают, как и чем живут сейчас массы?

Ответ на этот вопрос, — при известном учете некоторых окружающих явлений, — в значительной степени осветит нам и проблему международного положения.

В кругах, мало или лишь отдаленно знакомых с подлинной жизнью и настроениями рабов нашего времени, равно как в кругах, ослепленных предвзятой политической догмой, господствует мнение, что массы, — после недавнего бурного под'ема, — переживают теперь серьезную и глубокую психологическую реакцию: они утомлены, истощены, разочарованы и надолго неспособны к широкой и активной борьбе.

Совсем недавно, на заседаниях сессии расширенного исполкома III Интернационала в Москве, делегатами отмечалась угрожающая глубокая пассивность рабочих масс в европейских государствах. В пример приводилась главным образом Австрия. Но подчеркивалось, что опасность такой «австризации» нависла в настоящее время и над Германией, и над другими странами. При этом указывалось, что, ввиду развивающегося активного наступления капитала, для Германии и для ряда других стран существуют ныне лишь две возможности, между которыми истории предстоит выбрать: или революция и «*рабочее правительство*», или — «*австризация*», т.е. приведение масс в состояние полной пассивности — безразличия и покорности — подобно состоянию их в Австрии.

Так ли это, однако?

В устах «коммунистов» такая дилемма совершенно понятна. С их точки зрения, если массы не слишком восторженно относятся к идее «рабочего правительства», — значит, на-лицо полный упадок революционного духа, под'ема и готовности к борьбе. Ибо «коммунисты» не видят *третьего выхода*, — выхода, который нас, как-раз, наиболее интересует, и наличность которого заставляет нас быть о современном положении вещей совершенно иного мнения.

«Рабочее правительство» мы отрицаем вообще. Мы говорим: это — миф; это — блеф; это — не подлинная революция. В связи с этим отрицанием, для нас *основная* дилемма может стоять совершенно иначе: или — пассивность, или — подлинная революция с уничтожением капитала и государства, т.е. с уничтожением всякой власти, *всякого правительства*. Еще точнее: или пассивность, — или не-политическая, не-партийная, *безвластная* революция, осуществляемая самими трудовыми массами, при помощи их непосредственных — классовых, трудовых (экономических) и боевых объединенных организаций.

Итак, пассивность ли? «Австризация» ли?

* * *

Несомненно, в некоторых странах (Австрия, Италия) массы, — после ряда более или менее крупных, но безрезультатных революционных движений и выступлений, — зашли как-бы в тупик и остановились.

Несомненно также, что в некоторых других — особенно, в передовых промышленных — странах (Англия, Соед. Штаты, Германия) стремление рабочих масс так или иначе *приспособиться* к современному строю, стремление к «смычке» с капиталом сказывается более или менее сильно.

Но — грозят ли ныне эти явления серьезной длительной опасностью для революции? Или же они — лишь естественные временные приостановки, перерывы и перебои, временные уклонения, временные этапы и привалы на пути этой революции?

Мы склонны именно к этому последнему пониманию.

Почему?

Прежде всего, социальная революция — процесс чрезвычайно глубокий и сложный. А всякий такой процесс неизбежно должен быть длителен, медленен и прерывист.

Далее. Процесс социальной революции не есть дело одной, трех или пяти стран. Он протекает и должен быть учитываем непременно в *целом, всеобщем* масштабе. Явления в отдельных странах должны быть рассматриваемы лишь как составные части этого единого и цельного процесса.

Нельзя, следовательно, пытаться уяснить себе общее положение вещей в международном масштабе, останавливаться на явлениях и настроениях в тот или иной момент, в той или иной стране. Необходимо все время иметь перед глазами общее положение и общий процесс.

И вот, если мы поступим именно так, если мы учтем весь ряд событий последнего времени в ряде стран и попытаемся уловить общий характер и смысл этих событий, то мы должны будем с несомненностью констатировать, что в *общем и целом* — в своей толще — массы продолжают быть бодрны, деятельны и активны, и революция медленна, но неуклонно продвигается вперед. И в то самое время, как в одном месте, в силу тех или иных временных причин, движение падает, — в других оно вспыхивает ярким пламенем и поражает своим размахом.

В Аргентине развертывается мощное массовое движение, и такой — в сущности, ничтожный для нашего времени — факт, как случившееся в это время убийство в тюрьме анархиста, вызывает стихийную, грандиозную всеобщую стачку, с уличными боями и решительными революционными действиями масс, притом не в одной только Аргентине. Не указывает ли это на исключительно бодрое и активное состояние рабочих масс Южной Америки?

В Испании — тоже по ничтожному поводу увольнения двух портовых рабочих — вспыхивает громадная, потрясая всю страну, стачка транспорта и других отраслей хозяйства.

В Италии, — при наличии невероятной диктатуры и исключительно жестокого правительственного террора, — брожение продолжается и начинает прорываться наружу.

В Германии, — при внешнем долготерпении, почти равнодушии рабочих масс, — происходят, однако, непрерывные массовые движения, порой весьма бурные, и несомненно нарастают движения еще более массовые и решительные.

И если взглянуть в положение в общем масштабе, то вывод становится ясен:

Пусть даже реакция неистовствует, пусть наступление капитала продолжается, пусть фашизм пухнет, наглет и обрушивается на революцию со всей своей звериной яростью, — ярость эта — лишь судороги смертельно раненого зверя, и наступление это, несомненно, лишено всякой твердой базы. Оно носит все признаки именно судорожных движений, а не органического, сочного и жизнеспособного процесса.

А раз так, то и «пассивность» масс не может быть ни повсеместной, ни длительной и прочной.

* * *

Нам приходилось уже, в другом месте, подробно останавливаться на глубоких неустраняемых *причинах* такого положения вещей, — на тех «подпочвенных водах», которые неумолимо и быстро размывают ныне самый фундамент капиталистического здания и, одновременно, питают революцию.

Эти причины, прежде всего, — полное материальное разрушение всех скреп, устоев и жизненных соков капитализма.

Продолжение, в международном масштабе, этого колоссального и неудержимого процесса разрушения мы считаем основным явлением, ни в коем случае не дающим массам окончательно застыть в пассивности и покорности.

В Австрии — полный хозяйственный застой, при политической смерти страны и при возвращении ее чуть ли не к крепостному труду; в Германии — финансовый и промышленный кризис, достигший совершенно невероятных размеров и грозящий беспримерной в летописях истории государственной катастрофой; в Италии — социальные и политические судороги, при которых никакое хозяйственное развитие страны немыслимо; во Франции — систематический упадок производительных сил; в Англии — кризисы, безработица и застой то в одной, то в другой области промышленности; и в Германии, и во Франции, и в Англии, и в ряде других стран — тяжкие последствия неустрашимого рурского гнойника; в Испании, Аргентине и Южной Америке вообще — бури и потрясения, развал и застой; в Соед. Штатах — самоудушение золотом, «закупорка сосудов», без возможности и надежды восстановить в сколько нибудь близкий срок живое кровообращение с организмами других стран; на Балканах и на Ближнем Востоке — полный «дым коромыслом»; в России — законченное разрушение, опустошение и смерть... А в общем и целом — какой-то всемирный разгром, в котором не сыскать никаких «спасительных моментов»... Какое уж тут «наступление» и «восстановление» капитала! Какая уж тут «пассивность» масс!...

Но далее, — и это чрезвычайно характерно, — одними только материальными явлениями дело далеко не ограничивается. Не менее существен также целый ряд *психических* факторов, дополняющих картину и подтверждающих сделанные из нея выводы.

Чрезвычайно характерны и существенны: наступившая общая неуверенность в прочности настоящего положения вещей, общее ощущение неустойчивости, *общая уверенность в неизбежности катастрофы*.

Не менее характерно и существенно наблюдаемое ныне почти повсюду, — в тесной связи с отмеченной общей «психологией разрушения и катастрофы», — падение *воли к труду* у производящих масс.

Характерно также то обстоятельство, что капитализм может жить, развиваться и «восстанавливаться» лишь в условиях широкой (экономической и политической) свободы; между тем, дать такую свободу он, в нынешнем положении, не может: он должен *продолжать душить свободу*, ибо последняя грозила бы теперь быстро разбить его твердыню; но душить свободу капитализм может лишь, *продолжая состояние войны*. «Увековечение» этого состояния, а стало-быть и процесса разрушения, несущего капитализму столь же верную гибель, — такова для него роковая необходимость...

Наконец, чрезвычайно существенно для психологии момента полное падение, — в результате событий последних лет, — *всякого престижа власти*. Случайностью любой власти, ее лживость, ее бесплодность, ее гибельность ярко подчеркнуты событиями в Италии, Болгарии, Бельгии, Китае, России и т. д. Истинная природа всякой власти оголена. Ее сущность — широко обнаружена. Самый *принцип власти* пал, и никто, в сущности, больше не верит в него. Последние остатки этой веры тают с каждым новым днем...

* * *

Здесь мы подошли к второй существенной стороне всего вопроса.

Почему, в самом деле, трудовые массы европейских стран, — если разрушение зашло так далеко и капитализм по существу пал, — почему рабочие массы нигде не делают решительных шагов в направлении к тому выходу, который давно указан *Россией*, и к которому настойчиво зовут их «коммунисты» всех стран? Почему массы медлят с революцией? Почему не хватаются сейчас же за единственное и однажды уже реализованное средство спасения — *«рабочее правительство»*? Почему же — именно

«австризация», а не победоносная «руссификация», не решительная революция à la russe?

Именно потому, что дело обстоит далеко не так просто, как это кажется господам «коммунистам», видящим выбор лишь между «австризацией» и «руссификацией».

Потому, что «рабочее правительство» («Arbeiterregierung») более не представляется широким европейским массам всеисцеляющим средством. Этот выход захлопнут, — и забивается с каждым днем всё более наглухо, — русским «опытом». Инстинктивное недоверие и разочарование по отношению к такому выходу охватывает всё более широкие массы, и ничто не в состоянии изменить это положение вещей. С каждым днем, революция à la russe теряет шансы...

Однако, это отнюдь не значит, что теряет шансы социальная революция вообще. Отпадение «руссификации» отнюдь не означает непременно наступления «австризации».

Да, если бы не было материальных и психических условий разрушения, о которых мы говорили выше, — это разочарование могло бы, конечно, отбросить массы и революцию далеко назад и создать как длительную прочную реакцию, так и, следовательно, почву для прочного восстановления капитализма. Но все разрушительные данные и явления остаются на-лицо и толкают массы всё дальше, всё вперед...

Однако, массам приходится, при этом, искать какого-то иного, *третьего* выхода. Не без труда и не без промедления нащупывают они этот, единственно-верный, выход: самостоятельного классового действия.

* * *

Итак, есть не одна, а две опасности для мировой революции: «австризация» — пассивность, и «руссификация» — большевизм. Массы ныне далеки от первой. Но они инстинктивно чувствуют и вторую. Они ищут пути в *стороне* от этих Сциллы и Харибды подлинной революции.

Поиски эти неизбежно медленны и тяжелы. Едва заметный, скрытый в темноте, задрапированный и заваленный всяким хламом выход нащупывается лишь с большим трудом, при посредстве ошибок, неудач, падений. Не раз еще массы споткнутся в его поисках, и не завтра еще найдут его.

Дело неизбежно затягивается. Массы колеблются, приостанавливаются в нерешительности, изживают проделанный опыт, сжимаются, временно стихают...

Вот почему, иным плохо видящим может казаться, что массы — «пассивны», и что революции грозит опасность окончательной «австризации».

Мы видим, однако, что это не так. Мы видим, что массы ищут, щупают пути, раздумывают над уроками прошлого и обсуждают грядущие шаги. Эта глубинная работа не прекращается в массах ни на один день. И мы твердо убеждены в том, что ее результаты скоро скажутся.

Мы, анархисты, должны хорошо и ясно учесть эту нынешнюю «психологию искания» масс. И нашей ближайшей задачей должно быть — сделать скорее всё возможное, чтобы облегчить эти искания, чтобы помочь массам найти верный выход.

Волин.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХИЗМА

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ АНКЕТЫ

Журнал «Páginos Libres» в Севилье (Испания) предлагает анкету на следующую тему:

Требуют ли современные исторические обстоятельства и уроки каких-либо изменений или новых привнесений в комплекс теорий, составляющих анархо-коммунистическую доктрину? Каковы эти изменения или привнесения?

Анкета имеет в виду испанских товарищей. Очень интересно будет выслушать мнения и впечатления людей, проводивших эти ужасные девять лет в стране, где социальная борьба была крайне острой, но где общее настроение умов не было надломлено и сбито с толку ненавистью, ужасами и страданиями, которые убивали дух и которые всё еще поражают и разоряют страны, непосредственно участвовавшие в войне.

Однако, вопрос заслуживает внимания товарищей всех стран. Анкета является как-бы интеллектуальным международным конгрессом, и я надеюсь, что дискуссия по возбужденному вопросу поднимется всюду, и что товарищи поставят друг друга в известность относительно ее результатов.

В самом деле, анкета является, более или менее, выражением того чувства, которое, мне кажется, испытываем все мы: а именно, что в этом небывалом мировом кризисе — анархия, столь прекрасная в наших собственных построениях, не видна миру, — миру, который ныне более страдает, более недоволен и даже склонен к возмущению, чем когда-либо; что анархия не говорит и не действует в том широком масштабе, с той настойчивостью и напряженностью, каких мы когда-то ждали. И так-как теперь миновало столько же лет кажущегося «мира», сколько ужасных лет длилась война; так-как мы, за это время, лишь еще глубже погрузились в безысходное разрушение, чем когда бы то ни было, то давно пора подвергнуть основательному обсуждению следующее положение: оздоравливающие, оживляющие и восстанавливающие силы человечества оказываются менее значительными, чем можно было ожидать. Пора об этом серьезно подумать.

Прежде всего, я скажу, что наши идеи ныне так же дороги нам, как были всегда, и даже — если это возможно — еще более дороги. Ибо мы чувствуем, до такой степени мы с ними одиноки на свете, как далеки от них почти все другие, не знающие или же отбрасывающие их. И что касается идей анархизма — коммунистического ли или иного, — то не произошло ничего, абсолютно ничего такого, что сделало бы необходимым какое бы то ни было их изменение. Ибо, это — идеи светлого будущего, между тем как вся борьба за годы 1914—1923 идет на почве прошлого, — на почве всякого рода грубых вождельных, соперничества и ненависти, на почве стремления к власти любой ценой: к власти национальной — ценой народной крови, и (даже в социализме) к власти «коммунистической» — ценой крови других социалистов и нового порабощения пролетариев. Если несколько религиозных сект ведут между собой фанатическую религиозную войну, то это ничуть не касается идей истинного свободомыслия, не наносит им никакого ущерба; равным образом, возврат к жестокости и темноте каменного века, подготавливаемый нынешним падением, не может ни в чем изменить ясные и верные идеи, компеке которых называется анархией.

Однако, если существовали товарищи (которых я назвал бы близорукими), считавшие себя обладателями законченной и совершенной анархической системы и даже воображавшие, что они довольно близки к ее осуществлению каким-либо — синдикалистским или иным — путем, они должны теперь увидеть химеричность их слишком упрощенного построения. Они были бы, однако, неправы, впадая в разочарование, ибо их исходной ошибкой было их же собственное слишком большое доверие к тому или иному пути, к той или иной системе. Если они теперь видят проблему во всей ее широте, со всеми ее великими трудностями, то они, конечно, приблизятся к более верному пониманию анархии, изменят свои чересчур оптимистические или неясные построения, и — только. Но это отнюдь не требует изменения всего ансамбля наших идей.

Наша великая надежда основывается на потребности в свободе, — потребности, кото-

рая так же присуща человеку, как и малейшему атому материи. Потребность движения, свободного самораспространения свойственна всякому организму. Даже гении зла, которые с таким искусством и умением вызвали к жизни эту войну и занимаются теперь ее увековечением под маской «мира», — даже они, одной рукой сея ненависть, разнуздывая самые грубые инстинкты и приведя к безудержной оргии власти, другой — хватались за свободу и приносили ей дань. Они сумели (каждый с своей стороны) убедить всех, абсолютно всех, что именно они дерутся за свободу, защищаясь против тирании, которую другая сторона хочет-де им навязать. И не так легко сказать, что больше способствовало «приятию» человечеством этих неслыханных страданий: чувство ли ненависти и алчности, или же иллюзия борьбы за свободу, — увы, только иллюзия. Рядом с проявлениями самого жестокого и дикого произвола власти, непрестанно слышались призывы к солидарности, к взаимопомощи, к доброте; и очень многие, совсем не интересуясь властью и борьбой за нее, охотно отдавались делу, выглядевшему делом чистой гуманности. Так же было в России, где свободно и дружно служили революции все желавшие, пока одна особая партия не сочла момент подходящим для того, чтобы обмануть и обратиться революцию в свою пользу.

Легко, таким образом, видеть, что у человечества имеется громадный запас стремления к свободе и к солидарности, — стремления, которое требует всё большего проявления, выражения, осуществления.

Но, к несчастью, ранее анархистов и синдикалистов, которые стремятся создать благоприятную почву для свободного размаха этих подлинно человеческих свойств и потребностей, в дело вмешались обманщики и контрабандисты: националисты, государственники, капиталисты и узурпаторы — бюрократы социализма — нынешние коммунисты. Они отклонили от прямого пути и использовали в собственных целях все эти устремления. Они создали эту меж-капиталистическую грязь, гниль и разруху, которую представляет сейчас большая часть Европы. Они создали тот же коммунистический смрад и развал, какой мы имеем в России. Они создали, наконец, этот гнойник всеобщего разложения, эту подлинную «сифилизацию» несчастной Европы — фашизм в его различных проявлениях и воплощениях.

Таким образом, огромное накопившееся

количество недовольства и возмущения, а также понимание ныне поистине всеми в Европе отвратительного и мошеннического характера государства и капитализма, всё это в своей огромной части не было использовано в направлении анархических чаяний свободного общества: всё это или образовало стоячее болото, в котором водится весьма мало или не водится вовсе ничего положительного, или же было направлено реакцией течь назад, утучняя — более, чем когда-либо, — печальную пустыню национализма, крайней государственности, личной алчности и властничества, дающего тирану иллюзию его собственной свободы. Морочение голов продолжается как ни в чем не бывало.

Конечно, были случаи, — сами по себе даже довольно многочисленные, но являющиеся каплями в море, по сравнению с десятками миллионов людей, делавших противоположное дело, — случаи отказа от военной службы во время войны. Но это и есть почти всё, что было сделано, и притом — сделано не исключительно анархистами, далеко нет. Имеется также на-лицо довольно, уже, распространенное чувство отвращения к узурпаторскому «коммунизму» *à la russe*. Но это явление находит себе противовес в виде значительного числа необузданных ревнителей, каких этот, столь мало привлекательный, коммунизм находит, однако, среди мало разбирающихся и мало развитых умов, испытывающих лишь крайне ничтожную потребность в истинной свободе.

Я очень хотел бы привести другие признаки и тенденции прогрессивного значения, но я не нахожу таковых. Я не стану, конечно, перечислять здесь отдельные усилия и попытки — превосходные, но слишком слабые, чтобы иметь значение общих сил. Я прекрасно учитываю также большие трудности, преследования и другие препятствия. В крайнем случае, можно еще упомянуть о всё растущей тенденции к опытам свободной трудовой организации, к некоторым социальным достижениям в узких пределах определенной среды. Но в этом отношении тоже мы очень слабы: недостает подлинного увлечения, настоящего крупного порыва.

В Европе, по крайней мере, мы слишком мало говорим массам, которые ничего о нас не знают. Массы не рассуждают теоретически. Но они, быть-может, слушали бы нас, если бы один из важных, острых современных вопросов был им представлен практическим,

конкретным образом. Все другие предлагают массам постоянно всякие лже-решения, которые последними и глотаются. Мы воздерживаемся от этого приема, ибо это — политика, которая нам отвратительна. И вот, мы — скорее — не говорим ничего, или ограничиваемся общими местами. И потому, мы не идем — или почти не идем — в счет в общественном мнении.

Конечно, очень трудно подходить к практическим вопросам, не запутываясь в мелочах и излишних подробностях, — в особенности, когда потерял соответственный навык. Но ведь это, все-равно, надо будет делать. И затем, это — известный умственный труд, который, в качестве хотя-бы просто упражнения, может принести нам же самым только пользу.

Таково приблизительно, на мой взгляд, положение вещей. Деятельность кой-каких групп, — в особенности жизнь, которая копошится вокруг кой-каких газет, — не должны нас вводить в заблуждение. Влияние и размах нашей деятельности не соответствуют величии анархической идеи.

* * *

Мне думается, следовательно, что не анархические идеи, а анархисты требовали бы, пожалуй, некоторых изменений.

В центральной Европе и, несколько позже, в России мы получили хороший и столь полезный, хотя и не новый, урок: изобилие — вот база свободы и солидарности, а стало-быть и вольного коммунизма; недостаток же неотделим от власти и от жадности, а стало-быть от государственности и от властнического коммунизма. Человек бывает хорошо настроен, он способен быть существом добродушным, веселым, свободным и солидарным, лишь когда он не испытывает непосредственной нужды, которая делает его сварливым, жадным и властным. Бывают исключения, — люди, которых благосостояние (подобно тому, как иных — нищета) быстро портит. Но огромное большинство расцветает только на солнце, при хорошей погоде, а не в злосчастии.

До войны мало занимались этим вопросом изобилия. Слишком легко убеждали себя в том, что при помощи интенсивной культуры или нео-малтузианства или же труда нынешних праздных элементов удастся быстро парировать всякий недостаток и вскоре располагать заразом и изобилием, и четырьмя часа-

ми труда по выбору каждого. Теперь видно, что всё это — бесконечно более сложно; что предлагаемые средства и способы могут быть приняты и применены в общем масштабе лишь после известной эволюции, а не в начале, когда как-раз надо заложить базу этой эволюции. Известно также, в какой сильной степени кажутся ея изобилие в нынешнем обществе обмануло нас: оказалось, что мы жили, в сущности, почти «со дня на день»; да и то — благодаря, с одной стороны, старым запасам (которые за период времени с 1914 г. растрачены и поглощены), а с другой — благодаря чрезмерному, абсолютному воздержанию широких масс трудового населения, работавшего много, но потреблявшего минимум. Милейшее и неизбежное желание трудовых масс работать меньше, а потреблять больше должно было привести к кризису. Это и случилось: вместе с разрушениями, произведенными войной, исчезновение запасов, а затем и этот первый шаг трудовых масс, наносящий старой системе удар поистине в самое сердце, — ясно выраженное массами желание работать меньше, а жить лучше, — всё это положило конец изобилию, которое всегда было весьма хрупким, если не воображаемым. А как мы знаем, недостаток и стесненность приводят к регламентации, к установлению пайков, а стало-быть — к власти и к злоупотреблениям, этому неразлучному спутнику всякой власти, к циничной эксплуатации бедноты, к вызову, бросаемому сильными слабым, к ограблению одних, к обесцениению других.

Если бы не сегодня-завтра к этой современной европейской среде применить идеи даже самой чистой анархии, то я сильно опасуюсь, как бы слишком сильный экономический гнет, как бы этот общий недостаток во всем не оказались с самого же начала чрезмерно большой тяжестью, которая приведет либо к ослабляющей весь порыв недействительности начатого, либо — к регламентации, со всеми ее властническими последствиями. Я думаю, поэтому, что общие решения ныне более далеки от воплощения, чем мы могли когда-то думать.

Следует также учесть тот факт, что, благодаря подлинной революции в России и лже-революциям в центральной Европе, значительная часть политической власти, по крайней мере по форме, перешла в руки коммунистов и социал-демократов, которые лизнули крови и, подобно попавшим к власти националистам новых европейских государств, столь же —

если не еще более — жадны до этой власти, сколь жадны были прежние капиталисты (которые, впрочем, втайне являлись и теперь хозяевами положения). Значительная часть пролетариата находится целиком под влиянием этих «парвеню» — коммунистических царьков и социал-демократических дворянчиков. Спрашивается, что же делать со всей этой публикой? Как ни стараюсь я представить себе теоретически взаимную терпимость и сосуществование, дружное сожительство, — на деле я знаю, что они недоступны этим идеям, поражены безумием Цезарей, охвачены жадной исключительного господства и занимаются, в сущности, между собой лишь тем, что подражают темной борьбе дипломатов — до момента, когда они считают возможным уничтожить своих противников «каленным железом», как это было в Кронштадте в 1921 г. и во множестве других мест.

Остается — синдикализм и, быть-может, еще тенденция прямого народного действия, наблюдаемая там и сям, — тенденция вольного советского строя, который, будучи на сей раз предупрежден, не дал бы себя вытеснить коммунистической партии, как это имело место в России вскоре после первоначальной победы советов. Но европейский синдикализм так же раздираем междоусобной борьбой, как государства и народы между собою; больше всего ему удастся взаимно парализовать свои действия; ибо если одни хотят делать или делают что-нибудь, то другие или уверены, что надо делать что-то совсем другое, или же ничего не делают. А что касается вольного советского строя, то он еще не показал себя на опыте. Эти движения и течения могли бы, конечно, поглотить все анархические силы; но надежда на то, что анархисты смогли бы действительно увлечь их за своими идеями, мала; скорее, анархисты потонули бы в них.

В таких обстоятельствах, что же делать?

В наше время имеется столько революционных факторов. Но вследствие всемогущества, предоставляемого с 1914 г. власти и всем ее проявлениям — грубым, реакционным, восстанавливающим какое-то европейское средневековье, которое было бы забавным карнавалом, если бы не приносило столько страданий, — вследствие всего этого, проявления и действия народных масс направляются, словно магнетической силой, тоже на властнический путь, неизбежно реакционный. Всё кругом мечтает лишь о собственной «народной власти», то-есть — о перемене властителей,

но не о свободе. Народ забыл свободу и должен заново пройти курс обучения ей, подобно парализованному, который, выздоровев, снова учится ходить.

Зато социальное обучение масс, так сказать, завершено. И это завершение произошло скорее, чем многие ожидали. Ныне в Европе социальное недовольство всеобщее. Капиталист, хозяин признан окончательно элементом эксплуататорским и паразитическим. Каждый отдает себе в этом ясный отчет, — всё равно, негодует ли он искренне на такое положение вещей или же испытывает тайное желание стать самому хозяином, капиталистом. Социализм — самый широкий — не удивил бы больше никого; удивляются, скорее, тому, что патентованные социалисты всё еще делают из него какой-то мудреный вопрос, который-де может быть решен только с их помощью, при посредстве тысяч законов и правил, и не иначе, как шадя и козу, и капуту; а коммунисты делают из него личную доктрину, — открытие, единственными прологами которого являются они, правящая каста. Массы не входят в эту юриспруденцию и теологию. Они не особенно-то верили в социальное счастье, зависящее от благотельных услуг этих новых каст — социалистов-законодателей и коммунистов-властителей. И теперь их доверие, — их вера в возможность подлинно спасительных социальных перемен такими путями, — уходит окончательно.

Очень трудно сказать, с какими более или менее прогрессивными тенденциями, — окazyвающими, несмотря ни на что, сопротивление магнетической притягательной силе властничества, — анархической пропаганде и деятельности было бы лучше всего связаться, чтобы рассеять нынешний хаос и снова создать возможно скорее анархическое течение. Дело будет обстоять совершенно различно для каждой страны, так-как ныне положение в разных странах более чем когда-либо несходно, а игра реакционных сил ведет к тому, что это несходство всё более усиливается. Может ли, в самом деле, существовать какая-либо однородность в разрешении вопросов, требующих местной осведомленности и местного опыта, между странами, где всё рабочее движение, так-сказать, пропитано анархическим духом (Испания, Аргентина и пр.), и другими, где имеются громадные движения, руководимые социалистами-властниками, и где анархизм представлен лишь крайне незначительным меньшинством, лишь косвенно

и частично влияющим на некоторое число синдицированных рабочих?

Мне кажется, что возможно только одно практическое правило: всегда утилизировать наличные силы наиболее действительным образом. Следовательно, там, где анархистов мало, они должны, прежде всего, распространять анархические идеи в целом и общем, упирая более всего на идею свободы. Этим они расширят свои ряды и сферу своего влияния. Там же, где их много, они могут углублять социальную сторону наших идей, проникать в синдикаты и т. д., помня, однако, всегда, что распространение анархических идей, а не «делание синдикализма» с несколько более федералистским оттенком, является их главной задачей.

Но я повторяю, между двумя крайностями, — предоставлением всего на волю случая и отдачей себя местным делам — синдикалистским и другим — до такой степени, чтобы быть захлестнутыми ими и отстраненными в качестве анархических факторов, — между этими двумя крайностями имеется обширное поле работы, где, при серьезном отношении к делу и некотором опыте, нетрудно было бы найти точку приложения анархического рычага. И это-то надо делать. Такая работа была бы разумной. Социальный анархический опыт производился бы тогда всюду, где это было бы возможно, и энергичный толчок вперед давался бы всем подлинно прогрессивным усилиям, в которых нет недостатка.

Никогда не поздно для новой проповеди, для новой элементарной пропаганды, которая расширяла бы наши ряды: ибо невероятно, до какой степени, — несмотря на всю нашу литературную работу, — идеи наши всё еще остаются совершенно неизвестными широкому кругу, знакомым единственно только с буржуазными и социал-демократическими искажениями анархизма. Так или иначе, но всегда получается, что обращение наших изданий остается в чересчур большой степени нашим внутренним обращением, дающим удовлетворение товарищам, но не легко выходящим за пределы нашей среды. Прибавим, что со времени смерти людей, широко известных вообще, — таких, как Элизе Реклю, Толстой, Кропоткин, — общение анархистов с прогрессивной интеллигентной средой отнюдь не пошло вперед. И надо также учесть, до какой степени коммунизм околдовал и опустошил эти интеллигентские ряды, служившие когда-то анархизму довольно хорошим подспорьем.

Всё это следовало бы изменить. Но — на свой манер в каждой стране.

В общем следует, прежде всего, создать основательный базис новых исканий, новых попыток, усилий, опытов, которые только и могли бы выдвинуть точки опоры для расширения и углубления, — я сказал бы также для модернизирования, — не идей, а пропаганды. Мы вполне правильно воздерживаемся и отдалаемся от политической жизни. Но это не означает, что мы должны — по равнодушию, а иногда, быть-может, и в силу некоторого догматизма — оставаться в стороне от жизни практической.

Фиаско буржуазной и социалистической государственности дает нам блестящие косвенные доказательства полной правильности наших идей, которые одни только заключают в себе необходимые основные факторы всякого прогрессивного развития — свободу и солидарность. Но эти идеи должны быть представляемы как во всей их конечной красоте и шире, так и в виде первичных зародышей, по необходимости нежных и несовершенных, требующих для своего дальнейшего развития питательной почвы и благоприятной среды. Невозможно иметь всё сразу — зародыш, цветок и плод. Мы должны, прежде всего, приготовить почву. Скажут, быть-может, что революция может всякий день изменить всё это. Тем лучше, конечно. Но революция предъявит задачи тем более трудные, чем менее будет продвинута вперед эта подготовительная работа.

Словом, надо прежде всего работать: изменять не идеи, которые, как выражения свободы, не терпят и сами никакого, даже временного затвердения, а следовательно, не требуют и изменения, но видоизменять бесконечно, разнообразить и варьировать способы их предъявления. Надо начать работу менее суммарную, более точную, более интенсивную, менее шаблонную. Только такие усилия смогут привести к известной сумме знания и опыта, которые позволят давать подлинно практические советы.

Итак, я сказал бы, что следует многое изменить, много нового внести, но не в области самих идей анархического коммунизма, а в отношении существующих еще, быть-может, излишней узости, излишней застойности, излишней рутинности восприятия этих идей, а главное — в отношении их пропаганды, которая нуждается в том, чтобы ее расширить, углубить, поразнообразить и интенсифицировать.

Июнь 1923 г.

М. Неттлау.

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Статья первая)

Революционная эпоха, эпоха открытой социальной борьбы всегда является своего рода экзаменом различных социальных учений. В конкретной обстановке действий жизнь устанавливает положительность или несостоятельность того или иного социального учения, подтверждает или опровергает отдельные его положения.

И нам, анархистам, в течение пяти лет действовавшим на передовых постах русской революции, жизнь дает ряд поучительных указаний, в одном случае подтверждая многие положения нашего учения, в другом случае разрушая их, требуя взамен их новых — более живых и состоятельных.

Пятилетний опыт социальной борьбы показал, что как бы ни был правдив и прекрасен наш конечный идеал, — сам по себе он еще не может сгруппировать широкие трудовые массы вокруг себя, дать им единство пути, единство воли и единство действия. Нет, помимо конечного идеала, трудовая масса должна знать наши конкретные начинания, должна знать то действие, тот практический шаг, с которого пойдет разрушение старой и построение новой жизни. Словом, она должна знать «первый день» социальной революции. Лишь конкретные шаги первого дня революции, учтенные и освещенные анархизмом, свяжут массу с нашим идеалом, поведут ее по анархическому пути.

Ошибочно думать, будто организованное анархическое движение в России не укрепилось только благодаря государственному насилию большевиков. Насилие большевиков было лишь одной из причин нашего поражения в России. Помимо нея имеются другие, роковым образом сказавшиеся на судьбе движения. Главнейшей из них мы считаем отсутствие у анархизма точной практической программы завтрашнего дня.

Нельзя сказать, чтобы у нас вообще не было никаких практических построений. Они

имелись и притом в изобилии. Но почти все они базировались обычно на противоречащих между собою абстрактных верованиях и желаниях, переходивших нередко в баловство мысли. Широкие массы труда, ищущие в революции определенного результата и практического пути к нему, естественно не могли сколько нибудь серьезно остановиться на подобных практических построениях, неисполненных противоречий и неясностей. Те же немногие вздумчивые и серьезные практические построения, которые иногда намечались в анархизме, обычно не выходили за пределы узкой анархической среды. Оставаясь без серьезной организованной пропаганды, которая вообще невозможна при хронической дезорганизации наших сил, эти построения заикались, не переходя в более широкую среду рабочих и крестьян. Отсюда — организационная оторванность анархизма от широких трудовых масс, облегчившая большевикам разгром анархистов.

Следовательно, анархизм, ставящий своей задачей служение трудящимся в социальной революции, должен точно определить ближайшие практические задачи этой революции и методы их осуществления, должен организационно и практически слиться на почве их с широкой трудовой массой и, таким образом, конкретно, а не в абстракции, войти в дело социальной борьбы, в дело анархического строения жизни.

В этом отношении протекший революционный период многое нам подсказывает, облегчая задачу. То, что мы называем «первым днем социальной революции», в течение этого периода вполне обрисовалось и выкристаллизовалось в революционных массах, — правда, пока-то лишь как их социально-революционные попытки, заглушаемые властью.

Нам, революционным анархистам, теперь следует внимательно учесть эти попытки, сочетать их с основными принципами своего учения и помочь им воплотиться в живую форму борющегося и идущего к победе труда.

Каковы же стоящие перед миром труда и перед нами задачи «первого дня социальной революции»?

Мы думаем, что они коснутся двух основных вопросов революции — организации производства и потребления на основе независимости и самоуправления трудящихся.

Прежде чем перейти непосредственно к этим вопросам, установим одно чрезвычайно важное положение.

Нередко в анархической среде говорится о принципе потребления, как об исходном начале анархистов в социальной революции. При этом принцип потребления противопоставляется принципу производства, имеющему также значение исходного начала в социальной революции!

— Не с организации правильно налаженного производства должна начаться социальная революция, а с распределения продуктов, — говорят сторонники этого взгляда. — Ибо задача социальной революции заключается в том, чтобы в первую очередь накормить, одеть и приютить всех голодных, раздетых, бездомных.

Отсюда сторонники «идеологии потребления» переходят к тому положению, что носителями и творцами социальной революции являются не только трудящиеся, но вообще всё население, как потребители. Они несогласны с революционной формулой, по которой земля, средства и орудия производства, хлеб и культура должны принадлежать только трудящемуся населению, и заявляют, что хозяином всех этих ценностей должно быть всё население, как потребители. Они заявляют, далее, что общественные организации будущего должны состоять не только из производителей, но вообще из людей, как потребителей. Перед нами, таким образом, два ошибочных положения по вопросу о социальной революции.

Хотя в вышеприведенных взглядах и имеется ряд противоречий, основанных на явном недоразумении, однако, против всей постановки вопроса об «идеологии потребления» и «идеологии производства», против противопоставления этих начал друг другу мы должны решительным образом бороться.

Вскроем первое ошибочное положение.

Когда мы, революционные анархисты, говорим, что носителем и творцом социальной революции, хозяином всех трудовых ценностей, организатором и руководителем свободного общества должны быть только трудящиеся, то само собой понятно, что в круг этих

трудящихся входят не только те, кто в общем народном хозяйстве занят тем или иным производительным трудом, но также и те, кто по определенным причинам находится вне этого труда, — дети, старики, увечные. Каждый из этих последних или уже поработал на своем веку для общей пользы (старики), или впереди будет работать (дети), или же против своей воли, — болезнями, увечьями — оторван от необходимого труда, что должно вызвать к нему лишь сочувствие со стороны здоровых членов общества.

Больше того, — необходимые права и заботы социальная революция окажет беспомощным лицам бывшего нетрудового класса — детям, старикам, больным. Эту категорию лиц трудовое общество будет рассматривать, как беспомощных лиц своего класса, и будет относиться к ним соответственным образом.

Следовательно, производственный принцип охватывает всё активное трудовое население, являющееся основой нового общества, и всех тех, кто по ряду причин вынужден находиться вне общественного труда. От этого принцип ни в какой степени не теряет своего трудового характера. И в то же время он покрывает собою потребительский принцип, который, поэтому, никоим образом не может противопоставляться трудовому принципу.

Правда, в ряде случаев трудовое население должно будет организоваться и действовать, как потребители: например, в деле пользования жилищами, распределения продовольствия и т. д. В этих случаях оно создаст объединения чисто потребительского типа. Однако, в эти объединения будут входить, опять-таки, трудящиеся, члены их семейств и неспособные к труду лица. Следовательно, несмотря на свой потребительский характер, они в основе своей будут всё-таки трудовыми.

О каких же иных потребителях идёт речь, когда, оспаривая наш строго трудовой принцип, говорят, что земля, средства и орудия производства должны принадлежать не только трудящемуся населению, но всему населению, как потребителям? Потребителем является всякий индивид, независимо от того, — относится ли он к труду сочувственно или враждебно. Самыми усердными потребителями в настоящее время являются как раз те, кто живет ограбленным трудом, бесправием и нищетой рабочих и крестьян, т. е. господствующий класс собственников и властителей.

Само собой понятно, что к этим «потреби-

телям» у нас должно быть враждебно-непримиримое отношение до конца, и не только враждебно-непримиримое, но наступательно-боевое. Ибо до тех пор, пока их система насилия и порабощения не будет сломана, не может быть речи о построении свободной жизни трудящихся.

Лишь тогда, когда социальная революция сделает их не только потребителями, но и производителями, они будут равноправными членами свободного общества; тогда это общество будет заботиться об их потребностях так же, как о потребностях всех остальных своих членов.

Противопоставление принципа потребления трудовому производственному принципу не только лишено всякого основания, — оно является, кроме того, вредным, затемняющим смысл анархической борьбы и анархического строения общества.

И в самом деле, к трудовому принципу это противопоставление ничего положительного не добавляет. Но в то же время оно придает принципу анархической борьбы и анархического строения общества характер туманного либерализма. Оно как бы говорит, что анархизм стремится к такому социальному порядку, при котором должны удовлетворяться потребности не только трудящихся, но вообще всех людей, независимо от того, к какому классу они принадлежали до революции.

Подобная мысль не может быть принята анархизмом.

Одно из двух: или ожидаемый социальный порядок будет построен на начале труда; тогда все, за исключением детей, стариков и увечных, будут производителями; или же в первые дни революции трудовой принцип укрепитсЯ не в полной мере и не повсеместно; тогда между трудящимися и их противниками будет продолжаться борьба до победы трудового принципа.

Вскроем теперь другое ошибочное положение некоторых товарищей по вопросу о социальной революции.

— Революция должна начаться не с организации правильно налаженного производства, а с распределения, — говорят эти товарищи.

Само собой разумеется, что о голодных, раздетых и бездомных революция позаботится в первый же день, воспользовавшись при этом имеющимися запасами. Но с ее стороны это будет отчасти моральный долг, а отчасти одно из средств сплочения и дальнейшей организа-

ции революционных сил труда. Социального вопроса этот акт еще не решит. Ибо дело революции сводится не к тому, чтобы в первый же день победы отдалась распределению, а к тому, чтобы трудящиеся закрепили за собой фактическое право и возможность полностью удовлетворять свои потребности навсегда.

За первыми днями победы и широкого потребления придет неминуемое стихийное разрушение всего хозяйства, производимое революцией; придет также организованная контрреволюция. И чтобы немедленно вслед за победой не оказаться пораженными, трудящиеся всему этому должны будут противопоставить свою организованную волю и силу. Им надо будет чем-то бороться, чем-то поддерживать себя. Чем же? Захваченным у капиталистического общества добром? Но ведь этого добра немного, а при тактике потребления это немного быстро придет к концу.

Стремиться к тому, чтобы овладеть запасами капиталистического общества и затем заняться распределением и потреблением их, это значит поступать столь же наивно и легкомысленно, сколь наивно и легкомысленно поступает страус, когда он прячет в траву от опасности свою голову, оставляя самого себя на виду.

Ведь капиталистическое общество богато и сильно не теми запасами, которые у него накоплены, а, главным образом, тем, что на него непрерывно, день и ночь, работает гигантская мастерская с сотнями миллионов рабочих рук, называемая современной промышленностью и земледелием. Стоит прекратить работу этой универсальной мастерской — и капиталистический строй станет до ничтожного слаб, несмотря на те или иные запасы. И главнейшая задача трудящихся в социальной революции заключается в том, чтобы, отняв у буржуазии эту мастерскую, немедленно обратить все ее силы на прямое служение себе.

Только так, подходя к делу строго и серьезно, рабочие и крестьяне совершат действительно социальную революцию, которая в широком смысле накормит голодных, оденет раздетых, даст жилище бесприютным.

Мы, таким образом, устанавливаем, что основной и ближайшей задачей социальной революции является организация производства и потребления на трудовом начале.

В каком же смысле эта задача будет решаться?

На этот счёт русская революция даёт нам более или менее полный ответ. Одно из главных её указаний состоит в том, что без правильного решения земельного вопроса и вопроса продовольственного, общего всему населению, не может быть речи об организации промышленного производства на началах трудового самоуправления. Земля, промышленность и продовольствие в социальной революции замыкаются в одну цепь, превращаясь в одну общую проблему — земли, производства и потребления. Нельзя решить ни одной части этой проблемы, не решив одновременно остальных её частей.

Наиболее простым и ясным вопросом в этой проблеме является вопрос земли. Несомненно, при первых массовых выступлениях, при первых успехах революции крестьяне завладеют всей землёй и орудиями её обработки, находящимися в пользовании эксплуататоров чужого труда. Желательно, конечно, чтобы с первого же шага крестьяне установили коммунальное пользование землёй и прибегли к коммунальному способу её обработки. Ибо земельное хозяйство крестьян, как бы оно ни господствовало в стране, является, все же, частью общего народного хозяйства, которое лишь в полном коммунизме может избежать буржуазных противоречий.

Однако, фактически, конкретно вопрос о формах пользования землёй и способах её обработки (коммунально или семейно) может быть решен лишь самими крестьянами. Это обязывает анархистов теперь же повести среди крестьян наиболее интенсивную проповедь анархических идей, анархической организации земельного хозяйства.

Огромное значение в решении земельного вопроса в коммунальном смысле окажет то, насколько городские рабочие проведут принцип рабочего коммунизма у себя — в промышленном производстве. Если в сношениях с крестьянами рабочие будут действовать не отдельными лицами, и не отдельными группами, а огромным коммунистическим коллективом, охватывающим всё производство, или по крайней мере целые отрасли его, то это, несомненно, в огромной степени повлияет на крестьянство и толкнет его к коммунальной организации земельного хозяйства.

Решение земельного вопроса сильно облегчит решение продовольственного вопроса, без

которого в свою очередь невозможно решение вопроса промышленного производства.

Несомненно, первое время революции промышленность будет столь дезорганизована и не приспособлена к нуждам трудового города и деревни, что не сможет полностью обрабатывать даже городских рабочих. Последние невольно должны будут пользоваться необходимой помощью от крестьянства. Но помощь эта в серьезном размере, который обеспечивал бы успех революции, возможна лишь при одном неслыханном условии — при тесном революционном сотрудничестве городских рабочих с трудовым крестьянством.

Преступная и гибельная продовольственная политика большевиков, при которой город вступал с деревней в отношение войны за хлеб, истощающе показала, что вне революционной связи и революционного сотрудничества рабочих с крестьянами не может быть победы революции, по крайней мере в России и в странах, подобных ей.

Революционная связь рабочих с крестьянами должна быть только прямой, непосредственной, идущей из промышленного предприятия или из производственного союза в деревню, а из деревни — в промышленные предприятия или производственные союзы.

Поскольку рабочие массы возьмут производство в свои руки, постольку они должны будут немедленно позаботиться о насущных нуждах деревни, стараясь доставить крестьянам возможно больше необходимых им предметов потребления. Крестьянство не замедлит, в свою очередь, доставить в города необходимое продовольствие и сырьё. Взаимная поддержка двух трудовых классов немедленно вызовет к жизни общие органы связи и снабжения, задачей которых будет — организованными и коллективными усилиями снабжать деревню продуктами городской индустрии, а город — продовольствием и продуктами деревенского труда. С этого начнётся социальное и революционное сотрудничество рабочих и крестьян, на основе которого будет создана могучая продовольственная база, обеспечивающая организацию нового производства и дальнейший успех всей революции.

Каковым же должно быть новое производство?

Оно должно соответствовать цели трудящихся в социальной революции.

Цель борющегося труда — достижение свободы, социальной независимости и удовлетворения своих потребностей теми средствами существования — хлебом, одежей, жилищами и культурой, — которые в современном народном хозяйстве вырабатываются рабочими классами.

Но очевидно, что сам аппарат народного хозяйства не может принадлежать и не может служить отдельным лицам или отдельным группам. Он может принадлежать и служить только всему обществу тружеников. Из этого положения вытекает характер и облик нового производства.

Раз производственный механизм и средства производства будут принадлежать всем, то, естественно, производство не может быть построено на принципе частной или групповой собственности.

Оно не может быть также государственно-капиталистическим, каковым в настоящее время является национализированное производство в советской России. Не может потому, что национализированное государственно-капиталистическое производство, — так же, как и обычное капиталистическое, — ведется не самими трудящимися и не в их интересах, а группой государственных чиновников в интересах правящей партии.

Не может оно также быть построенным на артельных началах, когда отдельные группы производителей эксплуатируют предприятия в свою узко-групповую пользу. Ибо помимо того, что средства и орудия производства принадлежат всему населению и не могут быть разрозненно эксплуатируемы отдельными группами в их пользу, — помимо этого в современном народном хозяйстве не все отрасли труда дают одинаковый доход: одни больше, другие меньше, а третьи, как, например, школы, больницы и т. д., совсем не имеют никакого дохода, ибо не производят продуктов на рынок. Эти последние отрасли труда могут нормально жить и функционировать не в условиях артельного производства, а в условиях общего единого народного хозяйства, живыми звеньями которого они, а также все остальные отрасли труда, являются.

Новое производство, чтобы не впасть в буржуазные противоречия, должно быть общим единым производством трудящихся, обнимающим все предприятия и все отрасли труда в одно целое. Взамен иерархического власт-

нического начала, господствующего сейчас в мастерской, трудящиеся введут в новом производстве строгий принцип товарищества и равенства. Воля трудящихся в широком смысле этого слова будет господствовать в нем. Производственные объединения, которые в дни революции охватят большинство, если не всех, трудящихся, или Советы Производственных Обединений будут руководить производством по указаниям, которые широкая рабочая масса будет каждый раз выносить на общих собраниях, конференциях и съездах.

Именно так современные рабочие и понимают данный вопрос. Рабочие донецкого бассейна, Урала, Петрограда, центра России, Кавказа, далекого Закаспия, рабочие верфей, железнодорожные рабочие и т. д. без конца — все они чувствуют и сознают себя работниками одной и той же общей мастерской, которая, рано-ли, поздно-ли, перейдет к ним и под их управлением будет служить их интересам. Эта коллективная мысль трудящихся становится задачей дня и она должна лечь в основу положительных построений анархизма в первый день социальной революции.

Указанное нами основное строение нового производства определяет дальнейшую стройку самоуправляющегося общества рабочих и крестьян. Раз производство является единым, общим, а иным оно быть не может, то все производимые в нем продукты также являются общими, принадлежащими в одинаковой мере всем участникам производства. Эти продукты составят общий продовольственный фонд трудящихся, из которого каждый участник нового производства, общественно-профессиональные организации, с ним связанные, дети, инвалиды труда и т. д. будут получать, на общих равных основаниях, всё нужное для их жизни. Понятно, это нужное, по необходимости, будет первое время ограничено и сведено к минимально-необходимому. Опыт революций показал, что в первые дни, ввиду революционных потрясений и не прочно поставленного еще нового производства, богатых продовольственных фондов, которые бы с избытком удовлетворяли потребности всех, не окажется. Это будет учтено производителями и применительно к этому будет организовано распределение. Будут ли в деле распределения продуктов, а также в деле сношения города с деревней сохранены какие-либо средства обмена (деньги или подобные им знаки) или нет — это вопрос временного чисто-технического удобства, а не

принципа, и он может быть решен на месте и на деле самой трудовой массой.

В целях общего равномерного распределения продуктов городские рабочие создают у себя технические органы снабжения, на обязанности которых будет — регулярно и непрерывно снабжать трудящихся всем необходимым. Для хозяйственных сношений с деревней — получения из нее сырья и продуктов ее труда, а также для снабжения ее продуктами городского труда — будут учреждены смешанные органы приёма и снабжения, до некоторой степени напоминающие собою современные трудовые кооперативы, но отличающиеся от них полным отсутствием личного (кооперативного) интереса: органы приёма и снабжения по поручению трудящихся будут выполнять лишь одну строго-техническую функцию приёма и снабжения.

* * *

Такова, в общих чертах, положительная задача первого дня социальной революции. На ее осуществление должны быть направлены главные усилия трудящихся. Ибо социальная революция может закрепиться и восторжествовать лишь в том случае, если положительные задачи этой революции будут во-время и в полном объеме, осуществлены. Больше того — в определенных положительных задачах заключается и самый смысл революции.

Однако, следует помнить, что осуществление указанных положительных задач зависит не только от творчества и добрых стремлений к труду, но и от того, насколько трудящиеся учтут и выполнят боевую сторону дела. Социальная революция, ставящая на карту самое существование всех нетрудовых элементов современного общества, вызовет отчаянное сопротивление этих элементов, которое превратится в ожесточенную гражданскую войну. Эта война потребует от трудящихся широких военных формирований и продолжительных военных операций. Сколь бы велик ни был их успех в первые дни революции, буржуазные господские классы, всё же, в огромной степени сохранят свои силы сопротивления и в течение многих лет будут переходить в наступление на революцию, стараясь возратить утерянное. Не следует забывать, что кроме существующих господствующих групп, современное капиталистическое общество таит в себе, в виде зародышей, массу новых групп, ко-

торые почитают себя ближайшими кандидатами на господство в стране и которые в момент революции неизбежно поведут ожесточенную вооруженную войну за установление своей диктатуры.

В русской революции примерами военных наступлений на революцию со стороны господствующих классов являются: движение генералов Корнилова, Каледина, Краснова, Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и многих других.

Примерами вооруженной борьбы за установление власти новой господской группы является борьба всех политических партий, начиная с полумонархистов-полуреспубликанцев — кадетов, и кончая левым крылом социалистической демократии — коммунистами-большевиками.

На примере России мы видим, что угрозы революции, и притом военные угрозы, представляемые этими «зародышевыми» господскими группами, — не меньше угроз, представляемых военной силой низвергаемого господского класса: именно, не этот последний приостановил и затем раздавил в военном порядке русскую революцию; ее разгромила военная сила организованной и захватившей государственную власть политической партии.

Пример Италии в свою очередь показывает, как рабочий класс, занявший фабрики во многих местах страны, но не освободившийся от влияния политических партий и не организовавший во-время военной самообороны, вынужден был сдать капиталу свои прекрасные революционные позиции и затем испытать весь ужас свирепой реакции.

Гражданская война, ведома с одной стороны во имя социальной революции, а с другой — против нее, будет длительная и жестокая война. Господствующий класс со всеми своими подклассами проявит максимальное сопротивление, прибегнет ко всем средствам, чтобы остаться победителем, ибо в этой войне в полном объеме и навсегда будет решаться его судьба.

Революционный рабочий класс города и деревни должен во-время учесть эту сторону революции и во-время принять меры, чтобы выйти в ней победителем.

Лишь при строгой осмотнительности, при своей организованной боевой силе он обеспечит и воплотит в жизнь положительные задачи революции.

П. Аршинов.

ОБ'ЕДИНЕННЫЙ АНАРХИЗМ

Открывая настоящий отдел, мы даем место резолюции, выработанной Союзом Об'единенных Анархистов Сев. Америки и дающей данному вопросу как некоторое теоретическое, так и известное практическое освещение.

В следующих номерах „А. В.“ мы предполагаем посвятить этому вопросу ряд обстоятельных статей.

Обращаем внимание товарищей на то обстоятельство, что вопрос этот тесно связан как с теоретическими проблемами анархизма — поскольку об'единенный анархизм должен, думаем мы, стремиться построить известный синтез анархического мировоззрения, так и с вопросом широкой организации анархистов. Та и другая стороны анархизма, — при детальной их разработке в соответственных отделах журнала, — будут, в отношении общих заключений и выводов, сосредоточиваться в данном отделе, как в фокусе.

К ВОПРОСУ О СИНТЕЗЕ АНАРХИЗМА И ОБ ОБ'ЕДИНЕНИИ АНАРХИСТОВ

(Резолюция Союза Об'единенных Анархистов Северной Америки)

417 16
Рассматривая общее состояние анархического движения, мы — группа анархистов Северной Америки — пришли к заключению, что одной из существеннейших причин его слабости являются фанатизм, догматичность и нетерпимость различных анархистских фракций и течений, приводящие к постоянной и зачастую весьма ожесточенной взаимной борьбе, отталкивающей и деморализующей широкие круги трудовых масс.

Необходимость найти выход из создавшегося положения чувствуется каждым серьезно относящимся к своему делу анархистом.

Каким же может быть этот выход?

Мы отрицаем, как не анархическое, всякое стремление какой-либо из фракций подчинить себе все остальные.

С другой стороны мы находим, что временно привитая терпимость во взаимоотношениях остающихся организационно обособленных течений, старающихся каждое в отдельности увеличить силу своего влияния, с неизбежным в таком случае подчеркиванием разграничивающих их линий, со стремлением углубить, увеличить и обосновать эти различия, не будет долговечной.

Необходимо найти общую всем точку для вольного соглашения, которая, предоставляя полную свободу вариации анархической мысли и деятельности, служила бы в то же самое время критерием, указыва-

щим тот предел, за которым эти вариации перестают быть анархическими.

Очевидно, что основой такого соглашения, об'единения, может быть только самое понятие анархизма.

Мы представляем себе анархизм как процесс развития человечества, в направлении все возрастающей сложности и силы каждой его особи, через свободное воздействие последней на окружающие ее условия жизни. Необходимой предпосылкой интенсивности такого процесса развития по нашему мнению является свободное сотрудничество людей на основе равенства. Потребность в таком развитии мы находим естественной, заложенной в самой природе человека. Именно благодаря этому обстоятельству — анархические стремления проявляют себя стихийно всякий раз в народных движениях, даже тогда, когда теоретическое представление об анархизме совершенно отсутствует. Оформленные сознанием, эти стремления выражают себя в идеях и представлениях современных анархистов.

Ясно, что источник всех этих представлений и идей — один. Это — различные побегі, но одного и того же ствола движения, и связь между ними имеет характер скорее органического средства, нежели механических отношений.

Поэтому и всякое деление анархистов на взаимно антагонистические и враждебные группировки, фракции и течения является ис-

кусственным и не может быть рассматриваемо иначе, как плод влияния окружающих нас капиталистических условий, в корне противоречащих вышеуказанному процессу развития.

Но представляя себе анархизм, как процесс развития человечества в определенном направлении, мы отвергаем понятие конечной и статической цели, ибо, если только не отрицать самый этот процесс, то его развитие представляется нам бесконечным и беспредельным. Поэтому и на все так-называемые конечные и конкретные цели, выдвигаемые анархистами различных толков, мы смотрим только как на методы и средства достижения тех или иных ступеней и отдельных фазисов этого развития, степень анархичности которых определяется степенью их соответствия с направлением последнего.

Безвластие и коммунизм — необходимы: необходимыми потому, что только при их наличии возможно интенсивное и успешное развитие человечества в сторону непрерывного и безграничного совершенствования каждой из составляющих его единиц. Но если это так, тогда они — только средства; необходимые, но все-таки средства.

Организационно-массовый метод действия, — анархо-синдикалистский метод, — поскольку он в своем применении не создает противных этому ходу развития тенденций, тоже необходим; ибо ни для кого теперь не тайна, что без сознательного вмешательства масс в дело строительства анархического будущего — последнее невозможно. Но являясь необходимым методом, анархо-синдикализм только им и остается и, так же как и анархо-коммунизм, не выражает всего содержания анархизма. Да оно и не может быть выражено полностью: можно говорить только о меньшей или большей его полноте, а последняя безусловно достигается не расщеплением движения, не распылением его, а объединением и последовательным срастанием в единое движение всё новых его проявлений.

Анархический индивидуализм, поскольку он выдвигает на первый план борьбу за свободное развитие человеческой личности, считая, что потребность в таком развитии присуща каждой человеческой особи, — вполне отвечает нашему пониманию анархизма. Но поскольку некоторые из индивидуалистов смотрят на такое развитие, как на удел избранных, особенно одаренных природою единиц;

поскольку они считают, что это развитие санкционирует всё, что бы этой личности не вздумалось совершить, — даже посягательство на свободу другой личности, если только первая «может» это сделать, — они не анархисты; ибо они, точно так же, как и идеологи буржуазного индивидуализма, не хотят или не способны понять, что развитие человека в направлении всё увеличивающейся степени его индивидуализации, сложности и силы совершается только в условиях его непосредственного взаимодействия с внешней средой, и притом — через посредство различных форм взаимопомощи, а не через антагонистические стремления внутри вида. Последние же всегда приводили лишь к истощению человеческих сил и энергии, к задержке, застою, а иногда и к движению вспять человеческого развития.

Понимая так анархизм, мы не хотим этим сказать, что наше понимание единственно правильное, не допускающее никаких дополнений, возражений, требующее лишь своего безусловного признания. В противном случае, мы опять-таки сами вступили бы на путь фракционной деятельности, прибавив к общему количеству ныне существующих фракций еще одну, что противоречило бы нашим стремлениям. Поэтому и на высказываемые здесь суждения об анархизме необходимо смотреть только как на попытку теоретического синтеза (обобщения) анархических идей и представлений, — попытку, имеющую своей целью вызвать оживленный обмен товарищеских мнений по вопросу об объединении, и только в результате такого обмена мнений, мы думаем, сможет выработаться то широкое понимание анархизма, на котором объединение станет возможным.

Мы вполне сознаем всю трудность проведения в жизнь этого начинания в ныне существующей атмосфере взаимной вражды и недоверия, явно губящих всё движение. Но поскольку эта вражда и недоверие являются прямым следствием фракционного воспитания, — они исчезнут вместе с исчезновением самих фракций. И ставя теперь вопрос об объединении всех анархических течений, мы глубоко верим, что товарищи поймут всё его значение и найдут в себе достаточно мужества и самоуважения, чтобы подняться выше накали повседневных отношений. А чуткая совесть анархистов подскажет им, как разрешить его в положительном смысле.

Первыми шагами в этом направлении мы считаем:

1) всестороннее обсуждение этого вопроса во всех анархистских организациях на местах и заявления таковых на страницах анархической прессы о выработавшемся у них к нему отношении;

2) созыв конференции организаций и отдельных товарищей для совместного разбора имеющихся у них предложений по данному

вопросу и, если будет возможным, — соглашения на общем плане объединенной анархической работы.

К делу же, товарищи, — время не ждет.

С товарищеским приветом
Союз Объединенных Анархистов Северной Америки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШИХ ОБЩИХ ЗАДАЧАХ

Любая историческая эпоха в развитии человечества ясно говорит о том, что она в такой же мере являлась продуктом человеческого творчества, в какой, с другой стороны, сама известным образом вырабатывала черты того или иного материального и духовного человеческого быта. Наблюдать этот двусторонний процесс на протяжении человеческой истории — чрезвычайно поучительно для нашего времени. Совершенно новые и неожиданные перспективы открываются перед нами, когда мы видим ныне, как занятые производительным трудом работники, сознательно — в широком синтезе — объединяя открытия и достижения современности с естественным (или вернее — приближающимся к природе) образом жизни, осуществляют все эти завоевания в творческом направлении.

Но, до сих пор всё это является уделом чувств и мыслей одних лишь сильных и передовых умов. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы достижения эти сделать доступными широким массам.

Здесь-то, однако, и начинаются ошибки.

Организации в виде учреждений, носящих более или менее принудительный характер, являются всесторонним препятствием. Организация есть единство (единосущность) известного целого. Человеческое общество — организация. Но если это так, то всякие отдельные «союзы» и партии не представляют собой организации, то-есть члены их еще не организованы. (Людей, которые по идейным основаниям стремятся к развитию и освобождению человечества и, следовательно, не противодействуют этим целям путем разделения его на касты и классы, можно уже теперь рассматривать, как объединенных и организованных в человечестве.)

В неправильном — по старым шаблонам — подходе к делу организации заключается, несомненно, величайшее зло нашего времени.

— «Вступайте в единую спасающую церковь нашей партии», — это означает, что каждая партия борется лишь за свое собственное существование. Это тем более так, чем больше в ней господствуют вожди с властническим духом и с соответственными этому духу целями.

Здесь мы, как подлинные анархисты, должны разрушать, чтобы иметь возможность созидать наново в широком смысле: созидать, не втискивая людей, и без того совершенно потерявших голову от обилия всяких зазываний, в патентованные так-называемые «организации», отмеченные старыми навыками и обычаями.

Свободные сходы и собрания, свободные союзы и объединения, свободные общины — такова цель. Свободно распространять наши идеи — только таким путем можем мы действовать, если организация является естественным образованием и таким остается.

Только тот, кто не в силах двигаться самостоятельно, нуждается в опоре; такой опорой, — яко-бы средством, ведущим к цели, — является формальное, механическое членство в организации. Но как легко такое членство становится самоцелью!

Сколько тяжелого, досадного, нелепого и мешающего отпало бы, если бы личности организовывали человечество в свободные объединения.

Таков, во всяком случае, намечающийся для нас путь к цели.

Р. Боргман.

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

СМЫСЛ РАЗРУШЕНИЯ (окончание).

Исчерпывается ли сказанным в предыдущих письмах вопрос о роли и значении разрушения в социальной революции? Далеко нет. Нет, однако, надобности останавливаться на дальнейших положениях с тою же обстоятельностью. Ограничимся их более или менее краткой формулировкой.

Как мы уже отмечали, разрушение необходимо для того, чтобы разбить в глазах широких масс либеральные иллюзии и, таким образом, дать революции конкретную возможность *убить демократию, перешагнуть через всякого рода реформизм, преодолеть «середину»*. Без продолжающегося процесса глубокого разрушения, массы — после бури, после первых достижений — успокоились бы, вернулись бы к обычному труду. Жизнь снова «наладилась» бы, вошла бы — по существу — в прежнюю колею. Реформизм и демократия могли бы тогда укрепиться. Это убило бы социальную революцию. Продолжающееся разрушение не дает «средине» стать твердой ногой и разыграть роль силы, яко-бы разрешающей задачи революции, яко-бы творящей жизнь. Оно наглядно вскрывает фактическое бессилие «средины», создает необходимые разочарование и недоверие по отношению к демократии, продолжает революционизировать массы и, в конечном счете, проваливает «середину». (Формируя, в то же время, фронт реакции, разрушение тем самым делает борьбу более отчетливой и определенной).

Приведенные в прошлом письме примеры достаточно иллюстрируют данное положение.

В добавление к этим иллюстрациям, отметим два характерных момента в русской революции:

1) и до октября существовали большевики; и до октября они проповедывали свою революцию, стремились к ней; но осуществиться

и отбросить демократию эта революция смогла лишь тогда, когда созрел и поднял широкие массы необходимый для этого разрушительный процесс;

2) попытка некоторых — наиболее активных и нетерпеливых — элементов произвести революцию уже в июле 1917 г. не имела успеха: разрушение и его результаты не достигли еще в то время надлежащего эффекта.

В настоящее время дело демократии постепенно падает и за-границей. Ибо и здесь разрушение идет своим путем и выполняет свою миссию. Как мы уже указывали, его наличность и постепенное преодоление, при его содействии, демократических иллюзий — таков один из признаков развертывающейся социальной революции.

* * *

Продолжающееся неумолимое разрушение призвано рано или поздно разбить, в процессе развивающейся социальной революции, последние *попытки соглашения между трудом и капиталом*: попытки, которые на некотором протяжении революции (в особенности, в передовых промышленных странах) должны иметь место неоднократно и в самых широких размерах — с целью остановить нарастающую революцию и направить ее в русло «эволюции», в русло приспособленчества, пассивности и «мирного» изживания конфликтов. Неудержимое разрушение, в конце концов, вырвет из-под этих попыток всякую почву.

* * *

Лишь продолжающееся неудержимое разрушение даст революции конкретную возможность преодолеть и разбить *государство*:

обнаружить его творческое бессилие, его ненужность и гибельность, убить самую государственную идею, подвести широкие массы вплотную к идее негосударственного строительства и бытия. Без такого полного разрушения, государство — в той или иной форме — неизбежно овладело бы положением: ибо, пока новой ткани еще нет, — укрепляется, при малейшем успокоении, ткань старая. В этом случае — о социальной революции не могло бы быть и речи: заодно с государством, капитализм был бы спасен.

* * *

Во-очию обнаруживая всё творческое бессилие властнической организации, мечающей в то же время самостоятельным неканьям и самостоятельному творчеству масс, разрушение наглядно вскрывает *гибельность власти вообще*.

Больше того. Неумолимо вырывая почву из-под ног всякого правительства; шаг за шагом наглядно показывая фактическую пустоту и ложь всякой власти; отнимая у одной политической формы за другой возможность удачно оправдать свое бытие и прочно укрепиться, — разрушение развивая в глазах широких масс иллюзию не только власти, но и *политической деятельности вообще*, ведет к гибели самого политического принципа. Разрушение убивает политику — всякую политику, самую политическую идею, самую возможность какого бы то ни было политического построения. В этом отношении значение разрушительного процесса громадно. Ибо, без исчерпывающего разрушения — мираж власти и политики не может быть рассеян; а без полного крушения этого миража — социальная революция не может быть осуществлена.

* * *

Обнаруживая истинную природу — творческое бессилие, пустоту, ложь и гибельность — государства и власти, разрушение тем самым неумолимо вскрывает в глазах широких масс также всё *бесплодие и гибельность государственнического и властнического социализма*. Вместе со всем прошлым рушится и он — целиком построенный на закоренелых понятиях этого прошлого и потому так крепко

державшийся в умах — социализм, и освобождается от его пут подлинная революция.

Социализм ныне, по существу, разрушен. Таков один из крупнейших итогов разрушительного процесса и, в то же время, один из вернейших признаков развивающейся социальной революции.

* * *

Разрушение же призвано, следовательно, обличить всю вздорность, всю непригодность, для дела социальной революции, так-называемых *политических* (социалистических) *партий*. Нет двух мнений о том, что обилие этих последних и соответствующая раздробленность трудовых масс являются одним из величайших препятствий революции. Это понимают и сами партии. Но каждая из них, считая себя единственной обладательницей истины, не в силах действовать иначе, как превозносить себя, призывать к себе, поносить все другие партии. Разрушение справится с указанным препятствием и приведет, в конце концов, все партии к одному знаменателю: оно убьет их. Наглядно обнаруживая всё их бесплодие и приводя массы к железной необходимости действовать непосредственно, самостоятельно, объединенно, конкретно, разрушение убьет самую мысль — нелепую, ложную: пытаться, для масс и при помощи масс, политическим методом (овладение властью) осуществлять ту или иную социальную теорию. Разрушение и его результаты укажут носителям той или иной идеи их настоящее место и дело: проповедывать свою идею и свое понимание путей революции, но отнюдь не пытаться втискивать это понимание в жизнь, — как яко-бы единственно истинное, — с помощью политической организации и искусственно объединенных ею масс.

Начинающийся на наших глазах процесс разложения политических партий служит наилучшей иллюстрацией к сказанному.

* * *

Разрушение необходимо для того, чтобы *встряхнуть и революционизировать существующие рабочие организации*, которые в «нормальной» обстановке нашего времени склонны окостеневать, приспосабливаться, засасываться реформизмом и вырождаться.

В частности, продолжающееся разрушение является хорошим противовесом против разного рода уклонов и «опасностей» в *синдикалистском (и индустриалистском) рабочем движении* — этом наиболее ценном и интересном, с точки зрения социальной революции, организованном движении трудящихся. Искусственный и излишний — преувеличенный — централизм и бюрократизм; пассивность и бездеятельность рядовых членов; лидерство, оторванные от рабочей среды верхи и переоценка последними своего удельного веса; узость и зачастую нетерпимость; значительная — явная или скрытая — примесь политического элемента; перегибание палки в сторону эволюционно-организационного момента, и пр., и пр.... Стихия разрушения в процессе социальной революции развеет эти уклоны и опасности. Она пристукнет, посадит на место, пощелкает и порасхвывает многое и многих. Она образумит и осадит одних, растолкает и расшевелит других. Всякие «лавочные» построения, всякие люди и организации, воображающие, что они — «соль движения», что они «сделают революцию», окажутся жалки и немощны перед лицом революционной стихии, которая перекатится через их головы и через их слабости.

* *
*

Отметим также, что именно разрушение, связанные с ним стихийные процессы и вызванные им к жизни конкретные созидательные задачи должны будут дать первый решительный толчок ликвидации идейного и организационного разброда *анархистов*: ликвидации уклонов и искажений анархической мысли и практики. Способствуя выявлению подлинной линии анархического действия, ставя анархизм в необходимость конкретно мыслить и поступать, — поскольку он хочет принимать непосредственное и живое участие в социально-революционном процессе, — разрушение тем самым нанесет сокрушительный удар всякого рода ложным тенденциям в анархизме: слащавому пацифизму; интеллигентскому либерализму; мечтательно-туманному или эксцентричному индивидуализму; «валяй-анархизму»; примесям «партийности» и политикачества в анархизме; большевистскому уклону; наконец, — узкому фракционизму в наших рядах.

Политические партии претендуют на реализм и деловитость. Они считают анархизм (в лучшем случае) заоблачной утопией. В дей-

ствительности же, именно партии стоят на совершенно искусственном базисе, придающем им только видимость деловитости и реализма, что и обнаружится в процессе социальной революции: ложный, искусственный базис упадет, и вместе с ним упадут самые партии. Анархизм же, которому ставится в упрек его, яко-бы, теоретичность и оторванность от реальной почвы, должен будет, — как-раз, в процессе социальной революции (то-есть именно в тот нужный и показательный момент, когда надо будет действительно выявить свой социальный реализм и когда политические партии выявят лишь свое полное бессилие разрешить реальные задачи революции), — анархизм должен будет окончательно приобрести и обнаружить свой естественный, реальный базис, выявить свое здоровое, жизненное зерно, отбросив некоторые искусственные образования и наросты. В этом отношении разрушение и вытекающие из него необходимости сыграют крупную роль.

Из всего сказанного ясно также, что именно *последствия разрушительного процесса* приведут многих бывших противников в ряды анархизма, широко обнаружат жизненную правду анархических идей и дадут, наконец, мощный толчок широкому интересу к анархизму, широкому ознакомлению с ним, действительному восприятию его.

* *
*

Социальная революция торжествует не сразу. Не в мгновение ока и не по мановению волшебного жезла дает она плод. Первые моменты, первые стадии революционного процесса могут — почти должны — быть неудачны, ошибочны, бесплодны. Это обстоятельство грозит завести революцию в тупик и, с одной стороны, привести широкие массы к глубокому разочарованию, к унынию, а с другой — позволить враждебным силам тем легче сломить революцию и воцариться на ее развалинах. Но именно *продолжающееся разрушение* противодействует — в *социальной революции* — и той, и другой опасности: оно не дает окончательно укрепиться враждебным революционным силам и не дает массам *почить на разочаровании*. Оно — противоядие унынию. Оно гонит массы далее, заставляя их снова и снова двигаться и искать. Не давая, в то же время, реакции окончательно овладеть положением, оно не только заставляет, но и предоставляет массам физи-

ческую возможность преодолеть, «размыть» разочарование, перешагнуть через него, «переломить» его, — переработать в плодотворное раздумье, продуктивно использовать время, найти новые пути и выходы. Именно при продолжающемся разрушении — неизбежное разочарование первых этапов революции окажется временным, несущественным, «нейтрализованным». — Вот почему, также, продолжающееся ныне разрушение является одним из признаков развивающейся социальной революции. Несомненно, бесплодие русской революции должно было бы давно создать атмосферу полнейшей безнадежности и привести массы к безысходному разочарованию и унынию, — если бы не продолжающийся процесс разрушения, медленно, но верно продвигающий революцию вперед. В самом деле, мы нигде не видим ни уныния, ни безнадежности. Мы видим лишь, что Россия, пройдя известную стадию и опередившись в тупик, как-бы ждет. Мы видим, что трудящиеся других стран несколько не приходят в отчаяние, не опускают рук перед неудачей, продолжают быть более или менее бодрыми и активными. Почему? Именно потому, что продолжающийся процесс разрушения превозмогает тупик, порождает сознание постепенного его преодоления, «перемалывает» положение, исподволь ведет революцию к следующему этапу. Массы инстинктивно чувствуют это: продолжается разрушение, — продолжается и революция.

Если бы даже в некоторых странах наступало, в результате поражений и неудач, известное уныние, — в других, в то же время, нарастает бодрая волна, и революция в целом продвигается вперед. Такое положение вещей характерно для социальной революции и для роли в ней разрушительного процесса.

* * *

Роль всеобщего разрушения чрезвычайно характерна и существенна для процесса социальной революции также и в том отношении, что именно это разрушение, расшатывая современные устои и подготавливая революцию в целом ряде стран (и, наконец, в международном масштабе), сводит к нулю возможность решительного подавления революции, вспыхнувшей в какой-либо одной стране, реакционными силами других стран. Это обстоятельство — одно из важнейших, обеспечивающих продви-

жение социальной революции вплоть до ее полной победы.

* * *

Продолжающееся разрушение должно не дать возможности враждебным и чуждым полной революции силам удовлетворить экономически — прочно — те или иные общественные классы и, опередившись на них, действительно остановить революцию, восстановив в той или иной форме капитал и власть. Вообще же говоря, разрушение должно не дать социальной революции успокоиться на каком бы то ни было результате, пока не будет достигнут полный ее результат: приступ к свободному строительству безвластного и равенственного трудового общежития.

Совершенно новые экономические и социальные основы жизни должны быть заложены в ходе социальной революции. Следовательно, вся прежняя экономика должна быть разрушена до основания — без всякой возможности ее восстановления в каком бы то ни было виде.

С этого именно развала должен начаться самый процесс. Пока современная экономическая жизнь не разрушена до основания, — у широких человеческих масс не может быть достаточного стимула, чтобы решительно оторваться от прошлого и приступить к строительству нового. Пока экономическая жизнь не разрушена до основания, — всегда найдутся силы, которые захотят и сумеют ухватиться за уцелевшие остатки старого и восстановить на них, в той или иной форме, прежнюю систему.

В бездну полного крушения, полной физической гибели должно заглянуть человечество, чтобы отшатнуться от начал, приведших к этой гибели, чтобы решительно рвануться к иному, чтобы заложить фундамент нового — истинно-прогрессивного, истинно-человеческого — быта.

Разрушение необходимо, между прочим, и для того, чтобы подготовить крушение основ всей современной хозяйственной техники: производственной, трудовой, техники обмена и т. д. Вся «техническая инерция» современного общественного хозяйства (нынешняя организация трудового процесса, нынешняя фабрика, нынешняя техника обмена, деньги и пр.) должна быть в корне расшатана разрушительным процессом.

Сказанное об экономической, социальной, и технической сторонах относится и к области

культуры, политики, права, религии, нравов, повседневного быта и т. д.

Все современные лже-культурные и пр. агитации должны быть разрушены до основания, чтобы люди решительно приступили к возведению новой постройки.

Лишь безысходное — до конца — разрушение всех современных ценностей приведет, наконец, человечество к сознанию нелепости и гибелиности окружающего, к чувству тоски, отвращения, к жажде решительного обновления.

* * *

Раскачивая, предрасполагая и подготавливая к революции широкие массы ряда стран, разрушение подготавливает возможность *революции, осуществляемой миллионами*. Разрушение пропагандирует и готовит к революции миллионы умов. Этим оно распахивает почву для революции подлинно-социальной, подготавливая условия, при которых миллионы будут желать революции, миллионы будут активно творить ее...

Тем самым создаются *предпосылки для того, чтобы революция была возможно менее болезненной и кровавой, прошла при возможно малом элементе насилия*.

Правильный учет значения разрушительного процесса разрешает, таким образом, в значительной степени *самую проблему насилия в социальной революции*. (Отметим, что даже большевистская революция в России, — происшедшая при далеко еще незаконченном процессе разрушения, — прошла сравнительно легко и бескровно. Кровавые ужасы последующих лет русской революции связаны не с самой революцией, как с таковой, но с ее чудовищным искажением).

* * *

Роль разрушения чрезвычайно важна в целом ряде чисто-психологических моментов.

Крупнейшим психологическим фактором существования, дальнейшего развития и, в особенности, *восстановления* капитализма (частного или государственного — безразлично) служит известная *воля к труду* работающего населения.

В современном состоянии общего и полного разрушения, капитализм мог бы быть восстановлен в качестве *прочного и имеющего дальнейшие перспективы общественного процесса* лишь при условии огромного психологического подема, огромного и бедного трудового напряжения производящих масс. Для того, чтобы возродить подорванное (а в некоторых странах совершенно разрушенное) сельское хозяйство, поднять упавшую промышленность, двинуть вперед дело транспорта, оживить умирающую денежную и кредитную систему, серьезно повысить благосостояние населения и увеличить его потребительную и покупательную способность, — для всего этого (а вне этих условий серьезное возрождение капитализма ныне невозможно) необходимо громадное и воодушевленное трудовое усилие масс.

Психология устойчивости, уверенность в прочности данного положения, внутреннее примирение с системой и (хотя бы вынужденное) признание ее — вот что единственно может в наше время питать и поддерживать эту «волю к труду».

Но делая волю к труду тем необходимым, разрушение ее же убивает. Чем полнее разрушение, тем больший психологический подъем требуется для восстановления разрушенного. Но тем этот подъем труднее. *Именно безысходное, неудержимо продолжающееся разрушение и связанное с ним сознание неустойчивости сводят указанный, необходимый капитализму, фактор на нет*.

Ныне — воля к труду не только не нарастает, но, наоборот, заметным образом падает всюду. В ряде стран интенсивность труда понизилась в невероятной степени. Вся психология труда, свойственная данной хозяйственной системе, разваливается. Вместе с тем разваливается и самая эта система, ибо без внутреннего — хотя бы искусственного — подема дальнейшее существование и развитие этой системы невозможны. Оба процесса разложения — разложение системы и разложение психологии — идут рука-об-руку, влияя один на другой, поддерживая и подстегивая друг друга.

Сумеет ли капитализм снова овладеть растатанной ныне волей к труду, — укрепить, поднять и довести ее до необходимого напряжения, — таков для него вопрос жизни и смерти.

Мы полагаем, что не сумеет.

Наблюдающийся повсюду резкий упадок трудовой энергии мы считаем одним из круп-

нейших психологических эффектов развертывающегося разрушительного процесса, одним из серьезнейших факторов и признаков крушения капитализма.

Новая «воля к труду» возможна теперь лишь в новых же общественно-экономических условиях.

* * *

Не менее важен и другой психологический момент, о котором мы вскользь упомянули.

Лишь неумолимое разрушение способно разбить в массовом масштабе психологию покорного примирения с капиталом и властью, как с неизбежностями; способно убить идею прочности, несокрушимости капитала и власти. Вместе с тем, широкими массами приобретает *идея необходимости всеобщего творческого движения, идея развития, идея необходимости самостоятельного активного действия...* Проникновение всеми этих настроениями — необходимое условие социальной революции. Одной из причин неудач революционной борьбы служат перешитность и несамостоятельность масс. Разрушение приведет массы к *необходимой решительности и самостоятельности действия.*

Именно разрушение разобьет, вообще, множество закоренелых людских предрассудков, мешающих широким массам решительно пойти на революцию. (Предрассудок возможности прочного благополучия независимо от благополучия общественного целого занимает среди них не последнее место).

* * *

Именно разрушение необходимо для того, чтобы разбить обычный узкий людской *«эгоцентризм»* — закоренелую убийственную узость людских «убеждений», построений, мировоззрений, теорий, *«измов»* и пр. Разрушение необходимо, чтобы развернуть перед нами горизонты *широкого искания, понимания, подхода, действия, творчества.*

Марксизм, революционный социализм, максимализм, анархизм, синдикализм, коммунизм, индивидуализм, махновщина, — как обнять и примирить все эти противоречия? Как связать их, превратить в единую и потому действительную *«идею-силу»?*

Мы привыкли, в большинстве случаев, крепко усаживаться на *один из наших «измов»* и нахлестывать его изо дня в день, стремясь «выехать» именно на нем и самоуверенно, не вдумываясь, — пренебрежительно или нетерпимо — отбрасывая все другие. Разрушение и брошенные им горизонты убьют этот бесплодный *«идейный эгоизм»*. Разрушение и выдвинутые им задачи не оставят камня на камне от нашей обычной схоластики мысли, от нашего обычного кропанья... Разрушение и связанные с ним явления покажут, что подлинная жизнь, подлинная истина и подлинная мощь революции заключаются в *возможно большем приближении к синтезу разбросанных зерен истины и, главное, в действенном синтезе трудовых сил*; что перед лицом социальной революции — всякие наши отдельные *«измы»* суть лишь ничтожные иллюзии ничтожных человеческих единиц.

Разрушение и его последствия подготовят сплочение всех подлинных сил социальной революции в одну действительную силу.

Резюмируем сущность сказанного о разрушении и его роли в социальной революции.

1. Всеохватывающее и до конца идущее разрушение нынешнего общественного строя, — всей современной «культуры», со всеми ее устоями, ценностями, навыками и понятиями, с ее экономикой, политикой, правом, психологией, социальным бытом, техническими и организационными методами, — есть *conditio sine qua non* социальной революции и ее полной победы. С разрушения — с безысходного разрушения — должна начаться победоносная социальная революция. Место для постройки нового здания должно быть совершенно, до последних остатков, очищено от всего старого. Массы начинают и продолжают революцию под давлением неумолимого процесса разрушения и его последствий.

2. Разрушение это есть, в своем существе, грандиозный чисто-стихийный процесс, не зависящий от сознания и воли людей.

3. Роль и значение разрушительного процесса чрезвычайно многообразны, разносторонни. Все, без исключения, области общественной и личной жизни вовлекаются в сферу этого разрушения и перерабатываются заново в его горниле.

4. Грандиозное разрушение, развертываю-

щееся ныне в международном масштабе и не дающее ни малейших оснований предвидеть его прекращение, дает серьезное основание думать, что человечество вступило ныне в эпоху подлинной социальной революции, — той революции, до которой оказывались бессильны докатиться все революции прошлого века.

* * *

Революционные анархисты всех стран должны теперь же хорошо учесть данное положение вещей и сделать из него все надлежащие выводы. И прежде всего, они должны отдать себе ясный, окончательный отчет в том, что не теории, не «-измы» (из-за которых право напрасно и по-детски ломается столько копий), не сама по себе пропаганда, не те или иные партийные или революционные организации, не «революционное меньшинство» приводят к подлинной и победоносной социальной революции; что не хозяйственный расцвет и не «солидная материальная база» обеспечат ее возможность; что грандиозный процесс стихийного разрушения — вот главный двигатель этой революции; что громадное стихийное разрушение — вот фон, на котором социальной революции предстоит строить; что разрушение — вот базис, на котором массы должны будут созидать. Из этого основного факта — из его твердого признания и учета — должны анархисты исходить в своих построениях и в своей деятельности.

В заключение, поясним несколько*) самое выражение: *необходимость разрушения*.

Конечно, его следует понимать не в метафизическом, не в обще-фаталистском и не в телеологическом смысле.

Необходимость означает, в данном случае, следующее.

Данный общественный строй становится окончательно строем полного застоя и регресса. Реформистские пути оказываются окончательно бессильны дать выход из положения. Единственным выходом становится тогда социальная революция.

Но вот — в силу определенных и непреодолимых условий, эта революция затягива-

ется, не реализуется. По своему характеру, мешающие условия таковы, что они могут отпасть лишь при устранении известных, поддерживающих эти условия, жизненных устоев. Против этих-то коренных устоев *непосредственная революция* остается бессильной. (Бессильной, сама по себе, является и идейная работа — революционная пропаганда).

Тогда изживший себя, но удерживающийся строй развивает, — естественно, — ряд разрушительных явлений: застой, становясь длительным, вызывает разложение и развал. И вот — *этот развал, разрушая все наличные жизненные устои, тем самым разрушает, наконец, и мешающие условия*, подготавливает условия нужные и приводит к решительной революции. Иначе говоря, разрушение этих устоев становится существеннейшим условием — *необходимостью* — революции.

Далее. Если разрушение не обладает *законченной полнотой*, если устои не сметены до конца, то возможно снова возникновение условий, мешающих полноте революции и останавливающих революционный процесс. Однако, при наличии известных данных, ряд естественных же причин ведет к полноте и законченности разрушения. Законченная полнота разрушения обеспечивает и полноту революции, то-есть является, опять-таки, существеннейшим — необходимым — условием социальной революции и ее полной победы.

Мы находим, что именно таково сейчас положение вещей в международном масштабе: определенные условия сдерживают решительную революцию; разбить эти условия может только разрушение известных общественных устоев; разложение и развал изжившего себя капиталистического строя механически ведут именно к этому разрушению, и, тем самым, к преодолению тормозящих условий, а в конечном счете — к революции. Характер, размеры и обстановка разрушения дают основание думать, что наличные жизненные устои и, следовательно, тормозящие решительную революцию условия будут, на этот раз, уничтожены без возможности возврата, и революция не сможет быть остановлена.

Вот в каком смысле мы говорим о необходимости разрушения, и вот почему считаем нашу эпоху эпохой социальной революции.

*) Подробное об этом будет речь в „Анализе социальной революции“.

АНАРХИЗМ И МАХНОВЩИНА

(Ответ на вопросы и возражения)

По общепринятому политическому шаблону русскую революцию рассматривают обычно в свете деятельности той или иной политической партии. В первые семь месяцев руководящую роль в ней играли, мол, буржуазно-демократические и социалистические группировки. После же октябрьского переворота руководящая роль перешла исключительно к социалистической партии коммунистов-большевиков. В виде незначительных эпизодов, в революции проявлялись партизанщина, повстанчество, отдельные местные коммуны. —

Такова общая характеристика русской революции, даваемая политическими партиями.

Приходится удивляться тому, что многие революционные и общественные деятели России и за границы так легкомысленно приняли эту характеристику русской революции.

Всякий, искавший разгадку социально-исторических событий, происшедших в России, невольно должен был остановиться на том факте, что руководящий элемент политических партий и социально, и психологически отделен был целою пропастью от основной

массы народа. Поэтому, всякий невольно должен был остановиться на том предположении, что помимо движений, руководимых и направляемых политическими партиями, русская революция, в силу своего размаха и глубины, неизбежно должна была выявить самобытные революционные движения низов трудящихся.

И она, действительно, их выявила.

Самым крупным из них является махновщина.

До последнего времени сведения о маховском движении были крайне скудны; а те, которые имелись, были обычно извращены. Как движение низовых слоев беднейшего крестьянства и рабочих, атакованное, к тому же, отоюсю многочисленными армиями различных политических групп, из которых каждая боролась за установление в России своей диктатуры, махновщина физически не могла полностью зафиксировать и широко распространить свои идейные устремления, цели борьбы, методы их осуществления, различные этапы ее. Она вынужденно ограничивалась беглыми

ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

(Продолжение) *)

Глава четвертая.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ.

I.

Июль месяц 1918 года.

Я на Украине.

На тех самых широких степях, в веселых селах, среди того самого крестьянского населения, которое, до прихода Центральной Рады со своими могущественными сильными защитниками — немецко-мадяро-австрийскими армиями и до водружения последними царства гетмана Павла Скоропадского, — так смело и настойчиво заявляло о своем торжестве над несправедливостью старого царского режима.

А теперь...

Теперь я их встречаю согбенными, забитыми, изнуренными, придавленными в своих свободных мыслях и в смелых и чистых стремлениях, — встречаю немых, безнадеевыми.

Да и то встречаю далеко не всех. Многие из крестьян были уже расстреляны или посажены в тюрьмы, где, во многих случаях, они также бесследно исчезали. Другие остались в своих ограбленных избушках, не раз подвергаясь избиениям.

У оставшихся в живых крестьян я уже не видел такого энтузиазма, такой сплоченности и веры в свои стремления к трудовой социальной независимости.

И казалось, что вся та организация повстанческих крестьянских групп, которую я со своими близкими друзьями — Лютым, Марченко и Каретниковым — уже начали и при помощи которой мечтали в известном районе поднять повсеместное вооруженное восстание крестьян против гетманщины, — казалось, что все наши начинания пойдут прахом.

Какое тяжелое охватывало нас разочарование.

Но не желая поддаваться всему мерзостному, что творилось гетманщиной, а равно и сда-

*) См. „Анарх. Вестник“ № 1.

отрывочными документами, крайне неполно представлявшими ее идейную и историческую стороны и не выходящими, к тому же, за пределы самого движения. С течением же времени, когда движение потеряло в борьбе почти все свои культурные силы, документальные памятники махновщины почти совсем прекратились, и над движением повисла опасность остаться навсегда не рассказанным.

Враг же в этой области имел полную свободу действий. Он располагал могущественным аппаратом печати, как в России, так и за границей, и мог беспрепятственно писать о движении всё то, что было в его интересах, что оправдывало его ненависть и его террористическое отношение к движению.

Вот почему в печати, а через неё в широких неосведомленных кругах, далеких от арены махновщины, крепилось и преобладало мнение, несоответствующее ни исторической, ни идейной правде о движении.

Лишь постепенно, с крайней медлительностью, маленькими отрывками правда эта стала выходить за пределы движения — по всей России и за границу. И, наконец, в самое последнее время, после продолжительных и настоячивых усилий, удалось собрать достаточно полный материал о махновщине, свести его к одному строго историческому повествованию и, таким образом, приготовить и выпустить в свет «Историю махновского движения».

Само собой понятно, что подобно тому, как само движение подвергалось ожесточенным нападениям враждебных сторон, так и литерату-

ра, освещающая это движение, будет подвергаться таким же нападениям.

Нас это мало должно занимать.

Строгое освещение движения в широкой трудовой среде — вот что для нас важно. А это в значительной степени достигается выходом в свет «Истории махновского движения».

По ряду принципиальных вопросов, затрагиваемых книгой, мнение в нашей, анархической, среде может быть различно. Может быть различно даже отношение к самому движению. Но одно несомненно: «История махновского движения» дает определенный фактический материал, в котором каждому анархисту следует разобраться; а главное — она устанавливает существование в России, в лице махновщины, длительного социально-революционного движения трудящихся города и деревни, которое, как таковое, должно привлечь к себе самое пристальное, самое активное внимание всех анархистов.

К удивлению нашему, с теми «скорпионами» на книгу, а в связи с ней и на движение, которых мы ждали из враждебного лагеря, выступили некоторые русские анархо-синдикалисты, составлявшие недавно «Бюро по восстановлению российской конфедерации анархо-синдикалистов», и среди них, в частности, Марк Мрачный, бывший некогда «набатовцем», а в настоящее время — горячий проповедник

ваться без напряженной борьбы, я предложил своим друзьям всецело отойти тому, что уже было нами начато, а в будущем время и жизнь сами покажут нам наши плоды.

Друзья мои с этим согласились, и мы сразу же, оставив Гуляй-Поле, выехали по району.

II.

В своей работе по подготовке восстания по району мы еще много раз натыкались на затруднения.

Но своей крестьянской упорностью, своим недальновидным, способным более переживать, чем критиковать, умом мы все эти затруднения изживали.

И вот, спустя месяц после начала нашей организационной работы, мы увидели в целом ряде сел и деревень среди крестьянских обществ известный процент людей, которые по первому зову будут в наших рядах.

А спустя еще месяц, я получил от 32-х волостей александровского и части бердянского и павлоградского уездов сведения, что в каждой волости, по моему указанию, организованы инициативные повстанческие группы, вокруг которых организуются повстанческие отряды.

Это еще больше укрепило во мне и в моих друзьях мысль о том, что нужно наперечь все силы и готовиться к открытому выступлению. А так-как первым должно было выступить Гуляй-Поле, то мы сразу же и прибыли туда.

III.

В Гуляй-Поле, до совета со всеми вооруженными, сидящими мирно по домам, крестьянами, мы решили сделать точную разведку в центре его и, если удастся, то взорвать австрийское командование, которое, по нашим сведениям, должно было скоро выехать из Гуляй-Поля, а между тем это командование расстреляло в Гуляй-Поле много крестьян. Поэтому-то и не хотелось выпустить его живым.

Для этого я лично переоделся в дамское платье и с товарищем Лютым пошли в центр Гуляй-Поля.

Там в расположении войск мы узнали, где что и кто помещается, и решили взорвать главное над гуляй-польским районом австро-венгерское командование, которое помещалось на соборной площади в доме Гельбуха.

Подойдя к этому дому, мы в комнатах никого не заметили и направились поэтому к те-

идей политической и экономической переходной стадии в революции.

Однако, удивление наше должно пасть, когда мы вслед за рецензией т. Мрачного на книгу «История махновского движения» («Рабочий путь» № 5, стр. 15—16) прочтем переводку этого номера того же т. Мрачного, а также переводку «Рабочего пути» № 4 т. А. Шапиро. Из них мы увидим, что анархо-синдикалисты из «Рабочего пути» принимают организованный и систематический поход на махновское движение и на отщепенцев анархистов к этому движению, которое они квалифицируют, как «военный анархизм».

Очевидно, в соответствии с этим «общим походом» была написана и рецензия т. Мрачного, являющаяся, в сущности, не рецензией на книгу, а нападком на махновское движение, притом нападком с нечистыми средствами.

Авторы «похода», не знающие ни движения, ни подлинного отношения к нему революционного анархизма, часто впадают в ошибки, в извращения, хватаясь то за одно, то за другое, противоречащее первому, оружие. Они выдают вымысел за действительность, а действительность за вымысел и, естественно, нагромождают ворохи всякого вздора, в котором не забывают даже разоблачить.

Так, в своей рецензии т. Мрачный определяет махновщину: то как деклассированное движение, то как «немедленный сто-процентный анархизм», то как движение, борющееся за «переходную стадию», олицетворяемую вольными органами экономического и политического самоуправления.

атру — разудать, нет ли командования в театре.

В театре его также не оказалось.

Тогда мы вторично пошли к его помещению.

У входа в это здание, у ворот стоял часовый.

В комнатах окна были раскрыты; а в столовой, два окна которой выходили на площадку и через которые хорошо было метать бомбы, сидело много военных. Между ними сидели также женщины и дети.

По силе бомба должна была разнести не только людей — палачей украинского народа, но и стены этой столовой.

Мы долго ходили по тротуару мимо окон и думали: «за что же должны будут сейчас погибнуть среди этих палачей женщины и дети, которые роковой судьбой очутились в эту минуту за столом этих непростенных хозяев?»

Эти мысли нам, и особенно мне, не давали покоя, так-как я прекрасно сознавал, что всякий политический террористический акт должен служить агитацией. Невинные же жертвы, не заслужившие смертной кары, противоречат этим принципам.

Это заставило нас уйти из центра Гуляй-

Разберемся, однако, в его критике.

И он, и его товарищи по журналу определяют махновщину, как «военный анархизм», и, исходя из этого ложного определения, бичуют движение. Они представляют его в виде передвижения вооруженной партизанской армии, пехотными и кавалерийскими боями вводящей анархизм.

Это, конечно, вздор, большевистские побасенки.

В двух главах — V и VI — книги «История махновского движения», занимающих более 60 страниц, и затем в ряде других глав подробно, с фактическими и документальными данными устанавливается, что махновщина — прежде всего, есть широкое революционное движение рабочих и крестьян, борющихся за свою социальную независимость и за право общественного и экономического самоуправления. Революционно-повстанческая армия, созданная крестьянами и рабочими, была лишь их вооруженной самоохраной, призванной защищать их революционную территорию и революционные права от многочисленных вражеских сил, стремившихся к порабощению свободного района.

Махновщина отрицает всякую государственность и стремится к построению свободного общества на основе социальной независимости, солидарности и самоуправления трудящихся.

Анархисты по своему мировоззрению, по своему пониманию социальной революции, были к махновщине ближе, чем кто-либо. По-

Поля на свои нелегальные квартиры, оставив немецкое командование в покое.

На другой вечер собралось нас человек двадцать вооруженных карабинами, и мы еще раз пошли в центр Гуляй-Поля с целью взорвать это командование, но по пути поймали голову державной варты и нескольких вартowych; но так как среди схваченных вартowych был также и наш человек, который был послан нами на эту должность с известной целью, мы принуждены были всех их отпустить.

Однако, произведенный шум заставил немецко-австрийское командование устроить облаву по Гуляй-Полю.

Отложив выступление, мы выехали в район под Сидельниково.

В районе еще раз условились с несколькими своими повстанческими организациями о выступлении и 22 сентября 1918 года мы, взяв 7 человек из организации деревни Терновое, пулеметы системы Максима и Люиса, сели на тачанки и в 12 часов дня выехали по дороге через Лукашево на Гуляй-Поле (около 90 верст расстояния).

Проехав верст 25, подвезая к Лукашеву, мы встретились с конным отрядом и, подпустив его на 70 шагов расстояния, скоординировали

этому-то они входили в ее ряды и вели там революционную работу (к слову сказать, единичную и недостаточно организованную *).

Но махновщина не есть движение, создаваемое анархизмом или им руководимое и направляемое. Нет, это в полной мере самобытное движение беднейшего крестьянства и рабочих. Оно зародилось в низах трудящихся в момент наиболее сильного устремления их к свободе и независимости и от начала до конца шло своим широким массовым путем, сыграв свою огромную роль в русской революции.

*) Некоторую работу в движении, — главным образом боевую, — выполняли максималисты и левые эсеры. Однако, должно сказать, что повстанческая среда принимала их постольку, поскольку они работали в общем духе революционного повстанчества, т. е. в духе самоуправления трудящихся. Фактически большинство левых эсеров, входивших в движение, переставали быть таковыми, особенно левые эсеры из крестьян. Они частью растворялись в повстанческой среде, приняв ее анархические лозунги, а частью становились анархистами, проповедуя затем идеи анархизма в рядах махновщины. Так, повстанческий отряд левого эсера Виктора Попова, носивший было партийную лево-эсеровскую окраску, растворился в повстанческих частях, отбросив партийность, а сам Попов стал анархистом.

То же было с начальником штаба армии Озеровым, с его заместителем Б. Веретельниковым, с членом реввоенсовета Повстанческой армии Красноженом и другими. Все они стали анархистами под влиянием повстанческой среды и

сдались. Отряд схватил винтовки с плеч и взял их на изготовку.

Наш пулемет открыл огонь, и отряд сдался.

Разоружив его, мы узнали, что это отряд уездной варты под командой поручика Мурковского объезжает район.

Мы также назвали себя карательными гетманским отрядом, посланным из Киева по приказанию гетмана навести в бунтарском александровском уезде порядок.

Доказательством этого на мне была военная форма с погонами капитана. Командир разоруженного отряда этому очевидно поверил и рассказал мне, где, в каком селе и какие стоят немецкие войска и гетманские карательные отряды.

В конце концов я ему, командиру, и всем его подчиненным заявил, что я революционер Махно. — «Вы не бойтесь, я вас расстреливать не намерен. Вы ведь не отстреливались». Заявление, что я — Махно, всех людей этого отряда повидимому успокоило, и они бросились ко мне с просьбой: — «Едете, Махно, к нам; мое имяне вон там-то; там сколько хотите от нас получите денег.»

Услышавши это, я приказал всех их расстрелять, как подлых людей, способных в любую

Взяв на себя некрасивую миссию во что бы то ни стало охаять движение, т. Мрачный неудержимо уже спускается со ступеньки на ступеньку в поисках материала против него и при этом ничего лучшего не находит, как повторить сплетни о махновщине большевиков Я. Яковлева, Троцкого и других, и даже пользоваться их специфически-большевистской терминологией, например: «верхушки махновщины», «анархическая фразеология» и другие.

Он пишет:

развернувшихся событий, принявших могучий анархический характер.

Чисто-партийная деятельность левых эсеров никогда не имела ни успеха, ни значения в повстанческой среде.

Ни в одном случае эта среда не шла на их призывы организовать власть по новому эсеровскому типу. Наоборот, она боролась с подобными попытками. Так, осенью 1919 г. махновцы и большевики с левыми эсерами одинаково не позволили организовать в Екатеринославе политические ревкомы, которые представили бы собой первые зародыши новой политической власти.

Вся организованная культурно-просветительная и пропагандистская работа в районе велась махновцами и анархистами. И исключительно из анархистов же состоял культурно-просветительный отдел повстанческой армии.

Утверждать, как это делает т. Мрачный, что махновщина «по внутреннему своему существу близка левому народничеству, чем рабочему анархизму», можно только совершенно не зная движения.

минуту при других обстоятельствах казнить своих идейных классовых врагов, а сейчас, когда попались им в руки, хотят их честь подкупить.

Приказание было исполнено. Отряд был расстрелян. После чего мы некоторые тачанки оставили в хуторах, а сами сели на их верхних лошадей и поехали в Гуляй-Поле.

IV.

В Гуляй-Поле нам остановиться не пришлось. В нем было полно немецких войск. Поэтому мы остановились в с. Марфополе, близ Гуляй-Поля. Отсюда был послан человек в Гуляй-Поле с запросом, готовы ли гуляй-польцы к выступлению. Ответ был, что мое личное присутствие в Гуляй-Поле необходимо.

25 сентября я готовился к выезду в Гуляй-Поле, но австрийцы и гуляй-польская варта меня предупредили.

Они, по обыкновению, во всем гуляй-польском районе делали на неделю два-три раза обыски у крестьян, ища оружия, неблагонадежного элемента и т. п., и как-раз налетели на наше расположение. Мы успели, однако, за-

«Т-щ Аршинов слишком легко обходит вопрос об антисемитизме в махновской армии. Антисемитизм, несомненно, там был... Но спрашивается, почему это нужно затешивать?...»

В главе X «Истории махновского движения» вполне ясно и определенно сказано, что случаи антисемитизма, как в махновском районе, так и в махновской армии, были. Но я одновременно отметил, что сама махновская среда довольно решительно и сурово боролась с такими явлениями, и привел примеры, как революционные повстанцы поступили с виновниками погрома в еврейской колонии Горькой, или с повстанцем, повесившим погромный плакат.

На стр. 207 «Истории махновского движения» сказано:

«В громадном повстанческом круговороте 1918—19 гг. могли, конечно, быть отдельные лица с анти-еврейским настроением, но они являлись продуктом не повстанчества, а общей русской действительности, и не имели никакого значения в целом движении. И когда такие лица прорывались с анти-еврейскими действиями, они попадали под суровую руку повстанцев-революционеров».

В соответствии с этим мною были приведены все известные мне случаи антисемитизма в армии и в повстанческом районе.

Нередки бывали случаи, когда казенная печатка, а за ней обывательская молва приписывали махновцам различные проявления антисемитизма, имевшие место в определенных пунктах Украины. Между тем, как после выяснилось, махновцы никогда в этих местах и

не бывали. Этот преступный обычай, по которому — политики из расчета, а обыватели по глупости — связывают любое погромное действие националистических, бандитских и многих других контр-революционных отрядов с повстанчеством, а значит и с махновщиной, глубоко вкоренился на Украине, и отсюда плетутся легенды об антисемитизме среди махновцев.

В своей книге мы заняли протестующее, наступательное положение против этого обычая и надеемся, что приведенный в ней материал в значительной степени разоблачает его.

Говоря о том, что я затешиваю вопрос об антисемитизме, и что антисемитизм среди махновцев несомненно был, т. Мрачный, очевидно, располагает рядом иных фактов, доказывающих его утверждение. Наше дело — точное установление истины, и я был бы благодарен т-щу Мрачному, если бы он к приведенному мною материалу добавил новый, имеющийся у него и действительно доказывающий, что антисемитизм, — не как случайность, мною отмеченная, а как постоянное явление, — был среди махновцев. В противном случае его утверждение останется преступной клеветой на движение.

В одном месте своей рецензии т. Мрачный пишет:

— «т. Аршинов не заметил (не хотел или не мог заметить), как махновщина, революционная, могучая и победоносная в своей борьбе против белой реакции (против Петлюры, Скоропадского, Денкина и Врангеля), — слабеет, таяла и вырождалась, когда она нап्रा-

пречь лошадей в тачанки с пулеметами и выскочили за деревню. Лошади же верховых, седла, одежда все это осталось на квартире. Пока австрийцы, немцы и вартовые копались в нашей одежде, мы пришли в себя, я успел дать распоряжение нашим разбежаться по дворам, а сам с пулеметом и его первым номером повернулся прямо к бежавшим за нами человек 12—15 австрийских солдат. Подпустив их на 8—10 сажень к тачанке, пулеметчик их в упор частью расстрелял, а частью обратил в паническое бегство; тех же, кто был во дворах, наши порастреливали.

Сами, забрав все, что оставалось на квартире, быстро выехали в поле. Моментально об этом было дано знать в Гуляй-Поле. Немецко-австрийские войска из Гуляй-Поля прибыли в Марфополь, расстреляли хозяина, где я стоял на квартире, взяли с деревушки несколько сот тысяч контрибуции за убитых и возвратились обратно в Гуляй-Поле.

Само собой понятно, что как мы, так и крестьяне этого им простить не могли.

Я спустя сутки времени с несколькими гуляйпольцами ночью въехал в Гуляй-Поле, которое немецко-австрийские войска покинули, оставив лишь роту свою и человек 80—100 вартовых.

А на другую ночь я собрал человек 400 вооруженных крестьян, и мы выгнали из Гуляй-Поля и остальных, народом не признанных, блюстителей законности.

V.

Держа в своем распоряжении почту, телефонную станцию и станцию Л. Ж. Д. и оградив себя дозорами и раз'ездами, мы поспешили выпустить воззвания к крестьянам — одно в 20.000 экзempl., другое в 7000, призывая восстанавливать и бить своих врагов немцев, австрийцев и всевозможного гетмана Скоропадского. Эти листовки через крестьян были доставлены всем раннее нами организованным по селам инициативным повстанческим группам. На районе тоже повстанцы начали атаковать немцев, австрийцев и гетманцев.

Это был первый открытый народный протест против своих насильников.

Но пока мы организовывались в Гуляй-Поле, немцы, австрийцы и гетманцы также не спали. Они — одни из Полог, другие из Рождественки и Покровского — беспрерывно по телефону вызывали гуляй-польский революционный повстанческий комитет и вели с нами

вляла свои удары против красной реакции, против диктатуры Росс. Ком. Партии», —

Каждому из нас было понятно, чего добивался большевик Я. Яковлев, высказавший два года назад эту самую мысль в своей пасквильной брошюре — «Русский анархизм в великой русской революции» (стр. 14—16 и др., американское издание). Но нам абсолютно непонятно, что хочет сказать т. Мрачный, повторяя безответственный вымысел Яковлева. Разве только то, что революционная махновщина была разбита не Деникиным и Врангелем, а армиями коммунистической партии. Так тем хуже для последней. Современем история — пролетарская история — вполне беспристрастно оценит роль этой партии в русской революции.

По поводу «вырождения движения», о чем т. Мрачный говорит в приведенном отрывке, мы должны здесь энергично протестовать: до последних дней движение с редким героизмом боролось за основную идею социальной революции — за социальную независимость трудящихся и прав их общественного и экономического самоуправления. И третье нападение на махновцев большевики произвели именно потому, что в своей положительной программе махновцы оставались тверды и неуступчивы.

Почему махновщина понесла поражение в борьбе с большевизмом?

Причин этому много, как много причин поражения анархизма и социалистических течений в русской революции. Быть-может, современем мы подробнее остановимся на них. А сейчас укажем, что одной из причин по-

ражения махновщины является разгром ее еще до того, как она полностью выявила в себе организационные силы. Сбитое с базы социального строительства, оторванное от основной почвы и вынужденное пойти боевым путем, движение тем самым было лишено притока организационных сил, имеющих важнейшее значение в развитии всякого социального движения.

Между тем, большевизм имел огромное преимущество перед белыми контр-революциями в том, что он демагогически подменил идею социальной независимости и самоуправления трудящихся идеей советской власти, что дало ему возможность безгранично эксплуатировать идеи социальной революции и заручиться доверием некоторых слоев трудящихся там, где белые контр-революции не могли получить никакого доверия.

Об этом, а также об ошибках махновцев, повлиявших на судьбу движения, мною говорится на стр. 75, 153—156, а также в других местах книги.

Касаясь контр-разведки в армии повстанцев-махновцев, т. Мрачный с злой радостью вопрошает:

«Интересно было бы узнать у т. Аршинова, как жило и действовало это почтенное учреждение, чем оно отличалось от большевистской Чехи и деникинской контр-разведки?»

Контр-разведка армии повстанцев-махновцев представляла собою чисто-военный орган. На ее обязанности было: а) не позволять агентам враждебных армий проникать в среду махновцев; б) разузнавать расположение и военные планы врага; в) поддерживать непре-

переговоры относительно входа их войск в Гуляй-Поле.

Если немецко-австрийское и гетманское командование считало необходимым нас своими переговорами задержать в Гуляй-Поле умышленно, с целью обложить Гуляй-Поле и взять меня в нем, то не менее важным мы считали с своей стороны продлить эти переговоры. И поэтому мы со своей мужицкой сметкой водили два дня за нас немецко-австрийских и русско-украинских гетманских всё предвещающих генералов, доказывая им, что вход их войск в Гуляй-Поле немислим, так-как мы против них поставили у стен Гуляй-Поля прочный фронт, и это вызовет лишние жертвы.

И пока они все это проверяли, мы сумели себя оградить всем на будущее и были уже готовы ко всякому их обложению и наступлению. Мы были готовы, чтобы снаться и проделав своей легкой, боевой и неуязвимой частью рейс по местам наших организаций.

VI.

29 сентября я говорил по телефону с командиром немецких войск, находившимся в Поло-

гах. Последний, желая меня поймать, всё время держал меня у телефона, а сам пустил поездом к нам войска окружить Гуляй-Поле.

Об этом мне сообщили со станции, и я сейчас же выскочил им навстречу с 13—18 бойцами и 2 пулеметами (остальных 300—400 человек я разослал по домам, чтобы на случай неудачи не умертвить главное повстанческое ядро). Подпустил поближе движущиеся колонны противника, мы обстреляли их метким пулеметным огнем и этим заставили их развернуться боевым фронтом.

Этим временем мы спялись и переехали через Гуляй-Поле. По пути переезда к нам присоединилось еще несколько десятков человек. Закрепившись на одной стороне Гуляй-Поля, а всеильные непобедимые войска на другой, мы до ночи обстреливали друг друга. Ночью мы отехали от Гуляй-Поля на 35 верст в село Больш.-Михайловку (Дибровки), где и остановились.

Здесь я от крестьян узнал, что в Дибровском лесу имеется повстанческий отряд под командой Щуся. По объяснению моего помощника С. Каретникова, он Щуся знает еще с весны 18 г., ибо он был в моем отряде, боровшемся против Укр. Центр. Рады. Тогда я послал в лес двух своих бойцов с запиской к Щусю — раз-

рывную связь между отдельными частями повстанческой армии, находившимися в разных местах. Так, например, в дни соглашения махновцев с советской властью в окт. 1920 г. связь между штабом армии махновцев, находившимся в Гуляй-Поле, повстанческой армией, боровшейся против Врангеля в Крыму, и представительством махновцев в Харькове поддерживалась непрерывно членами военной контр-разведки. Членами этой же контр-разведки были перехвачены 23-го ноября 1920 г. 9 человек из контр-разведки 42-й стрелковой красноармейской дивизии, готовивших тайное нападение на Гуляй-Поле советских войск.

«Всей душой рад идее разрушения тюрем», — в том же тоне продолжал т. Мрачный: — «Но меня все же гложет вопрос: как поступала махновская контр-разведка с теми, кто имел несчастье попасть ей в руки?»

Когда скоро задержанные контр-разведкой лица изобличались в военном шпионаже, в провокации, или оказывались руководителями военных сил, нападавших на махновцев, они, постановлением штаба армии, казнили или отпускались, смотря по степени сознательной контр-революционности их. Задержанных же вне таких оснований немедленно отпускали.

Во время боевых операций контр-разведка, наряду с остальными частями армии, принимала непосредственное участие в боях.

Вот в какой плоскости протекала жизнь и деятельность контр-разведки армии повстанцев-махновцев.

За всё время существования этой армии был один момент, когда контр-разведка, каза-

лось, вторгалась в жизнь мирного населения. Это было осенью 1919 г. во время занятия махновцами городов Александровска, Екатеринослава, Бердянска и других. Но это вторжение, — за исключением некоторых, немедленно пресекавшихся, случаев злоупотреблений, — было кажущимся, а не действительным. При занятии махновцами этих городов, в них оставалось много денкинского офицерства, которое, в виду близости фронта, угрожало махновцам изнутри, и его невольно приходилось вылавливать с помощью местного рабочего населения, дабы обезопасить махновскую армию от удара с внутренней стороны. Опять-таки, это — акт строго военно-революционного характера, не имевший ничего общего с полицейскими актами большевистской Чехи и денкинской политической контр-разведки.

Таким образом, различие между армейской контр-разведкой махновцев, большевистской Чехой и денкинской политической контр-разведкой ясно. Первая являлась только военным органом, выполняющим необходимую функцию в армии, и всякое вторжение ее в жизнь мирного населения немедленно ликвидировалось самой повстанческой массой. Вторые же являлись полицейскими органами, назначение которых в том и состояло, чтобы государственным насилием воздействовать на жизнь мирного населения в интересах правящей партии.

Жестоко возмущен т. Мрачный тем, что махновцы казнили посланца Врангеля.

«Только готтентоты и, пожалуй, большеви-

искать его и привести одного-двух человек ко мне, что и было бойцами исполнено. После этого я сам выехал к этому отряду.

Щусь вывел отряд из блиндажей*) на поляну леса, где и встретили меня. Сам Щусь в полной парадной немецкой военной форме, облегающей его стройную фигуру, вооруженный с головы до ног, был бодр и отважен. Отряд также был хорошо одет в чистенькую военную форму, но разнообразно.

Хорошее вооружение придавало ему боевой вид.

На вопрос мой, что товарищ Щусь до сих пор делал с этим отрядом и что предполагает в будущем делать? — последний ответил: — все время делал налеты и убивал помещиков, которые возвратились в свои усадьбы и которые с немцами, австрийскими и гетманскими войсками разезжают по селам и карают за землю крестьян.

Это для меня, очевидца этих кар, о которых Щусь говорил, было так ясно и понятно, что противоречить или советовать ему что-либо я не мог; теперь же, повидав Щуся лично, а еще больше узнав о нем от своих друзей, я страш-

но не хотел, чтобы этот по натуре своей, по мужеству и отваге славнейший человек так безумно сгорел в неорганизованной борьбе.

Я попросил его только выслушать мой совет: наша организация намерена организовать повстанческое крестьянское восстание против гетмана и немцев. Я просил его броситься в эту бурю с великими общими, определенными целями, совместно с народом — именно трудовым народом и за народ. Это даст нам нравственное право поднять свой карающий меч против всех тех, кто угнетает народ и стремится своим мечем истребить нас. Совместно руководимые желанием трудового народа, мы, как сыны его, ринемся в открытый бой с нашими врагами.

Товарищ Щусь долго слушал меня, затем обнял, поцеловал и сказал: «Я пойду с тобой». Мы тут же посоветовались с ним о выводе его людей из леса в село, чтобы организовать всех крестьян с Дибровки. Он выстроил людей своих, поговорил с ними, и мы вышли из леса. У села оба отряда встретились и тут же были слиты в одно нераздельное целое ядро одной, сильной духом и волей боевой единицы, которой и предполагалось сделать решительный открытый рейс по левобережной Украине с целью дать знать всем нашим подпольным

*) Лесных прикрытий.

ки могут оправдать такой возмутительный поступок», — негодуяше восклицает он.

Нас, однако, нисколько не трогает подобное негодование, ибо мы знаем, что самое легкое дело — это находиться за сотни и тысячи верст от жизни и негодовать на действия трудовой массы, находящейся в необыкновенно сложных условиях борьбы.

Повстанцы казнили посланца Врангеля, исходя из того соображения, что следует решительно и публично пресечь вредную для движения сплетню о союзе махновцев с Врангелем. Правильно они поступили или нет — это вопрос спорный. Но если т. Мрачный находит, что они поступили неправильно, то не лучше ли было бы с его стороны, вместо того, чтобы теребить здесь, заграницей, из «прекрасного далека» возмущаться и негодовать на те или иные шаги повстанцев-революционеров, — не лучше ли было бы ему, вместо этого, вовремя поехать в повстанческий район и там на месте помочь разобратся в сложной обстановке действия, предостеречь повстанчество от ошибочных шагов. Это тем более можно поставить на вид т-цу Мрачному, что повстанцы-революционеры искренне и неустанно звали себе на помощь всех культурных работников анархизма.

Упрекает меня т. Мрачный в том, что я умалчал о доминирующей роли «батьки» (выражение т. Мрачного) в партизанщине и о «безвластной власти». Конечно, в армии роль Махно была руководящая, как командующего армией. Все же, и в армии он был только частью целого и на ряду с прочими повстанцами подчинялся решениям Совета револю-

ционных повстанцев. За пределами же армии т. Махно пользовался лишь вполне заслуженной популярностью, — не больше.

Что же касается «безвластной власти» среди махновцев и анархистов, то этот вздор взят из статьи Троцкого (газета «в Пути» № 51, статья «Махновщина») и нам здесь нет смысла останавливаться на нем.

Утверждение т. Мрачного о том, что махновское движение носило деклассированный характер, опровергается хотя бы приведенным в книге списком ответственных участников движения, из которых все являются представителями беднейшего крестьянства и отчасти рабочих.

И в том, что повстанческая армия подразделялась на привилегированную конницу и на пехоту, к которой, будто, было преступно-небрежное отношение, т. Мрачный жестоко ошибается. Желательно знать, какие основания имеются у т. Мрачного для подобного утверждения. Видно, что сведения эти им получены из сомнительного источника. Как раз, наибольшей славой и популярностью в махновской армии и во всем махновском районе пользовались пехотные полки — именно 13-й пехотный повстанческий полк, 3-ий крымский пехотный (впоследствии — 3-ий стальной пехотный полк) и первый Екатеринославский. Ни в армии, ни в районе ни один кавалерийский полк не пользовался таким почетом, как эти пехотные полки.

Упрекает меня т. Мрачный также в том, что в книге «История махновского движения» я не полно осветил взаимоотношения между махновщиной и анархическими организациями

организациям о времени выступать на борьбу с врагами повсеместно.

Сюда же, в с. Дибривки, мне донесли из района Синельникова, что из некоторых сел в этом районе, под давлением реакции, отряды наши выступили и ведут успешную борьбу с немцами и гетманцами.

Эти вести воодушевили крестьян села Дибривки, и мы открыли записи добровольцев, пока только, — кто с оружием.

В это же время мы спешно готовились пролететь по Мариупольскому уезду: подготовить крестьян этого уезда, так-как здесь не было слышно ни о какой организации.

VII.

Наряду с нашей организацией крестьянско-го восстания против гетманщины и немцев, Деникины также через своих агентов в спешном порядке организовывал кулаков, помещиков, немцев-колонистов и вообще патающихся без дела прохвостов против всякого народного освобождения за «единую неделимую».

Уже многие его отряды в 20 и 30 человек

разгуливали по селам и деревням, приобщая народ к возврату к старому. Многие из этих отрядов под именем гетманских отрядов сносились с немецко-мадяро-австрийскими частями и от последних получали оружие, патроны и другое снаряжение.

(Хотя гетманские и деникинские отряды по своей сути одно и то же... Они в действиях против большинства народа так представлены были, что отделить трудно).

В октябре месяце 18-го года в Бердянском уезде уже открыто выступил прославившийся своими пытками и расстрелами Дроздовский карательный отряд. В Мариупольском — отряды Шапова и Филатова. Со стороны Дона поглядывал ген. Май-Маевский со своими соратниками Виноградовым и Шкуро. Правда, эти поглядывали только, облюбовывали эту часть украинской земли, усыпанной тысячами помещичьих усадеб, немецкими колониями и богатыми хуторами. Здесь они на будущее предвидели свою почву, а пока главной базой их операции оставались Дон и Кубань.

В Мелитопольском уезде, под покровительством гетманщины, что-то творилось агентами генерала Тило.

Это меня и всех моих друзей из нашей ор-

ми. В доказательство он приводит имена некоторых товарищей, работавших в движении, но мною не упомянутых.

Есть, конечно, товарищи, принимавшие участие в движении и мною не упомянутые. Однако, это было сделано с ясным сознанием, — отчасти по соображениям конспирации, о чём, применительно к анархистам-евреям, мною говорится на стр. 206 книги, а главным образом потому, что в мою задачу не входило персональное перечисление членов анархических организаций, принимавших участие в движении. Я считал более важным указать на самые организации, работавшие в движении, что и было мною выполнено более или менее полно (см. «Ист. махн. движ.», стр. 236—237).

Правда, в своей книге я отметил поименно некоторых товарищей, работавших в движении. Но сделано это было лишь в тех случаях, когда те или иные места моей работы или же вся работа в целом этого требовали.

С чисто дилетантской беззаботностью и неосведомленностью т. Мрачный сыпет имена товарищей, которые, по его мнению, мною обойдены в книге. И оказывается — весь его список лишен оснований.

Кроме т-ща Полевого, которого псевдонима я точно не знал, благодаря чему, главным образом, его имя оказалось не помеченным в главе десятой, рядом с именами других анархистов-евреев, — все остальные товарищи из списка т. Мрачного отпадают сами собой, потому что участие их в движении было крайне незначительным.

Так, тов. И. Кабась, насколько я знаю, никогда не принимал непосредственного участия

в движении. Он был секретарем анархической организации «Набат», работавшей в Гуляй-Польском районе. Но это совсем не значит принимать непосредственное участие в движении.

Тов. И. Карташев впервые вошел в движение в ноябре 1920 г., в дни соглашения махновцев с советской властью, и через несколько дней выехал оттуда, ввиду разрыва соглашения. По дороге был схвачен большевиками и, по сообщениям, зарублен.

Тов. Б. Барс, хотя и участвовал в движении более продолжительное время, но участие его закончилось легкомысленным поступком: похищением в армии пулеметов — и бегством из рядов повстанчества.

Что же касается резолюции III-ей конференции анархических организаций «Набат», принятых в момент разгрома анархического движения на Украине (сентябрь 1920 г.), то я желал бы, чтобы о них высказались — во-первых, участники конференции, а во-вторых — активные участники набатовского движения, находившиеся в то время в тюрьмах.

В конце своей рецензии т. Мрачный, ссылаясь на выражение из 4-го пункта политического соглашения махновцев с советской властью и на проект декларации рев. повстанческой армии Украины (махновцев), вопрошает: пропаганда идей махновщины, борющейся «за волевые органы экономического и политического самоуправления», не означает ли пропаганды, но лишь контрабандным путем, идеи переходной стадии?

Совсем не означает. Т-щ Мрачный, очевидно, желает истолковать фразу «полити-

ганизации, не имеющих за собой, кроме брата мужика, ни оружия, ни патронов, ни каких бы то ни было денежных средств, очень беспокоило. В деникинской военной организации мы видели одного из серьезнейших врагов народа. Его организацию ни в коем случае нельзя было сравнивать ни с организацией тщедушной гетманины, ни с «презлавышними нашими спасителями» — немецко-мадыро-австрийской организацией.

И временами нам казалось, что все наши начинания борьбы за волю и право трудящихся будут похоронены вместе с нами. Мы в своем организационном бессилии позорно принуждены будем отдать себя на самую подлую смерть врагам.

Но факел уже был зажжен. Восстание во многих селах началось. И началось под нашим влиянием и с нашим девизом: «Жить свободно — или умереть в борьбе». Кровь полилась.

Нам, организаторам этого пожара, если только мы были честны в своих намерениях, оставалось одно — во всеуслышанье открыто и честно сказать: «так пусть же сильное грянет буря». И, сказав это, броситься всем своим сердцем, всей душой и разумом, всем, что у нас было наивсвятейшего, в ураган этой бури.

Глава пятая.

ДИБРОВСКИЙ БОЙ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО.

I.

Был вечер 30 сентября 1918 года. Я помещался в волостном правлении с Дибровки. До позднего вечера я проводил крестьянский митинг, до поздней ночи писал приказы отрядам, действовавшим на стороне, и, разослав их крестьянами, только в час ночи освободился и улегся на столы волостного правления уснуть.

Мои товарищи Шусь, Марченко и Каретник, уйдя к повстанцам ужинать, там же вместе с ними спали.

Мой личный адъютант находился в волостном правлении в другой комнате от меня. Не успев я задремать, как адъютант стукнул в дверь моей комнаты разбудив меня. Слышу — ружейная и пулеметная стрельба. Вскрываю, открываю дверь, спешно одеваюсь и тут же узнаю, что со стороны Покровского и Ново-Успеновки на Дибровку наступают. Стрельбу открыли наши заставы №№ 1 и 3.

К этому времени к волостному правлению сбегались все бойцы.

Во дворе правления стояло много тачанок

ческое самоуправление» в смысле идеи о политическом строе. Но это с его стороны — грубейшая ошибка.

На всем протяжении своей революционной деятельности махновцы пропагандировали идею экономического и общественного (а не политического) самоуправления. Выражение «политическое самоуправление», вставленное ими в четвертый пункт их политического соглашения с советской властью, имеет свои вполне определенные основания. Оно было употреблено, после долгого и тщательного обсуждения, условно — ввиду того, что весь первый раздел соглашения махновцев с советской властью формально назывался «политическим соглашением». Для того, чтобы в этом пункте не оказались обобщенными большевиками, махновцы, вместо выражения «общественного самоуправления», поставили выражение «политического самоуправления». Ибо большевики, как расчетливые государственники, анархической формуле «общественное самоуправление» непременно придали бы смысл незначительной общественной деятельности второстепенного и третьюстепенного значения, которая в свою очередь обнимается общею государственной политической деятельностью. Между тем, у махновцев речь шла об органах общественного самоуправления, обнимающих все общественно-гражданские отношения и функции трудящихся. И чтобы большевики приняли их мысль именно в таком широком смысле, они употребили термин «политическое самоуправление».

Следовательно, напрасно т. Мрачный тол-

кует этот обусловленный термин в смысле политического устройства страны, в смысле переходной политической стадии.

Что касается «Проекта декларации революционной повстанческой армии Украины (махновцев)», который, по мнению т. Мрачного, содержит в себе идеи переходной стадии, то следует заметить, что и т. Андреев, и т. Мрачный слишком вольно и пристрастно толкуют его. А самое главное — они забывают то, что документ этот — не декларация повстанцев-махновцев, а лишь проект декларации.

Остов этого проекта был составлен во время отступления махновцев к Умани летом 1919 г., простыми малограмотными повстанцами-крестьянами, бесхитростными в выражениях. Наши товарищи анархисты из Конфедерации «Набат» лишь литературно обработали этот остов, не касаясь существа положений, в нем содержавшихся. И в таком виде «Проект» был отпечатан осенью 1919 г. в целях предварительного ознакомления с ним повстанческой среды и широких масс трудящихся. «Проект» был отпечатан, не будучи пока принят повстанческой массой. При принятии его последней, он, несомненно, подлежал бы изменениям и добавлениям. Но и после этого, «Проект» должен был еще раз разбираться на общерайонном съезде крестьян, рабочих и повстанцев, откуда уже, после новых изменений и добавлений, он вышел бы в окончательном виде, как «Декларация повстанцев-махновцев».

Исключительная боевая обстановка, тянувшаяся с осени 1919 г. безостановочно, не позволила вынести «Проект» ни на утвержде-

с лошадьми. Противник перевел огонь одного пулемета на волостное правление, вследствие чего много лошадей наших было убито. Увидя это, я сделал распоряжение выхватывать из двора тачанки на руках и лошадей запрягать в них под прикрытием здания волправления.

Противник назойливо наступал на большой мост через реку Волчь, по наша застава успешно его отбивала.

Кто был этот противник, для нас не было пока известно. Предположение двойлось: или австрийцы или немцы-колонисты и помещичьи карательные отряды. И поэтому, когда лошади в подводы были запряжены, мы быстро сняли заставы и направились в лес.

Жуткая картина при этом отступлении рисовалась перед нами: по улицам села выскакивали из дворов и бегали крестьяне и крестьянки с детьми, плача, и умоляли нас: «Не покидайте села, общими усилиями мы это наступление отобьем». Но не выяснив, какие силы противника, из кого они состоят, мы задерживаться в селе не могли и маленькой рысью направились прямо к воротам леса (с. Дибровка, оно же Б. Михайловка, расположено над Дибровским лесом). В это время наступающими был зажжен возле этих ворот крестьянский дом. Пламя пожара освещало площадь

перед лесом, а из самых ворот был открыт по нас пулеметный огонь.

Мы бросились в другую сторону леса.

Здесь, прежде чем пропускать подводы в лес, я спешил человек 30—35 наших бойцов и поставил их угольником на случай обстрела нас со стороны леса или из-за Волчьей, чтобы сбить этот обстрел и таким образом дать возможность войти обозу в лес.

Едва успел крикнуть — Шусь, давай обоз! — как со стороны леса был открыт по нас меткий ружейный огонь. Я лег и крикнул — взвод, огонь! и одновременно выстрелил из своего карабина; но услышал я только свой выстрел, взвода возле меня не было. Он весь убежал в улицу под прикрытые дома, где стоял обоз и остальные бойцы. Я также приподнялся и перебежал в улицу. Противник не прекращал обстреливать подход к лесу. Приближался рассвет. Бойцы волновались.

Я быстро установил пулемет по направлению стреляющих. Сам взял этих 30—35 бойцов, спустился через канаву в лес и одновременно, — пулемет с одной стороны, а я с бойцами с другой, — открыл огонь по противнику. Вскоре, благодаря этому, проход в лес нами был занят. Противник, поспешно отступая, оставил нам несколько подседланных верховых лоша-

ние повстанческой массы, ни, тем более, на обесуждение общерайонного рабоче-крестьянского и повстанческого съезда. И до последнего времени он остался в своем незаконченном виде.

Следовательно, его должно рассматривать лишь, как схему декларации, — не больше.

Социальная независимость трудящихся, за что борется махновское движение, волные органы экономического и общественного самоуправления суть понятия вполне определенные, конкретные, в борьбе выношенные трудовой массой. Ну, а понятие переходной стадии, да еще с примесью какой-то «распыленной власти», — вещь не только не понятная, но даже очень подозрительная.

В нашем споре по вопросу о переходной стадии дело заключается не в том, добьемся ли мы завтра полного анархизма или только основных предпосылок его.

Дело заключается в том, как должно смотреть на первые завоевания социальной революции и как к ним отнестись.

Анархо-синдикалисты из «Рабочего Пути» смотрят на эти завоевания, как на осуществление некоторого рода программы-минимум, которая воплощает определенную экономическую и политическую систему, являющуюся промежуточной между теперешним положением труда и безвластным обществом. Они, кроме того, наделяют эту свою систему «распыленной властью».

Для нас же первые завоевания социальной революции, сколь бы мало ни представляли они полный анархизм, являются не пере-

ходным этапом к свободному обществу, а началом строения этого общества.

Переходный период — это целая система, экономическая и политическая; она неизбежно начнет самодовлет и может растянуться на сотни и тысячи лет.

То же, что мы называем началом построения свободного общества, не нуждается ни в каких переходных системах. Начальные завоевания социальной революции являются первым творческим шагом трудящихся в построении их трудового безвластного общества, которое затем безостановочно уже будет развиваться, совершенствуясь и укрепляясь.

Вот, следовательно, чем отличается наше понимание социальной революции от понимания ее т. Мрачным и другими т-ми из «Рабочего Пути».

В самом конце своей рецензии т. Мрачный квалифицирует махновщину, как «немедленный сто-процентный анархизм», который, по святой наивности некоторых, может быть достигнут «лихим кавалерийским налетом».

«Лихой кавалерийский налет» — это устаревшая сплетня большевиков. И очень печально, что т. Мрачный, желавший работать для рабочего анархизма и анархо-синдикализма, залез настолько глубоко в дебри этих сплетен, что совсем не видит того огромного идейного и социального движения трудящихся, которое составляет сущность махновщины и которое должно было бы полностью захватить внимание каждого анархиста.

П. Аршинов.

дей, к деревьям привязанных. По лошадям мы узнали, что наступают помещики дибровского района, но не знали только, сами ли или же при поддержке мадяро-австрийцев.

После тов. Шуса с частью бойцов направился к своим блиндажам, а я с частью пошел лесом к тем воротам, где горел дом и откуда нас обстреливали из пулемета.

У ворот противника уже не было. Он вступил в село. Крестьяне мне сейчас же донесли, что в село вступил батальон австрийцев, кроме того много варты, помещиков и крупных собственников. Я послал в село своих разведчиков, дав им задачу точно узнать, как и где расположены эти войска.

Одновременно вызвал из блиндажа Шуса со всеми людьми к воротам. С прибытием Шуса к воротам, прибыла и моя разведка из села, которая донесла, что в селе стоит человек пятьсот австрийцев, около 100 человек помещиков и крупных собственников и человек 80 гетманских вартых. Все они расположены на церковной площади села и чего-то суетятся.

Я предложил Шусу наступать на село. Он высказался против. Тогда я обратился с речью

к бойцам и крестьянам, которых также много из села вышло с нами. В речи я резко подчеркнул, что лучше умереть на глазах народа в неравной схватке с его врагами и этой смертью показать ему, как сыны его умирают за свободу, чем ожидать здесь в лесу, пока стянют войска буржуазные сапраны и уничтожат нас. С этим согласились все присутствующие. И тут, у ворот Дибровского леса, эти присутствующие мне сказали: «Отныне ты наш батько, и мы с тобой умрем».

После этого я дал тов. Шусу задачу идти с частью бойцов при одном пулемете сист. Максима в обход. Сам я с остальными, при одном пулемете Люис, тихо пошел через огороды, дворы и заборы цепью в наступление.

Крестьяне, крестьянки и их дети всюду во дворах и на улицах встречали нас и плакали, не пуская, приговаривали: — куда вы идете, их богато, вы загинете. — Крепясь сердцем и заглушая тревожные мысли, я со своими бойцами дошел до последней улицы перед церковной площадью. Здесь я еще раз подготовил бойцов к этому безумно-отважному налету.

(Продолжение следует).

Исторический отдел

Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней.

Очерк II *)

ЗАНЯТИЕ ФАБРИК **)

Надо хорошо знать психологию итальянских масс, чтобы понять и осмыслить различные события, в которых эти массы шли, на протяжении трех последовательных лет, от борьбы к борьбе, от победы к победе. Надо знать их психологию, чтобы понять, как могли они, в течение всего этого времени, жить одной страстью, одной волей: волей к революции, волей к свободе; чтобы понять, как могли они выдерживать эту героическую борьбу и приносить величайшие жертвы, не будучи вооружены ничем другим, кроме этой воли, кроме своего пламенного энтузиазма; чтобы понять, наконец, как могли они, не падая духом, пройти через все непрерывные тяготы и, затем, срывы этой борьбы — вплоть до крупнейших событий, которые не только обнаружили революционную силу трудовых масс Италии, но и, в еще большей степени, показали их зрелость для дела социальной революции: мы говорим о занятии фабрик рабочими и о захвате земель крестьянами. Надо знать душу этих масс, глубоко чуткую ко всему идеальному, — ко всему, что дышит поэзией, красотой, возвышенной страстью, — чтобы понять как их долгую и славную борьбу, так и их нынешнее поражение, и — в особенности — их нынешнее мученичество.

Итальянские массы живут, прежде всего, глубокими и могучими эмоциями (чувствами). Всё, что поэтично, идеально; всё, что овеяно духом страсти или окружено ореолом страдания, — всё это может их особенно сильно потрясать, покорять и вести к самопожертвованию. Ни в какой другой стране не видели, чтобы железнодорожники задерживали поезда и не позволяли им продолжать путь — потому, что к этим поездам прицеплялись вагоны с вооружением и снаряжением, направляемые в Польшу, в целях борьбы против русской революции; или потому, что в поезд садились полицейские отряды, направляемые в ту или иную местность — топить в крови рабочие беспорядки. Ни в какой другой стране не видели, чтобы матросы являлись на суда и загладевали ими — потому, что на них всё еще развевался штандарт не существующей

более империи: империи Николая Романова. Ни в какой другой стране не видели, чтобы портовые рабочие оставляли неделями лежать на гаваньских складах или же в трюмах судов товары, отказываясь грузить или же разгружать их, как направляемые в бойкотуемую рабочими Испанию или Венгрию. Между тем, все эти выступления жестоко подавлялись и стоили итальянским рабочим огромных жертв и потерь. Но — на-лицо был известный идеал, загоралясь высокая страсть, и все жертвы приносились с радостью.

Лишь при серьезном учете «психологии крайностей» итальянских масс, — то охватываемой порывом безграничного энтузиазма, то с такою же полнотою подающейся чувству безысходного пессимизма и мрачного уныния, — можем мы найти столь многими искомое объяснение тому, что революционеры и революционные рабочие массы Италии могли так легко перейти от самых мощных проявлений революционного духа к допущению торжества фашистского господства.

* * *

В свое время возник и высказан был миллионами уст вопрос: каким образом могли итальянские рабочие дать разоружить себя, не попытавшись нанести решительный удар капиталу и государству осенью 1920 г., когда легко было действовать и не так трудно было победить?

Итальянская трагедия начинается именно осенью 1920 г., когда, — во имя будущей революции, во имя мартиролога революции русской, — политики всех цветов воили в головы рабочим и крестьянам Италии мысль о необходимости остановиться в их торжествующем шествии. Эти господа вполне сумели тогда использовать психологию трудовых масс, сумели обработать массы и направить их к действиям, удобным и выгодным лишь для самих этих политиканов.

Мне вспоминается характерный эпизод — последнее заседание представителей фабрично-заводских комитетов г. Милана. На этом заседании все «вожди» движения взволнованно, горячими и полными поэзии речами, убеж-

*) См. «А. В.» № 1.

**) Автор предлагаемых очерков, — рабочий - металлист, — был непосредственным и активным участником описываемых событий. — Ред.

дали делегатов миланских заводов допустить — «на самое лишь короткое время», — чтобы предприниматели вернулись обратно на заводы: «не как хозяева, но как сотрудники». — Мне вспоминаются также слова, обращенные на другом решительном заседании заводских комитетов представителем центрального ядра металлургических организаций — Бруно Буоцци — к делегатам всех миланских заводов, явившимся на заседание вооруженными не только оружием, но и волей, решимостью к борьбе и сопротивлению. Он сказал, — и его слова не только могли звучать для тех, кто его не знал, словами страстного убеждения, но и на самом деле произвели сильное впечатление и обезоружили часть оппозиции, — он сказал: «Я не предлагаю вам отступления. Горе мне, если бы я это сделал! Но я говорю вам: ради полного успеха начатой нами революции, ради идеала, который воодушевляет нас, — всех нас, товарищи, — на самое только короткое время, лишь на самое необходимое для того, чтобы мы лучше подготовились и организовались, — вложите оружие ваше в ножны. Да, вложите его в ножны. Но пусть оно всегда будет готово к действию на заводах, которые останутся всегда за вами, ибо вы теперь доказали ваше право на них и ваше умение обращаться с ними. Берегите оружие ваше, как вы бережете своего ребенка; смотрите за ним, как за вашим ребенком; ибо завтра вы будете снова призваны сюда, к этому месту борьбы. Завтра, с еще большей мощью, более подготовленные — мы сможем возобновить нашу борьбу и наше движение вперед».

Если (правда, с чувством недовольства, горечи, скорби и, конечно, не единодушно) рабочие дали вернуться на фабрики хозяевам, а крестьяне — на землю помещикам, то лишь потому, что политикам удалось создать в глазах масс ту иллюзию, что так следовало поступить для блага их идеала, для блага русской революции, для блага революции всемирной. Лишь благодаря этой иллюзии — иллюзии временной передышки ради верного успеха великого дела — массы дали себя завлечь в пасть самой дикой реакции: фашизма.

Разумеется, в крупных городах, а также везде, где анархическая пропаганда и анархическое движение были сильны (как, напр., в Милане, Турине, во всей Лигурийской области и т. д.), сопротивление рабочих продолжалось далее; но — оно было уже бесплодным, так как все политические и даже синдикальные организации выступили против этих рабочих*).

* * *

*) Заводы, уступившие далеко не сразу, были многочисленны, несмотря на полученные категорические приказы центрального ядра металлургических организаций, Всеобщей Конфедерации Труда (о ней см. примеч. в № 1 «А. В.» и Социалистической Партии. Очень многие заводы продолжали сопротивление в течение еще 1½—2 недель. Но их дальнейшее сопротивление и самопожертвование, естественно, потеряли всякую силу благодаря содействию синдикальных организаций и социалистической партии, которая, — к слову сказать, — в то время еще не только включала в свой состав «коммунистов», но даже была руководима последними.

1920-ый год был по счету третьим, в котором конец лета совпадал с окончанием срока годового договора союзов металлистов с хозяевами. Каждый раз при возобновлении договора, — несмотря на длительные мирные переговоры между сторонами, — возникала стачка, которая и решала вопрос.

Уже в 1919 г. стачка металлистов продолжалась около трех месяцев. А в 1920-м можно было предвидеть еще более ожесточенное сопротивление хозяев и, следовательно, стачку... без конца. К тому же, рабочие в то время пришли на опыте к твердому убеждению, что долгая стачка — даже победоносная — означает материально, экономически, поражение для рабочих. И даже чувствуя великую необходимость борьбы за лучшее существование, рабочие не хотели больше затевать снова стачку по старой пассивной формуле «стачки скрещенных рук». Надо было искать новых путей, новых способов борьбы.

Почтово-телеграфные служащие уже применили, во время своих волнений (в том же 1920 г.), иной метод пассивного сопротивления: обструкционизм*). Метод дал превосходный результат и, в особенности, блестяще доказал полную несостоятельность техников и фабричных «дирекций». Состоит этот метод в том, что служащие применяют буквально установленный дирекцией регламент «для правильного функционирования предприятия». Оказалось, что при таком образе действий всё шло вверх ногами, и ничто не действовало более с той правильностью и совершенством, которые достигаются, когда «регламенты» остаются в стороне и рабочим предоставляется свободная инициатива.

И вот, металлисты решили, вместо обычной «стачки», применить на всех заводах этот обструкционизм. Каждый рабочий должен был оставаться на месте своей работы, но действовать в строгом подчинении пунктам заводского регламента, не обращая никакого внимания на процесс производства и не интересуясь его результатами.

В соответствии с этим решением, во второй половине августа 1920 г. (точнее — 20-го числа) миллионы рабочих-металлистов, одновременно по всей Италии применили этот новый прием борьбы.

Дирекции различных заводов не имели возможности применить против рабочих репрессивные меры, ибо всё обтекало нормально и точно так, как предписывал регламент, установленный самой же дирекцией.

Производительность сразу упала на ¼, — настолько, что к концу первой же недели предприниматели решили давать рабочим только почасную работу, рассчитывая таким образом ударить их по карману. На исходе десяти дней обструкции дирекция одного из крупнейших металлургических заводов в Милане («Ромео») неожиданно закрыла завод, объявив рабочим, что она снова откроет его лишь тогда,

*) В России этот метод известен под именем «итальянской забастовки». — Ред.

«когда к рабочим вернется желание работать». В то же время завод был занят военной силой. В ответ на эту провокацию хозяев, рабочие-металлисты, «комитет действия» которых заседал permanently, объявили сейчас же немедленный захват рабочими миланских заводов, «дабы не дать возможности повторения фактов, подобных происшедшему утром». Многие заводы были заняты рабочими в тот же день — 31-го августа. Окончательный захват рабочими заводов совершился к 12 ч. следующего дня — 1-го сентября*).

Не везде захват произошел мирно и беспрепятственно, но осуществился он везде. Ни один завод не отступил перед задачей и не уклонился в нужную минуту от решительного действия, — даже там, где это действие угрожало крупными жертвами.

Во многих заводах технический персонал или, по меньшей мере, часть его оставались с рабочими и содействовали успеху дела. В некоторых случаях рабочие силой принудили некоторых техников остаться до тех пор, пока функционирование завода оказывалось целиком и прочно в руках рабочих.

В первые дни, только Миланские рабочие заняли металлургические заводы. Этот акт, несомненно, остался бы без того громадного значения, какое он впоследствии приобрел, и был бы, конечно, легко ликвидирован предпринимателями и правительством, если бы движение осталось замкнутым в пределах Милана или даже, хотя бы, только всей Ломбардии. Но через несколько дней Турин и вся Лигурийская область последовали примеру Милана, и менее чем за неделю движение охватило всю Италию.

В рядах предпринимателей царил убеждение, что если даже рабочие займут заводы, то такое движение не может продолжаться более 3-х — 4-х дней, максимум — неделю, после чего рабочие, не зная, что им делать с занятыми заводами, поспешат-де сами вернуть их хозяевам. Это обстоятельство в значительной степени объясняет, почему фабрики были в первые же моменты сравнительно легко заняты. Синдикат предпринимателей-металлургов или — вернее — председатель этого синдиката, Ярак, не один раз имел случай выразиться следующим образом: «Мы не можем пойти ни на какое повышение платы и, вообще, не можем пойти ни на какие уступки рабочим, так-как нынешнее состояние итальянской металлургической промышленности не позволяет нам этого. Пусть рабочие берут фабрики! Они скоро сами увидят, что это верно, и будут вынуждены признать нашу правоту»... Разумеется, такие речи были, в действительности, лишь известным «стратегическим» расчетом на отказ рабочих от своих пла-

нов, — расчетом, который, благодаря быстрому и дружному действию масс и революционных элементов, не удался, как предприниматели на то наделись.

Их расчет оказался неверным. Рабочие водворились в заводы и тотчас же сами организовали дальнейшее производство. Работа — без «дирекции» и «хозяев» — шла полным ходом. Заводы производили столько же, сколько и раньше, — несмотря на то, что число рабочих уменьшилось, так-как часть их должна была стоять на страже во избежание возможных нападений полиции*).

Избранные рабочими прежние заводские комитеты сохраняли, во время занятия фабрик, лишь функцию рассмотрения и улаживания разногласий, могущих возникать между рабочими, а также обязанность доводить общие постановления всего заводского персонала до сведения «Комитета действия»**. Ни заводские комитеты, ни «Комитет действия» не могли принимать каких бы то ни было решений, не спросив на этот счет мнения рабочей массы. Точно также, комитеты не имели права принимать, по собственному усмотрению, никаких дисциплинарных или карательных мер против кого бы то ни было. В конечном счете, их функции сводились почти только к поддержанию связи между различными заводами, к задачам технического учета и наблюдения за внутренним порядком заводской жизни.

В отношении мер дисциплины, на всех заводах было единогласно решено, что всякий рабочий, не явившийся на завод в течение трех последовательных дней и не доведший об этом до сведения завода, не имеет более права вернуться на завод, так-как считается уволившимся.

* * *

Революция шла полным ходом. На севере — фабрики были заняты рабочими. На юге — крестьяне захватили крупные латифундии

*) На многих заводах производительность даже увеличилась по сравнению с «нормальным» временем при хозяевах. Упомяну, в качестве примера, большую резиновую фабрику «Pirelli» в Милане, где работают несколько тысяч рабочих. Любопытно, что когда предприниматели и «дирекция» перулись, они заявляли, что хотя произведено и много, но выделанный товар не обладает-де требуемым химическим составом и качеством. На этом основании «дирекция», хотя и уплатила рабочим за произведенный ими во время занятия фабрики товар, но распорядилась весь этот товар сжечь. Разумеется, это было сделано для сохранения престижа «дирекции». Приведем еще следующий факт, дающий представление об активности рабочих на занятых фабриках: 7-го сентября, в морских доках Ливорно, занятых рабочими, было случено, при всеобщем ликовании, новое законченное самими рабочими судно. —

**) Заводские Комитеты состояли из рабочих выборов, по одному от каждого цеха. На мелких заводах комитет состоял не менее, чем из трех членов. Председателем Комитета был, обыкновенно, рабочий, получивший наибольшее число голосов. Состав Комитетов мог быть обновлен даже ежедневно, в случае выраженного недоверия масс. Максимальный срок деятельности Комитета данного состава был один год. — «Комитет действия» образовался с началом массового движения. В него входили члены различных синдикальных организаций и рабочие — члены заводских комитетов, избираемые общим заводским собранием. Он создан был лишь на время бурного движения. Его задачами были: информация, дело связи и общее техническое руководство событиями.

*) Занятие рабочими фабрик в Милане было выполнено 31-го августа и 1-го сентября 1920 г. Исторически интересно напомнить, что уже до того в Италии имелись частичные попытки к захвату фабрик рабочими. Так, между прочим, 28-го марта 1920 г. рабочими был занят металлургический завод «Miani e Silvestri» в Неаполе. Эта единичная попытка была тотчас подавлена оружием и привела затем к всеобщей стачке в Неаполе.

(поместья) и приступали уже к их общественной обработке. Они были тоже глубоко проникнуты революционным духом. Отметим, что в это время итальянское крестьянство в своей борьбе в значительной мере отказалось от приема саботажа (порчи машин и уничтожения скота), — приема, который в прошлых революционных движениях приводил к огромному опустошению. Именно анархисты с особенной настойчивостью и силой боролись против этого старого способа саботажа (уничтожения урожая и скота крестьянами и разрушения машин рабочими): раз, — говорили анархисты — земля должна быть полной собственностью обрабатывающих ее крестьян, а заводы — собственностью рабочих, то всякий ущерб, нанесенный продуктам, инвентарю или машинам, является, в конечном счете, ущербом для самих трудящихся. Энрико Малатеста, в особенности, в различных и весьма интересных статьях, печатавшихся в «Umanità Nova», отстаивал необходимость не разрушать, а брать. Рабочие и крестьяне должны не уничтожать плоды своего труда или свои машины, а — овладеть тем и другим. Поступая так, рабочие и крестьяне, — быть-может, даже помимо своей воли, даже не говоря об этом, — делают революционное дело.

Революция в Италии прирлась и углублялась с каждым днем, почти без насилия. Революция была фактом. И требовалось лишь небольшое мужество, чтобы открыто признать этот факт.

Уже многие фабрики вступили в сношения с рабочими кооперативами. Последние отпускали фабрикам, в кредит производства, всякого рода сестные припасы и, вообще, всё, в чем могли нуждаться семьи рабочих. Рабочие, которые в чем-либо нуждались, могли, на всех почти заводах, получить от заводского комитета бон, соответственно их нуждам и требованиям. По этому бону они могли получить в кооперативе продуктов и проч. на отмеченную сумму. Некоторые заводы были уже в состоянии отправлять на рынок свои товары и продавать их.

Необходимо было, однако, урегулировать все это дело и поставить его на более широкий базис, так-как, очевидно, данное положение вещей могло быть лишь началом, лишь временным и, притом, весьма кратковременным моментом.

Некоторые заводы не могли уже далее работать, за недостатком сырых материалов, которых, находившихся еще в руках предпринимателей. (Последние, разумеется, не отпускали этих материалов.) Особенно остро давал себя чувствовать недостаток химических продуктов. В движении наступил решительный момент перелома: оно могло быть легко сломлено — как на это надеялись правительство и предприниматели, — вследствие изолированности, в которой металлургия осталась бы, если бы на их призыв к солидарности, обращенный к рабочим других отраслей промышленности, эти рабочие не откликнулись бы немедленно. Однако, они откликнулись тот-

час же, заняв, в свою очередь, фабрики и пространство, таким образом, захват заводов на все области производства.

Теперь движение достигло полного размаха.

Но — руководителям его недоставало мужества и, в особенности, решимости отбросить все колебания и отдаться глубоко, целиком делу социальной революции.

Правительство было бессильно действовать как бы то ни было против рабочих. Армия была более чем ненадежна, открыто симпатизировала рабочим и передала им большое количество оружия и снаряжения.

Еще в июне месяце в Анконе берсальеры, зводно с населением, произвели большое возмущение против военно-колоннальных планов правительства. Они определенно заявили, что не пойдут воевать. После этого возмущения, правительство не имело большого доверия к армии, так глубоко проникнутой революционным настроением.

Во время целого ряда демонстраций солдаты открыто отказывались идти действовать против демонстрантов. А полиция — одна — была бессильна.

Таким образом, во время занятия фабрик, армия была ненадежна; полиция — бессильна и деморализована; рабочие — вооружены. Все это заставило правительство, — по собственному признанию (впоследствии председателя совета министров Дж. и о л и т и в парламенте, — оставить всякие наступательные и насильственные действия. Правительство было совершенно бессильно против движения и впоследствии само признало это. — Характерно, что во время событий о правительстве никто даже не думал. Оно как-бы испарилось. Никто не знал, что оно делало и как оно жило.

Массы надеялись и ждали решительного содействия со стороны руководителей. В Тоскане горнорабочие завладели рудниками. В Лигурии, в Пьемонте, в Ломбардии — текстильщики, химики, стекольщики и т. д., и т. д. занимали, одни за другими, свои заводы, — в то самое время, как там, на юге крестьяне продолжали захватывать крупные поместья, брошенные на произвол судьбы. Железнодорожники предоставили в распоряжение рабочих вагоны сырья, застрявшие на различных станциях... Казалось, с минуты на минуту движение должно принять самые решительные формы. У рабочих, у анархистов, у революционных элементов вообще — имелась не только вера в дело, но и воля к победе...

Но — не то было среди реформистских руководителей Генеральной Конфедерации Труда. Так, на большом и решительном соединенном собрании синдикальных организаций и революционных партий (на собрании присутствовали также анархисты), имевшем место 12-го сентября в Милане, в ответ на предложение расширить и энергично углубить движение и на ряд конкретных предложений, выдвинутых секретарем федерации моряков Джульетти (анархисты пользовались в этой федерации крупным влиянием), один из представителей самой значительной синди-

кальной организации — Генеральной Конфедерации Труда — ответил в подтверждение своего тезиса против расширения начатого металлистами движения, что «Италия не может начать подлинную социальную революцию»; что «Италия не могла бы долго продержаться революционное положение, будучи окружена со всех сторон буржуазными странами, — хотя бы уже потому, что ей недостает железа, угля и другого сырья; в особенности же потому, что ее географическое положение дает крайне легкую возможность ее блокады». В заключение оратор предлагал отложить решительные шаги «по крайней мере до того времени, когда Россия разобьет Польшу *) и окажет могущественную поддержку революционной Германии, что создаст благоприятную обстановку и для революции в Италии».

Разумеется, эта аргументация не осталась без сильных возражений и послужила поводом к продолжительным и горячим дебатам. Но, решение собрания было — не расширять движения и отложить решительные действия до более благоприятного момента.

Имели место и другие — менее значительные — собрания, на которых присутствовали только члены центрального комитета соц. партии и члены Ген. Конф. Труда. На всех этих собраниях брало верх решение отложить более широкое и решительное движение до... «лучших времен».

* * *

Заводы находились уже более трех недель в руках рабочих, когда последние узнали, что руководители Генер. Конф. Труда расположены вступить в переговоры с предпринимателями или — вернее — с правительством, выразившим готовность вмешаться в дело в качестве посредника. Узнали также, что представители обеих договаривающихся сторон — предпринимателей и Генер. Конф. Труда — назначили уже день первого заседания, в присутствии председателя совета министров Дж.и.о.л.т.и. в Турине.

Сперва — смутные слухи, затем — официальные оповещения сторон о начинающихся переговорах произвели удручающее впечатление на рабочих, которые, поняв, куда клонят руководители движения, склонялись к мнению не покидать заводов, прекратив, однако, работу.

Так прошла еще неделя. После первого контакта в Турине, начались новые переговоры в Риме, — опять по предложению и под председательством председателя совета министров.

На многих заводах рабочие выражали желание организовать оборону ввиду возможных событий и решали удерживать заводы — даже против воли руководителей движения.

Во многих случаях, заводские комитеты резко высказались против всяких перегово-

ров и за немедленное расширение движения. Тем не менее, переговоры продолжались, и в Риме уже установлены были в общих чертах пункты договора, который должен был положить конец занятию фабрик.

Недовольные были, однако, впускательной силой. Заводы, отказавшиеся признать подписанный договор, были многочисленны. И немало было заводов, сопротивлявшихся еще некоторое время принятому решению. Но движение было подорвано в своем корне. Даже при самых героических усилиях, не было больше надежды на то, чтобы оно теперь же пышно расцвело. Оставалось одно — вернуться к интенсивной революционной работе и готовиться получше к следующему случаю.

Однако, буржуазия сумела использовать положение лучше всех революционеров. Не откладывая дела до «лучшего случая», который-де представится «завтра», и не теряя драгоценного времени, она постаралась, прибегая ко всем возможным способам, положить «раз навсегда» конец «красному террору». Тем самым она дала жизнь и возможность действовать фашизму.

Рабочие, обескураженные как бесполезностью напрасно потраченных усилий, так и всё более определенной изменой своих так-называемых «представителей», покинули заводы, спрятав свое оружие. Они не могли уже больше с прежней энергией и энтузиазмом бороться против реакции, которая принимала теперь с каждым днем всё более резкие формы. Они поддались теперь настроению мрачного пессимизма, что очень играло на-руку реакции.

* * *

Каковы были позиция и деятельность анархистов в продолжение и по отношению этих крупных событий?

Разумеется, анархисты не могли ограничиться простым физическим участием в событиях. Не могли они также занимать чисто-критическую позицию. Перед лицом новых фактов, возникавших ежедневно и требовавших немедленных решений, анархисты должны были, — если они не хотели оторваться от масс и от событий, — высказывать громко и определенно свою точку зрения. Дело шло, конечно, не о том, чтобы предлагать законченную и точную программу действий или давать готовые решения всех возникающих задач, но о том, чтобы сказать, какие возможности и пути представляются им, анархистам, наилучшими, чтобы довести до успешного конца дело социальной революции, а также о том, чтобы внести в свою деятельность известную стройность и организованность.

Замечательная работа, встретившая живой и широкий отклик, оказавшая весьма крупное влияние и произведшая сильнейшее впечатление не только в революционной среде, но и во враждебном лагере — точностью данных и положений и глубоким знанием вопроса, была в это время опу-

*) Напомним, что в то время русские войска были недалеко от Варшавы, и что, в связи с этим, имелаась надежда на возобновление революции в Германии.

бликована — сперва в виде ряда статей в ежедневной анархической газете «Umanità Nova», а затем — в виде брошюры: «Экономические факторы успеха социальной революции».)

Эта работа была ответом глубокого знания вопроса на аргументацию тех, которые не хотели революции и в подтверждение своего мнения призывали на помощь себе все ужасные возможности, какие обрушатся на Италию, если она начнет революцию.

При помощи широкой пропаганды и энергичной деятельности, анархисты стремились ускорить и развить события. В то же время, они отдавали себе ясный отчет в тех трудностях, какие возникнут в движении и в созданном им положении вещей, когда «корабли будут сожжены» и задача социальной революции станет конкретным фактом. Им ясна была трудность, при недостатке многих сырых материалов, удержать революцию и привести ее к полной победе. Они прекрасно понимали, что, в течение нескольких лет, нельзя будет более рассчитывать на ввоз заграничного сырья. Но они выяснили также, на основании точных данных и фактов, возможность выйти с успехом из этого критического положения. И в своих многочисленных печатных органах они разбирали и исследовали этот вопрос в его мельчайших подробностях.

За задачей снабжения сырьем возникала другая задача, которая своей важностью и спешностью должна была, не менее первой, интересовать анархистов: задача обмена необработанных продуктов на обработанные. Ибо, если не хотеть парализовать — даже убить — всю промышленность и привести сразу же к гибели рождающуюся революцию, необходимо было, чтобы производство продолжалось безостановочно и возможно более гармонично, чтобы обработанные продукты, — без серьезных задержек, не растеряваясь по рукам длинного ряда посредников или, что было бы еще хуже, не скопясь на складах (всё это было бы повторением недостатков и ошибок капиталистической системы), — по возможности тотчас доходили до потребителей. Нельзя было откладывать решения этой задачи, которая, во всей своей важности и настоятельности, встала перед рабочими, занявшими фабрики и, главное, желавшими их удержать. Она встала также перед каждым революционером, серьезно желавшим революции.

Налицо имелись кооперативы. Нельзя ли было их использовать?

Кооперативное движение, которое за последние 20 лет стало весьма значительным, — в особенности в связи с синдикальным движением, — стояло уже на солидном фундаменте. Притом, ему удалось проникнуть во все угол-

ки Италии. Стало-быть, оно могло с успехом взяться за задачу. Кооперативы (хотя они и подвергались, — в виду их реформистского характера в «нормальное» время, — резкой критике со стороны анархистов) могли, с их разветвлениями по всем городским кварталам, по провинции, по самым глухим деревушкам, служить превосходным орудием прямых сношений между производителем и потребителем, позволяя отбросить как всяких других посредников, так и правительственный бюрократический аппарат. Они могли, — приняв, разумеется, несколько иную форму, более отвечающую их новому назначению, — взять на себя задачу распределения, как сырья, так и обработанных продуктов.

И действительно, Италия уже становилась на этот путь.

Именно анархисты первые выдвинули и отстаивали эту необходимость, — необходимость предоставить кооперативам одну из важнейших и основных функций в развитии начинающейся революции. Между тем, все другие политические партии в Италии, — в особенности же социалистическая партия, — видели и видят в кооперативах только хороший способ выкачивать средства для своей пропаганды.

Но — как мы видели, всё начатое обречено было на гибель, благодаря, главным образом, измене руководителей синдикальных организаций. Всё было разбито, — несмотря на то, что как-раз на последних порах, когда измена социалистов и других «вождей» уже обозначилась, анархисты отделились с новой энергией делу пропаганды устным словом, печатно и действием, стремясь создать у рабочих ясное представление о возможности и необходимости не только удержаться на завоеванных позициях, но и бросить всякую нерешительность и, наконец, — даже против руководителей, — идти вперед.

Повидимому, было уже поздно. Измена и впечатление от нея зашли слишком далеко, и поражение было неизбежно.

Но ни один повод тотчас оживить и возобновить движение не был оставлен без внимания анархистами. Увы, упадок духа и разочарование были слишком глубоки, чтобы можно было преодолеть их и снова воодушевить массы...

Разумеется, было бы нелепо утверждать, будто анархисты остались абсолютно чужды ошибкам и заблуждениям. Заблуждениями, нанесшими анархическому движению крупный ущерб, были, например: идея «единого фронта» с другими течениями и блоки с ними, — блоки, которые привели лишь к тому, что анархическое дело оказалось орудием «высших интересов»... политики Ген. Конф. Труда и Социалистической Партии; политики, стремившейся к завоеванию министерских портфелей. Но, за исключением этой иллюзии, которая в известной степени повредила движению, усилия анархистов удержать живым и углубить движение, были поистине неоченимы.

Гуго Трой.

*) Работа эта принадлежит перу старого товарища — одного из самых выдающихся профессоров жизни в Италии, читающего в нескольких университетах, автора весьма крупного труда по органической и неорганической химии, бывшего сотрудника анархического еженедельника «La Protesta Umana» (выходил с 1906 по 1911 г.) и постоянного видного сотрудника «Umanità Nova», —

Трагедия Николаевска на Амуре.

(Отрывок из истории сибирского повстанчества).

(Продолжение). *)

II.

В дальнейшем, отношения между русскими властями и японцами на Д. В. всё ухудшаются. Чувствуется, что японцы дышат злобой и местью.

Совет Николаевска на Амуре прекрасно собирался в значении Николаевских событий. Лебедева в конце марта передавала во Владивосток: «Мы знаем, что Япония рано или поздно постарается использовать Николаевскую катастрофу в свою пользу»...

Это понимал Совет и Хабаровска.

Но этого не хотело понять земское правительство Владивостока — так-называемая в приморье «контрольная власть», во главе с Д. В. комитетом Р. К. П. Выполняя директивы своего Ц. К. партии, «буферное» правительство устами уполномоченного Москвы В. Виленского категорически — вернее, «панически» — приказывало: «остановить события — не воевать с японцами»...

Обл. Исп. Ком. и штаб партизан стояли за *Советы*, — Советы не по назначению Р. К. П., а свободно избираемые всеми трудящимися и чуждые всяких партийных окрасок. Они всячески боролись с «коммунистической» пропагандой создания «демократического буфера». В этом отношении в Николаевске было полное единодушие всех без исключения советских группировок. В конце марта Лебедева передавала по прямому проводу во Владивосток:

«При выборах в совет и на съезд трудящихся действуем совместно с коммунистами, левыми соц-рев. и анархистами. Создалась объединенная советская группа. Разногласий у нас нет, так-как все коммунисты стоят также на советской платформе и чужды всякого соглашательства. Создание «буферного государства» считаем зелено-розовой контр-революцией; а то, что некоторые коммунисты поддерживают эту идею, считаем глубокой ошибкой...»

* * *

Между тем, японское военное командование всячески стремилось добиться удовлетворения за 12-е марта. В сторону Николаевска направлялись вооруженные части японских войск.

Партизанский штаб, давая себе полный отчет в неминувости решительной борьбы, ежедневно готовился к отпору. Всё окрестное крестьянство встало под ружье. Весь край превратился в военный лагерь вооруженного населения.

Истерические радио-приказы Виленского «прекратить во что бы то ни стало мальчишескую выходку николаевцев» вызвали следующее радио-сообщение Лебедевой «буферному правительству» во Владивосток:

*) См. „А. В.“ № 1.

«Николаевские крестьяне, озлобленные апрельским выступлением японцев в Приморской области, не дадут себя заставить врасплох. Все попытки к нашей ликвидации со стороны японских военных властей натолкнутся на упорное с нашей стороны сопротивление. Пусть знают все, что мы не дадим себя закабалить иностранному капиталу в лице японского империализма. Мы готовы на всякие жертвы. Мы будем отстаивать каждую частичку нашей земли до последнего момента. Только на наших трупах, на нашей крови японцы могут водрузить в крае свое знамя «Восходящего Солнца». Вы, земская власть, претендующая на признание союзных правительств, — так примите же меры к приостановке дальнейшего продвижения японских войск на Николаевск. Иначе, да свершится неизбежное!...»

Таков был ответ на категорическое требование представителя Ц. К. Р. К. П. Виленского — «разоружиться».

В ночь на 5-е апреля 1920 г. японское военное командование во Владивостоке инсценировало нападение русских на места расположения японских воинских частей и, под этим предлогом, разоружило русские военные силы.

29-го апреля «буферное правительство» подписало соглашение с японским штабом о «приостановке военных действий в Приморской области». Но оно не в состоянии было добиться разоружения Николаевска. Все попытки представителя Москвы коммуниста Виленского — ликвидировать самозащиту николаевского населения остались безрезультатными. Партизанский штаб, да и всё крестьянство сознавали, что разоружение для них смерти подобно. Да и никто из населения не хотел стать жертвами непротивления — покорными жертвами дышавших злобой и местью японских оккупантов. А «буферным коммунистам» легко было говорить и приказывать, имея за своей спиной, «на всякий случай», пути отступления в штабы интервентных войск, как это было в дни апрельского японского выступления в Владивостоке.

И вот, в то самое время как «буферные коммунисты» с своим уполномоченным от Ц. К. Р. К. П. Виленским тшкетно обивали пороги японского штаба, устраивая чуть ли не ежедневно банкеты в честь главы японской дипломатической миссии во Владивостоке — Магудайра, — тшкетно добиваясь «демократической власти», — японское командование не дремало: оно энергично готовилось к захвату Николаевска на Амуре. С суши (со стороны Хабаровска) и с моря (со стороны Сахалина) концентрировались японские вооруженные силы.

23-го апреля Александровск на Сахалине занят высадившимся японским десантом в количестве 2000 человек. На рейде остановились японский броненосец «Миказа» и крейсер «Ми-

нима» с имеющимися на борту гидроаэропланами.

13-го мая десант из Александровска, уже пополненный и увеличившийся в своем составе до 7000 человек, под общим командованием полк. Тамана перевозится в устье Амура, в порт Де-Кастри. А со следующего дня японцы уже открыли блокаду Николаевского побережья. Они заняли пролив Лаперуза, уничтожив предварительно в устьях Амура до 20 русских рыбачьих судов.

С 26-го мая японская эскадра начинает обстрел зажиточными спорадами Николаевска на Амуре. Японские гидроаэропланы, следя за передвижением отрядов партизан, в то же самое время сбрасывают в город бомбы, производя там разрушения и пожары.

Будучи предоставлены самим себе и сжаты в железных тисках технических превосходящими силами японцев, партизанские отряды покидают город и уходят в тайгу. Последнее радио-сообщение из Николаевска гласило:

«Товарищи! В последний раз говорим с Вами. Оставляем город и крепость, взрываем радио-станцию и уходим в тайгу. Всё население района и города эвакуировано. Деревни и села по всему побережью уничтожены японцами. Крупные здания в городе взорваны. Всё, что нельзя эвакуировать и что могло бы быть использовано японцами, нами сожжено и уничтожено. На месте города и крепости от бомбардировки остались одни дымящиеся развалины. Враг наш, придя сюда, найдет только груды пепла и развалин.

Мы уходим в тайгу! Но уходим не с унынием и отчаянием, а с прежней надеждой и верой в скорое торжество и победу трудящихся над последними остатками реакции и капитала. С большим ожесточением и ненавистью мы будем бороться с палачами трудящихся Сибири — желтолицыми японскими жандармами. Мы клеймим предателя рабочего-крестьянской революции — сторонников «демократического буфера», которые предали и погубили дело трудового народа здесь на Дальнем Востоке.

Мы были далеки от Вас. Но всё же сподились с Вами. Мы чувствовали эту связь, как большое и ценное завоевание. И теперь глубоко переживаем эту потерю.

Мы делали всё, что только было в наших силах. Мы держались до последней крайности. Сейчас японцы подошли к городу. Сверху — с Амура и с моря — целой флотилией миноносцев обстреливают город. Дальше держаться не можем.

Не знаем, кого винить во всем случившемся. Но знаем одно: *если бы не была передана власть в руки жемства, если бы не было этой грубой ошибки, то дело освобождения Д. В. не было бы сорвано, а увенчалось бы успехом.*

Образование земского буфера совершенно не вызывалось жизнью и было навязано приморью чисто искусственно, вопреки воле и единодушному протесту трудящихся Дальнего Востока. Жизнь доказала всю нецелесообразность этой меры и обнаружило ее как бесплодную попытку

воскресить коалицию и избежать таким образом войны с Японией.

Войны Вы не избежали, а рабоче-крестьянское дело погубили, отдав население в руки белых и японцев.

Выражая свое глубокое негодование и протест против предательства со стороны сторонников буфера, против новой попытки захвата Д. В. японскими милитаристами, мы обращаемся к трудящимся России и всего мира с просьбой присоединить свой голос протеста к нашему и прийти на помощь рабочим и крестьянам Д. В. в их кровавой отчаянной борьбе.

В заключение мы заявляем: крестьянство всё поголовно в партизанских отрядах и не сложит оружия до тех пор, пока не освободится от кровавого ига японцев.

Командующий Округом: Тряпицын.

Начальник штаба: Лебедева.»

Такова последняя телеграмма из Николаевска.

Превосходящие силы японцев сломили отчаянное сопротивление населения. Город занят японскими войсками. Трофеи японцев — уничтоженный огнем город и тысячи трупов мирных граждан. Город сметен с лица земли.

Месть японцев не знала границ. На всю окрестность, на весь край японцы навели панику, убивая жителей, сжигая до тла деревни и села.

Такова была японская месть за гибель своего гарнизона в дни неудачного для него мартовского выступления.

Так сдержали свое слово красные партизаны, с оружием в руках отстаивая свое право на жизнь.

Японцы стали хозяевами положения...

* * *

После захвата Николаевска на Амуре, на улицах города было расклеено объявление командующего японскими войсками северного района, ген. Цуно, в котором говорилось: «Разбойничьи банды, именующие себя большевиками, обманув наш гарнизон и мирное население, дерзко совершили ряд небывалых жесточайших убийств, грабежей, насильи и т. д.» И это — в то время, когда те же «предатели-большевики», в лице Виленского и Ко., настойчиво обивали пороги приемных японского штаба в Владивостоке, в чаянии сменить гнев оккупантов на милость — не к побежденным, конечно, а к себе: к «правящей» коммунистической партии, прикрывшейся листком «демократического буфера».

Желаю смягчить недовольство японского командования на «буферную власть», коммунистическая партия стала вторить в унисон японским сообщениям о, якобы, «зверствах, произведенных в Николаевске партизанами».

Так, Приморская областная конференция коммунистов 11 июля 1920 г. вынесла следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что:

1) партизан Тряпицын и член партии максималистов Нина Лебедева не являлись офици-

циальными представителями советской власти в Николаевске на Амуре;

2) все действия в то же время они осуществляли именем советской власти;

3) они сознательно шли все время против основных указаний центральной советской власти;

4) действия их преследовали исключительно цели, удовлетворяющие личные интересы честолюбия и власти;

5) действия их в результате могли вызвать возбуждение против советской власти в самых широких народных массах, как русских, так и международных;

6) эти действия падают исключительно тяжелым пятном — позором на самую идею советской власти;

7) по непосредственным распоряжениям этих лиц, без всяких к тому оснований, в числе убитых были члены Р. К. П., члены общественных и социалистических организаций, а также женщины и дети;

8) подобные явления возможны лишь вследствие недостаточного влияния наших организаций среди трудящихся в том или ином месте;

9) вся Николаевская трагедия является следствием положения, созданного иностранной интервенцией, —

Областная Приморская конференция Р. К. П. считает:

а) необходимо строгое публичное расследование всех действий указанных лиц;

б) предание революционному суду Тряпичина, Лебедевой и примыкающих к ним лиц по законам военного времени;

в) разъяснение массам самочинных действий Лебедевой, Тряпичина и Ко от чуждой им советской власти.»

(«Красное Знамя», № 128, 21/VII).

Конференция ошибается или сознательно искажает факты: Нина Лебедева и Тряпичин на командные посты были выбраны на конференции всех партизанских отрядов Николаевского и Сахалинского районов, являясь в то же время членами областного исп. ком. советов края, выбранного в конце марта 1920 г. на окружном съезде советов края.

Конференция коммунистов обвиняет Тряпичина, Нину Лебедеву и др. в «убийствах женщин и детей», и т. д.

Не знаю, какими данными обладала конференция Р. К. П. в оценке действий Николаевских партизан.

Не хочу пользоваться теми, из сомнительного источника, документами, которыми коммунисты апеллировали к населению. (Я говорю о протоколах самочинной следственной комиссии за подписью прис. пов. Протопопова.) Но знаю хорошо, что экзессы партизан носили чисто стихийный характер, что они были ответом на зверства реакционеров и оккупантов, и что они были во-время остановлены партизанским штабом. Вот почему я с негодованием отбрасываю в сторону все нападки Р. К. П. на Нину Лебедеву, Тряпичина и др.

О том, как относились николаевцы к линии поведения, «намеченной обществом и вла-

стью», — вернее, намеченной из центра — из Москвы, от Ц. К. Р. К. П., — об этом сами за себя говорят не только приведенные выше радио-сообщения пратизанского штаба, но и резолюции с мест.

Вот выдержка из резолюции, принятой в Николаевском районе:

«Захватнические стремления японского империализма вместе с соглашательским правительством Приморской обл. поставили нас лицом к лицу перед грозной опасностью потерять добытую упорной тяжелой борьбой свободу и не иметь возможности выявить свою волю через свободно избранные советы. В этот грозный момент, когда должно быть поставлено на карту всё, когда хищники японского империализма собираются подавить наши завоевания, добытые тяжелой, упорной борьбой с мировым капитализмом, с японо-атаманскими бандами, — вспомните всем нам дорогую советскую Россию. Около трех лет трудящиеся вели борьбу с капиталом и империалистами всех стран и в борьбе остались победителями. Перед грозной опасностью сомкните же свои ряды! Забудем на время личные нужды! Помните, что не время теперь заботиться об обуви, одежде! Враг близок! Он с нетерпением ждет момента раздавить нашу свободу, отнять нашу жизнь! Не поддавайтесь ложным слухам! Пусть никакие наветы, наговоры не разрушат нашу решимость — трудом, настоящим упорным трудом победить врага, сохранить свободу, укрепить основы новой светлой жизни!»

Выдержка из резолюции, принятой в Сахалинской области:

«Мы заявляем буржуазии всего мира, что мы не признаем договоров-делок с милитаристами, кто бы их не подписывал. Мы не признаем буфера на востоке. Ибо это ловушка для трудового народа.»

Буферные коммунисты обвинили также партизанский штаб в расстреле коммунистов Будрина, Мизина и других.

Да, эти «коммунисты» были партизанами расстреляны. Но — почему и как?

В то самое время, когда поголовно всё население в округе готовилось к отпору японским вооруженным силам, — коммунисты Будрин, Мизин и др., имея соответственные директивы от уполномоченного Ц. К. Р. К. П. В. Виленского, начали свою разлагающую работу в направлении «подчинения буферу» среди партизан и населения края. И наблюдалось всё время во всех действиях в Николаевске на Амуре единение всех политических группировок было, таким образом, по приказу из Владивостока разрушено...

Руководствуясь принципом сохранения революционной дисциплины и единства среди восставшего населения, Обл. Исп. Ком. Советов края и партизанский штаб, в силу необходимости, должны были пресечь попытки некоторых коммунистов подчинить вооруженные массы своему партийному центру.

Вот почему коммунисты Будрин, Мизин и др. были преданы суду всех партизанских отрядов и расстреляны.

М. Володин.

(Окончание следует).

Литературный отдел

Приходящему

К тебе, товарищ, только-что познакомившемуся с идеей полного освобождения от всякого гнета и насилия человека над человеком, еще только желающему вступить в ряды защитников этой идеи и борцов за нее, обращаюсь я.

Прежде чем вступить в эти ряды, подумай о том, что ждет тебя, измерь свои силы, собери всё свое мужество, свою любовь к человечеству, свое негодование и возмущение окружающими тебя гнетом, насилием и рабской трусостью, и реши: хватит ли у тебя силы на эту борьбу? И только после того, как ты взвесил всё, что встретится тебе на этом пути, — иди.

Но тогда уже не жалуйся на усталость, на те тягости и горести, на страдания и гонения, которым подвергнешься ты. Ведь ты знал, что ты вышел на борьбу со всем окружающим тебя, со всеми теми элементами общества, которые задерживают и уродуют свободное развитие человечества и каждого человека в отдельности. Ведь ты знал, что твоих друзей и единомышленников только горесточка, и что они окружены враждебным им большинством, — тем мещанским болотом, в котором часто тонут одиночки, ибо всем орудиям насилия, подавления, гнета и уничтожения они могут, пока, противопоставить только веру в правоту своего дела.

Знай, что те, кому выгоден современный насильнический строй, будут гнать и преследовать тебя, если ты не подчинишься и не пойдешь на компромисс, — всё равно, будешь ли ты распространять и проповедывать свои убеждения там, где ты родился и вырос, или же там, куда тебя занесет судьба.

Не забудь, что встав в ряды борцов за полное освобождение человека, за анархию, ты не должен ждать того золотого времени, когда установится на земле анархический строй, а должен сейчас, немедленно проводить то, что считаешь нужным и полезным, и строить свою жизнь на свободнических началах. Стремление устроить свою жизнь на началах свободы в условиях настоящего времени и есть самая трудная и важная борьба,

которую только можно вести. И только эти попытки — построить новую свободную жизнь — толкают человечество по пути к свободе.

Но не думай, что та свобода, за которую ты борешься, означает: «всё позволено»; и что борясь за свободу, ты можешь применять все возможные средства насилия, которые употребляют твои противники. Ведь свобода возможна только тогда, когда она основана на уважении к чужой личности, будь это друг или враг. Всякий борец за свободу должен всегда помнить основной принцип: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого». Т.е., во всех своих поступках человек, стремящийся к свободе, должен следить за тем, чтобы он этими поступками не посягал на свободу всякого другого человека.

Всякий, стремящийся к свободе, должен всегда помнить, что поступая так, а не иначе, он может опираться только на самого себя, на свои убеждения и взгляды, а не прикрываться каким-либо авторитетом; и нести ответственность за свои поступки, как бы ни была она тяжела, а не прятаться за чужие спины.

Стремясь к свободе, он не боится взглянуть правде в глаза и честно сознаться в своих ошибках, ибо всё движение человечества вперед, а также развитие каждой отдельной личности и основаны, главным образом, на исправлении своих ошибок. «Не ошибается только тот, кто ничего не делает».

Если те требования, которые я предъявляю тебе, ты можешь удовлетворить; если ты не боишься пойти навстречу ожидающему тебя; если ты, — несмотря на то, что на своём пути ты встретишь только тернии и шипы, плевки и ругательства, тюрьму и изгнание, моральные и физические пытки, — несмотря на то, что те угнетенные, которые наиболее близки тебе, первые же нанесут тебе удар, — несмотря на всё то зло, которое принесут тебе люди, — если ты не озлобишься и не потеряешь веры в человечество и любви к нему, предвидя все те поражения и унижения, которые придется пережить тебе; если ты, всё-таки, пойдешь по этому пути, — то привет тебе, приходящий в ряды борцов за анархию!

Гай Баренд.

Кошмар

(Посв. А. П. Н-ой)

... Бывает у меня
Ужасный гость. Бессонными почамн
Ко мне приходит он. И молча, без затей
К постели приближается мой
Неслышными, но тяжкими шагами.

Развязно отстранив меня рукой,
Ко мне садится он, поближе к изголовью.
И глухо шепчет мне... И шопот роковой
Его подобен черному злословью.

Он говорит: «Оставь мятежный бред.
«Взгляни вокруг: рабов себялюбивых
«Ужель изменишь ты?... В мечтах вольно-
любивых
«Ужель не жаль тебе погибших лучших лет?...
«Безумец! Где плоды твоих мучений?...
«Слепец! Закон веков ты вздумал превозмочь?!
«Но слышишь — вечный опыт прошлых поко-
лений
«Смеется над тобою в эту ночь...»

Он говорит — и, словно капли яда,
На сердце падают тяжелые слова;
И, как в огне, горит бо́льшая голова;
И языка не движется громада...

Но вдруг — далекий стон я слышу: рев и вой
Неумолимого и грозного прибой.

Он ближе... Он растет, спасительный прибой!...
И слышу я слова!... слова в хаосе воя!...

Я слышу грозный вопль миллионов голосов;
И лязг оружия; и звон цепей разбитых...
Победный клич живых; предсмертный стон
убитых
На приступе твердынь законов и веков...

Он ближе... Он везде. Он здесь — народный гам...
И комната полна чудесного движенья...
И красных факелов отсветы по стенам
Трепещут заревом победного смятенья...
И я кричу: «Ты слышишь?... Вот ответ!...»
Хочу бежать...

Тиха моя обитель.
Всё мирно и темно. Погасли шум и свет.
Лишь у дверей еще стоит мой искуситель.

Он побежден — но медлит уходить.
Улыбкой злобною лицо его кривится...
И слышу я — он шопотом грозит
Еще не раз ко мне ночами приходит.

Париж, дек. 1915.

В. Э.

Слово матушке Руси

Мать ты родимая,
Добрая, милая,
Что ты молчишь?
Горе, страдание,
Слезы, рыдание
В сердце хранишь?

Разве в терпении
Есть утешение,
Мир и покой?
В сдавленном шопоте,
В сдержанном ропоте —
Бой роковой?...

Выплюнь молчание,
Брось в отмирание
Скорбь старины!

Влей в обновление
Говор, волнение
Целой страны!
Пусть раскачается,
Пусть разыграется
Жизнь, как волна!
Пусть долговечные
Мысли сердечные
Взбудит от сна.
Пусть же страдания,
Муки, рыдания
Выльются в гнев,
И многолетние
Грезы заветные —
В громкий напев!

Янв. 1923.

С. С. Михайлов.

К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции *)

Нам сообщают:

Группа «советских анархистов» (анархо-большевиков), с Гейцман во главе, в числе 12 человек, приготовила «Декларацию», которую готовится опубликовать с целью официального вступления в компартию. Среди 12-ти — *Оссовский* и *Виноградова*. Аналогичное предложение сделано было многим анархистам, но большинство их отвергло предложение. Повидимому, — в целях дальнейшей борьбы с анархизмом, — готовится авантюра-провокация, вроде недавнего фальсифицированного «съезда С.Р.».

*
* *

Дополнительно извещают:

Декларация Гейцмана и Ко задержалась опубликованием, ввиду получения этой группой сведений о том, будто за границей образовался комитет анархистов, максималистов и лев. с.-р. «для защиты наших идей в России» (повидимому, слухах с «Комитетом защиты заключенных русских революционеров», образовавшимся недавно в Берлине**). Хотят, — прежде, чем опубликовать «Декларацию», — ознакомиться с характером этого (несуществующего) Комитета, на случай соответственных дополнений или изменений в Декларации.

*
* *

По последним сведениям — в числе лиц, подписавших «Декларацию» бывших анархистов о вступлении в Р. К. П., находятся, рядом с недавними анархо-большевиками (среди которых называют еще Элека Ротенберг), также и некоторые, сравнительно, недавние товарищи. Так, называют имя Лизы Тиновицкой.

Сообщают также, что основная группа этих ех-анархистов постаралась обставить де-

ло своего отступничества как можно торжественнее и шумнее. Группой были отправлены обращения и предложения о присоединении по провинциальным городам. Всеми делами стараются придать характер крупного события.

Самый текст «Декларации» и все подробности дела ожидаются на днях. По их получении, мы дадим в «А. В.» обстоятельную заметку об этом деле.

По поводу всего этого эпизода, «Комитет Защиты Анархо-Синдикализма при М. Т. Р.» рассылает по всем иностранным революционным организациям следующее предостережение:

«Новая провокация большевистского правительства готовится.

Русский комитет защиты анархо-синдикализма при М. Т. Р. предупреждает всех революционеров — анархистов, синдикалистов и других — против новой провокации, которую предпринимает большевистское правительство. Некоторое число ех-анархистов печального образа Виктора Серж-Кибальчич решили создать, — вероятно, по наущению власти, — «всеороссийскую конференцию», с целью объявить себя сторонниками Коммунистической Партии и примкнуть к ней *in corpore* (в полном составе). Организаторами этой провокации являются: Гейцман, Анна Виноградова, Лиза Тиновицкая (Шнотковская), Голнер, Михайловский и еще один или два.

Срочные телеграммы разосланы ими по провинции, с целью собрать ех-анархистов, уже давно примкнувших к Коммунистической Партии, и привлечь их на московскую «конференцию», чтобы сделать последнюю более импозантной. Эти ренегаты состоят в переговорах с Лозовским и Зиновьевым, то-есть с Красным Профинтерном и с Коминтерном. Подготавливается манифест, который должен, повидимому, стараниями этих двух Интернационалов быть опубликован за границей.

*) См. «А. В.» № 1, стр. 56—72.

**) См. «А. В.» № 1, стр. 82.

Хотят показать революционерам Европы и Америки, что подлинные анархисты и подлинные анархо-синдикалисты находятся в лоне Коммунистической Партии. Некоторые из них намерены, тотчас по принятии их в лоно Коммунистической Церкви, отправиться в Европу. Ренегат — организатор этой провокации — Гейцман, о котором нам еще предстоит говорить впереди, должен будет поехать в Европу — «бороться против 4-го Интернационала»! Нам ничего неизвестно о существовании этого Интернационала. Но господин Гейцман придет, быть-может, для провокационной деятельности вокруг М. Т. Р.?!

Мы предостерегаем наших товарищей везде против большевистской провокации и просим всю революционную прессу напечатать это предостережение.

«Русский комитет защиты анархо-синдикализма при М. Т. Р.»

Даем также место следующему краткому заявлению «Группы Русских Анархистов в Германии»:

«В № 1 «Ан. Вестн.» нами дан был исчерпывающий материал по вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции, и освещен был всесторонне инцидент, имевший место по

поводу ожесточенного нападения на нас некоторых товарищей, взявших под свою защиту анархо-большевиков Германа Сандомирского и Иуду Гроссмана-Рощина, против которых мы своевременно предупредили заграничную анархическую среду, отняв тем самым у этих последних возможность их дальнейшей агентурной деятельности за-границей.

Теперь анархо-большевики берутся за то же («провокационное», по выражению «Комитета Защиты») дело с другого конца. И вот, силою вещей, наши товарищи вынуждены теперь уже не говорить об искренности Гейцманов, Тиновицких и пр. и не брать их под свою защиту, а, в свою очередь, предостерегать против их «провокационной» роли.

Нам остается, по этому поводу, лишь еще раз повторить здесь все наши предупреждения (обнимавшие не только Гейцмана и Ко, но весь анархо-большевизм со всеми его представителями и их «деятельностью»), обратив внимание товарищей на то, что наши предостерегающие голоса, которые мы в течение 1½ лет неустанно подымали против анархо-большевизма, его роли и политики, и за которые некоторые товарищи (А. Шапиро, Е. Ярчук, Г. Максимов, Марк Мрачный и др.) поливали нас грязью, теперь полностью подтверждаются на новых и свежих фактах.

Группа Рус. Ан. в Герм.»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ и могут быть высланы по требованию организаций и отдельных товарищей

следующие издания Группы Русских Анархистов в Германии:

- 1) „Гонения на анархизм в советской России“. Берлин, 1922. Стр. 63. (Книга вышла также на франц. и болгар. языках. Подготавливается немецкое издание).
- 2) П. Аршинов. — „История махновского движения“ (1918—1921 г.). С портретом Н. Махно и наглядной картой района и движения. Предисловие Волина. Берлин, 1923. Стр. 258. (Подготавливаются переводы на франц., немец., испан. и итал. языки).

ОТ РЕДАКЦИИ „Ан. Вест.“ — Предполагая издать сборник стихотворений В. Э., значительная часть которых печаталась в 1914—1917 гг. в американском еженедельнике „Голос Труда“, редакция „А. В.“ очень просит товарищей, имеющих комплект „Гол. Тр.“ (№№ 1—139), не отказать выписать и прислать в редакцию все стихотворения, подписанные В. Э., начиная с последнего (139-го) номера. Редакция недостает 18-ти стихотворений из последних номеров „Голоса Труда“.

Вести из России

Положение в России

Характеризуя нынешнее положение вещей в советской России, товарищи пишут из Москвы:

«С одной стороны — призванная к жизни и строительству буржуазия, крупная и мелкая, внутренняя и международная. С другой, как и в эпоху «военного коммунизма», насаждаются *партийные* советы путем репрессий по отношению к избирателям и их кандидатам. Еще до выборов из мастерских, с фабрик и заводов увольняются и арестовываются члены других партий; представители этих партий не допускаются на избирательные собрания, если они не выставлены кандидатами в совет; никакой партии не разрешают издания предвыборных листовок или газет; никому не разрешают созыва рабочих собраний для обсуждения порядка выборов, кандидатур и платформ; на самых собраниях организуют бешеную травлю ораторов не-коммунистов, наводят эти собрания коммунистами, не имеющими отношения к составу данного завода.

Свободное членство в профсоюзах превращено в фикцию. Никого не спрашивают о желании вступить в союз, а просто выдают членский билет, вычитают положенный членский взнос из жалования, а за всякую открытую критику этой фикции попадаешь под подозрение вседозвучающего ока Р. К. П. — ком'ячейки. В итоге — гробовое молчание и подчинение существующему.

Внешне рабочие как-будто добровольно участвуют и на собраниях, и в организованных коммунистами демонстрациях, но по существу это участие вызывается боязнью попасть под надзор ком'ячейки, или быть выброшенным за борт фабрики в ряды растущей армии безработных, или за неучастие в какой-либо официальной демонстрации не получить платы, как за нерабочий день.

Все без исключения левые партии и течения преследуются. Боязнь утери монопольной власти заставляет усвоенных диктатурой людей нещадно преследовать эти партии и течения, предпочитая им хищников — буржуев, спекулянтов, спецов и шкурников-коммунистов, расхищающих народное достояние в трестах, синдикатах, смешанных обществах, в посреднических государственных органах, в банках, коммунальных хозяйствах. Последние процессы трестов Госторга, ЦИО — наихарактернейшие тому доказательства. И в то же время с корнем уничтожаются левые партии и организации (лев. с.-р., максималисты, анархисты, синдикалисты) исключительно за их непрерывные указания на неправомерность избранных путей, на гибельность многолетней диктатуры, превращающейся из временной меры в

органическую, на невозможность строительства при уничтожении основ социальной творческой самостоятельности рабочих и крестьян. С введением, напр., на Д. В. советского строя в 1923 г. немедленно были ликвидированы все соц. организации, работавшие до этого на протяжении ряда лет в белогвардейском подполье рядом с большевиками, пользовавшиеся даже при буфере некоторой возможностью организационной и литературной работы. Теперь за малейшую критику — тюрьма, ссылка, избиение, расстрелы.

Самодетельности и инициативе нет места в российской «советской республике». Все попытки даже безработных организовать в артели для простого заработка встречаются с недоверием, а уже созданные производственные союзы уничтожаются.

Борьба с крестьянством за гегемонию в деревне партии коммунистов приняла самые уродливые формы. Просеивание сквозь сито диктатуры партии всякого представительства, — на сходы советов, в кооперацию, — начинается на самых низах, и, путем лишения избирательных прав неугодных большевикам кандидатов, путем угроз, высылки и арестов создаются удобные Р. К. П. советы и кооперативные правления.

Инсценировка «пролетарского гнева и возмущения» против не-коммунистов практикуется во всю. В большевистской прессе эта инсценировка превращается в стухиное народное движение. Разоблачать все эти махинации нигде, ибо никакой свободы печати, слова и собраний ни для кого, кроме коммунистов, не существует.

В тюрьмах грубое обращение, как обычное явление; избиения и сажания в карцер за «дерзкие ответы» следователю и чекистам, высылки в места, куда не осмеливались высылать цари дома Романовых, — в общем, отношение, диктуемое чувством мести, злобы и ненависти, а не «необходимостью защиты существующего порядка».

И когда читаешь в ком. газетах об ужасах фашизма, о расстрелах рабочих в Руре, об арестах коммунаров в Бельгии, Германии, Франции, об убийствах из-за угла вождей рабочих в Испании, о бесчинствах монархических кланов, об объявлении коммунистов нелегальными, о системе провокации, применяемой американским правительством к рабочему рев. движению, об издевательствах в тюрьмах, о смертной казни, применяемой к индусским и египетским революционерам английским правительством; и когда русские ком. газеты заполняются статьями, выражающими свое возмущение по адресу буржуазных правительств, их лицемерия, лживости, системы подкупов, политики «разделяй и властвуй», то спрашиваешь: какое

право имеют коммунисты обвинять буржуазные правительства в том, в чем сами повинны в еще большей, чем они, степени? Разве политика «разлагая и властвуя» не практикуется вот уже пять лет в большевистской России по отношению ко всем соц. партиям, организациям и беспартийным рабочим и крестьянам? Разве не ставили органы большевистской охраны дилеммы: либо уходи из партии, к которой принадлежишь, либо сиди бесконечно в тюрьме? Разве смертная казнь применяется только к белогвардейцам и буржуазным спекулянтам? Разве система провокации, неслыханная по своим размерам и формам, не практикуется для раскрытия «заговоров» и создания дел в целях продвижения по службе? Разве взяточничество не есть продукт всей системы большевизма, насадившей ложь, донос, шпионство, чванство с одной стороны, — трусость, продажность, низкопоклонство с другой? Разве итальянский фашизм не подражает в своих формах управления страной большевизму, разгромляющему всё, что смеет свое суждение иметь?..

Именно в этой провокационно-лживой лицемерной системе кроется яд разложения всего революционного движения мира. Эта реакционная внутренняя политика большевизма является козырем в руках реакционных правительств других стран, указывающих перстом на «советскую социалистическую Россию», так же, как они, — огнем и мечом, — подавляющую всякое проявление свободной мысли, стремление к самоорганизации и революционной работе. Что может коммунист ответить на эти указания?...

Вечер памяти П. Л. Лаврова

Нам передай с.р.-максималистами следующий документ, присланный из Москвы и опубликовываемый нами целиком, без изменений, в виду его злободневного интереса:

«15 июня исполнилось столетие со дня рождения одного из основоположников левого народничества — *Петра Лавровича Лаврова*.

Левые с.р. и с.р.-максималисты решили ознаменовать этот день устройством *вечера докладов*, для ознакомления широких трудящихся слоев населения Москвы с учением своего учителя, заслуга которого перед русской социалистической революцией не ограничивается лишь тем, что он, вместе с Н. Г. Чернышевским и Н. К. Михайловским, создал учение революционного народничества, но величайшая заслуга его перед русскими социалистами заключается в том, что он вместе с Н. Г. Чернышевским один из первых формулировал и философски-научно обосновал для трудящихся России социалистическое учение вообще в его классовом и революционно-максималистском духе.

К участию на этом вечере были приглашены и люди других течений социалистической мысли: старая народница, штильсбургская узница — Вера Николаевна Фигнер, знавшая лично Петра Лавровича и согласившаяся взять

на себя председательство на вечере, знаток и издатель трудов Лаврова — Витязев, анархист Боровой, проф. Шпет и др.

Кто хоть несколько знаком с нашими порядками, тот знает, что для устройства даже чисто культурного дела, одно решение какой-либо организации недостаточно. Приходится преодолеть уйму препятствий. Приходится прежде всего добиться разрешения в М. О. Н. О. (Московский Отдел Народного Образования), действующего с согласия М. К. Р. К. П. Афишу посылают в цензуру на просмотр; приходится ждать разрешения на печатание ее, на ее распространение и расклейку. Все эти тягостные даже для простого обывателя, тем более для революционной организации, формальности были выполнены. В МОНО была представлена самая подробная программа вечера и докладов с указанием фамилий докладчиков и даже председательствующего. Все мытарства пройдены, помещение раздобыто. Билеты — 1300 — до последнего распроданы. Не хватило билетов. Доклады были составлены в самом объективно-спокойном тоне. Но они в то же время носили ярко выраженный лево-народнический характер. Да иначе и быть не могло. Ведь это лево-народники излагали учение основоположника своей идеологии, о чем прекрасно знали давние разрешение на устройство вечера. В очень корректном тоне были составлены все доклады данного вечера. Но это не помогло. Для уха коммуниста, отвыкшего за эти годы, — особенно за последние 3-4, — от малейшей публичной критики идеологии и действий его партии при могильном молчании всех инакомыслящих революционеров, для такого уха каждое несогласное слово, хотя бы и самое спокойное, должно было казаться набатным призывом бунтарей. Таким призывом и показались некоторые цитаты из сочинений Лаврова, приводившиеся докладчиками для иллюстрации взглядов и ответов его на те или иные вопросы революционной теории, этики или практики.

Для иллюстрации приведем одну из таких цитат:

«Живое слово должно быть допущено с полной свободой полемки. Заграницей нигде не боятся спора с своими противниками; тем менее могут опасаться полемки публичной и всенародной русские социалисты на другой день после революции. Группы, взявшие на себя обязанность сохранения личной и общественной безопасности, должны всеми силами охранять это право свободного слова у противников и не допускать нанесения оскорбления или вреда тем, которые смело выступают против нового порядка с оружием слова. Новый порядок будет достаточно рационален, чтобы не нуждаться в защите принуждением». Вот когда докладчик дошел до слова «всеми силами охранять это право свободного слова у противников», — с одной стороны раздались аплодисменты аудитории, а с другой бешеные протесты, крики, возгласы со стороны бывших на вечере коммунистов, кричавших: «Это ложь! Лавров этого не говорил!» И с возрастающей

страстно дебаш повторялся при каждой цитате из соч. Лаврова, которая почему-либо не подходила по вкусу коммунистам. И как подобает заправским фашистам, докладчикам не давали открывать рта, чтобы дальнейшими цитатами из Лаврова же подтвердить подлинность тех или иных неприятных большевикам положений. Это им было тем более неприятно и невыгодно, что по заведенному у монополюющей печати обычаю — всех великих покойников причислять к лику условных священных коммунистической церкви: «будь, мол, он жив, он был бы с нами!» — они и Лаврова зачислили в число идеологических прикрасителей действий большевиков.

Пикантнее всего вышел инцидент с артистом-декламатором, прочитавшим одно из стихотворений Петра Лавровича: «Апостол», в котором Лавров восхваляет стойкость борцов за свободу народов и проклинает их поработителей, душителей свободы. Председательница Вера Николаевна Фигнер объявила, что будет прочтано стихотворение, написанное самим Лавровым лет 50 тому назад. Благодаря слабому ее голосу, многим послышалось, что стихотворение не написано Лавровым, а кем-то другим, но посвящается его памяти. Коммунисты приняли все неслесные эпитеты по адресу самодуров-крепостников и самодержавных царей на свой счет и неистово завопили: «Довольно! Долой! Контр-революционер! Колчаковец!» В довершение всего, агентом Ч. К. (Г. П. У.) был составлен по поводу этой декламации протокол.

Вечер закончился чтением приветствий, присланных от разных русских и иностранных родственных нам организаций, в том числе из Берлина от «I. A. A.» (Синдикалистского Интернационала), за подписью Рокера, и от Ледебура.

Прошло после вечера несколько дней. Казалось, что башибузукские выступления на вечер не встречают себе сочувствия со стороны руководящих кругов Р. К. П. Но так только казалось. 19-го июня в газете «Правда» появилась отвратительная, пасквильная заметка об этом вечере с обычной у коммунистов базарной руганью. Вечером того же числа и на завтра были произведены обыски у участников вечера — у Я. Брауна, Нестроева, Прокоповича, О. Л. Чижикова; последние двое арестованы и сидят до сих пор при Г. П. У. На квартире были оставлены засады, куда попали несколько десятков лиц, из кот. 80% ничего общего не имели ни с «Объединением», ни с политикой вообще. Их продержали в засаде до 23-го...

Наша организация — Объединение Партии Лев. с.-р. и Союза с.-р.-максималистов — существует легально*); вечер был организован с

разрешения начальства, с соблюдением всех формальностей; организаторы вечера — все старые революционеры, всем известные, в том числе и большевикам. Спрашивается, для чего понадобились засады, обыски и аресты? Предположим, что докладчики говорили не по вкусу коммунистам; предположим даже больше — они переступили предел дозволенного, за что они подлежат суду. Предположим это. Тогда и следовало бы передать их суду и судить. Во всяком случае всё делалось открыто, публично. Причем тут инквизиционный подход Г. П. У., как-будто имеют дело с какими-то подпольными действиями подпольных организаций?

Т-щи рабочие, крестьяне и революционные социалисты Запада и Америки!

Мы Вам сообщаем об этом факте издевательства над революционными социалистами в России, над их совестью, над их правами, над их личностью, не для того, чтобы поразить Ваше воображение. Этот факт тонет в море подобных и еще более возмутительных фактов, имеющих место везде, где трудишься ведут борьбу за свои права, встречая отпор как со стороны красно-фашистской, так и бело-фашистской реакции. Мы обращаемся к Вам для того, чтобы показать, как Максималистам, борющимся за Социалистическую Революцию и за Трудовую Рабоче-Крестьянскую Республику еще с 1905 г., первым разгнанным в первые недели февральской революции лозунг — Власть Советам, но не Учредительному Собранию, но не коалиции социалистов с буржуазией; как Лев. Соц.-Рев., ставшим в 1917 г., как интернационалистами, в авангарде активных борцов за братский мир и союз между воюющими народами против виновников мировой войны — империалистических правительств и буржуазных классов, как нам, лев. с.-р.-максималистам, выступившим в Октябре в первых рядах за Власть Советов и за воплощение социалистических начал в производстве, а после Октября давшим сотни и тысячи борцов, как на всех фронтах внешних, так и на фронтах внутренних против белых (которые с нами расправлялись не менее беспощадно, чем с большевиками), как нам в стране, водрузившей знамя с дорогими для нас словами: союз социалистических советских республик, приходится с невероятнейшими трудностями отстаивать наше право на легальное существование, за которое мы боролись в течение всего времени партийной диктатуры, и за которое будем бороться и впредь. Наш долг социалистов и честных борцов за рабочее право и за трудовые начала жизни заявить громко и властно, что Вам также ненавистны фашистские действия, идущие от ком.-большевиков, как и от обезумевшей буржуазии.

Но главная для нас моральная поддержка, которая окрыляет нас и делает, несмотря на воистину неимоверно-трудные, иногда морально невыносимые условия, твердыми, уверен-

*) В данном случае большевики, из известных политических соображений, прибегают к своей обычной тактике: арестовывая, по малейшему поводу, активных членов организаций, впрямь от времени основательно грозя самые организации, дабы фактически не дать им возможности выйти за пределы жалкого прозябанья, власть, в то же время, допускает это «легальное» прозябанье. (Она знает, однако, эти организации почти всякой возможности проявлять себя печатно или

устно). Таким образом советское правительство, и в деле уничтожения всякую тень революционной свободы, создает себе, и в то же время, удобную формульную ширму законности и терпимости — ширму, на которую может, в нужных случаях, лицемерно ссылаться, — глав. обр. за-границей. — Реда.

ными в конечном торжестве наших начал, начал лево-революционного народничества, это уверенность, что наш опыт послужит Вам уроком, как делать и как не делать *Вашу* революцию. От нашего опыта веет не только одним ужасом и жутко. Из него Вы можете почерпнуть нечто важное и ценное для Вас. Он должен отчеканить в Вашем сознании тот великий завет, который провозгласил еще Первый Интернационал, но до сих пор плохо прочувствованный: «Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Слова эти при нашей обстановке означают, что не только Вас не освободят ни бог, ни царь, ни трибуны, но и *никакая партия* не в состоянии «даровать» Вам свободу, как бы она громко не кричала, что все, кроме нея, предатели и изменники, и какие бы феерверочные обещания она не расточала Вам. Никто не может Вас освободить, если оружие, врученное Вам Революцией, Вы положите, не завершив до конца дело не только победы над буржуазией, но и политического и хозяйственного устройства. Вас никто не освободит, если энергию, активность, разбуженную напряженными классовыми битвами, Вы дадите усыпить на второй день победы и, спеша к своим семейным очагам, дадите безусловный мандат на строительство Вашей жизни какой-нибудь сумевшей до революции заручиться Вашим доверием партии.

Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся — не только во время забастовок, на баррикадах, в рядах рабоче-крестьянской революционной армии, но освобождение трудящихся есть дело только трудящихся и на другой день после Революции, в момент строительства новых федералистических форм жизни в Советах, синдикатах, в фабрично-заводских комитетах, на деревенских сходах, в кооперативах. Всё это должно стать делом рук самих трудящихся — снизу, свободно, по творческому порыву, по самостоятельному изнутри идущему импульсу. Дело строительства социализма — есть дело не рабов, понукаемых сверху, а действительно свободных граждан, умеющих отстаивать свое человеческое достоинство, но в то же время не посягающих на унижение достоинства кого-либо другого из своей среды.

Пусть же наш опыт, хотя и жуткий, но плодотворный, пронзит ваше сознание и огненными буквами пусть врезается вывод, к которому мы пришли: «власть советам, но не партиям».

Дело организации производства — синдикатам, основной ячейкой которых являются фаб.-зав. комитеты, и их объединениям, но не государственным или партийным бюрократам-назначенцам!»

На Дальнем Востоке

С Дальнего Востока получены следующие известия:

С 26 февраля по 12 апреля в городах Дальнего Востока происходили массовые аресты

лево-народников и анархистов сопровождавшиеся буквально полным разгромом этих организаций. Особенно погромы произошли в Владивостоке. 26 февраля с. г. были арестованы максималисты: *Константин Афанасьев* (бывший член подпольного Обревома по ведению партизанской борьбы с интервенцией и правительствами Колчака и ген. Дитерихса), *Василий Батулин* (бывш. председатель подпольного Ц. Б. профсоюзов Приморья в дни колчаковщины и член подпольного Обревома в дни Меркуловского буфера), *Г. Григоренко* (зав. отделом снабжения продуктами при Обревоме в дни интервенции) и *анархисты Хаенко и Устименко* (видные партизаны и члены редакционной коллегии «Черное Знамя»). Всего в Владивостоке арестовано 8 максималистов и 4 анархиста.

В Благовещенске 10 апреля арестовано 38 чел. максималистов, *анархистов* и лев. соц.-рев., а также несколько партизан. В числе арестованных находятся максималисты: *Д. А. Золотарев*, активный работник профдвижения и подпольной деятельности в дни Колчака, бывший политический каторжанин; *И. Матвеев* — партизан, бывш. тов. председателя подпольного таежного исполкома на Амуре за период колчаковщины; *Вирюков-Шумилов В.* — партизан; *Низовой*; лев. соц.-рев. *Рябинин* и *А. Рыбкин* — участник работ в революц. штабе партизан против атаманщины, бывш. политический каторжанин; *анархисты: Орлов-Масловец К. (Костя Орлов)* — бывш. член подпольного рев. коллектива Амурской обл.; *Надежда Кузьминична Сошникова-Степанова*, бывш. политическая каторжанка, активный работник Рев. Коллектива на Амуре; *Тимковский (Батыка)*, *Рыков, Фома Грег.*, *Новиков, Юхимчук, Чепурнов, Елена Конаевич* — бывш. член амурского рев. коллектива; арестованы также: *Вайс-Таруштин В. В.*, мадьяр-интернационалист, участник борьбы с ат. Семеновым; братья *Власюки* — беспартийные, партизаны и др., фамилии коих еще неизвестны.

Всех арестованных увезли в Читу, которая теперь превратилась в какой-то пересыльный пункт. Тюрьма в Чите давно уже не выдала такого количества заключенных революционеров. Часть арестованных выслана в Иркутск, в распоряжение Г. П. У.

Как только арестованные были все сконцентрированы в одном месте, — коммунистическая пресса возвестила о раскрытом «белогвардейском заговоре». Были указаны фамилии всех арестованных. При этом однако не было указано, что арестованные — члены организаций максималистов, анархистов и лев. соц.-рев. В сообщении говорилось, что означенные лица организовали партизанские отряды, вооружали их, и т. д. Словом, настоящая газетная провокация.

Ничего не может быть гнуснее такого обвинения, — тем более, что обвинители и каратели сами в доброй своей части — бывшие белогвардейцы, примазавшиеся к советско-коммунистическому пирогу.

Действительная же причина арестов та,

что при выборах в советы рабочие и крестьяне, поддерживаемые левыми социалистами и анархистами, выставили свой самостоятельный революционный беспартийный список, отказавшись голосовать за коммунистов. Кроме того, активно участвуя в подпольной революционной работе и потеряв в застенках, на эшафотах и в партизанской борьбе лучших своих членов, как *Бутин* (л. с.-р., председат. Забайкальского Обл. Исп., замучен в Семеновском застенке), *Василий Неррис* (максималист, за покушение на ат. Семенова казнен на ст. «Макеево»), максималистка *Нина Лебедева* (б. член Ревкол. на Амуре по борьбе с атаманщиной и интервенцией), *анархист Я. Тряпичин* (партизан) и др., мы тем самым связали себя, свою судьбу с жизнью всего трудового народа Амурской и Приморской приобрели огромное влияние в широких слоях населения. И не мудрено, что коммунисты при первом удобном случае решили расправиться с инкоммуняками и не постеснялись в данном случае стать на скользкий путь провокации и предательства.

В беседе с директором Г. П. У. Бельским, один из товарищей во время допроса получил пиничный ответ:

«Вас на Амуре нам пришлось арестовать под видом белогвардейцев — это наш тактический шаг, наш прием. Особенно плохого мы Вам ничего не сделаем, только выйдем в глубь России и Сибири, подальше от Д. В. Амур, это — kloкочущий вулкан, благодаря влиянию максималистов, лев. соц.-рев. и анархистов, а мы не знаем, откуда начинаются белогвардейцы, где они переходят в шляпниковцев («рабочая оппозиция») и где кончаются максималистами и анархистами».

А сверх всего этого, некоторым арестованным коммунисты предлагают свободу при условии отказа от политической работы, но таковых охотников находится не много. *Анархистка Е. Конаевич* на предложение прокурора дать подписку об отказе от анархических идей — заявила:

«— Подписку в том, что я с вами буду бороться, буду свергать вас, как насильников рабочего класса, я дать готова: но отказаться от революции я не хочу и не думаю».

«— В таком случае мы еще долго будем Вас лечить, — динично заявил ей «прокурор».

6 июля Отделение верховн. суда в Чите приговорило к смертной казни *В. П. Батурина*. Срок обжалования приговора — 48 часов. 7 июля товарищи из Читы дали в Москву срочную телеграмму, каковая получена только 10 числа. В тот же день вечером срочные телеграфировали в Кремль в ВЦИК и Наркому РКК (Раб.-Крестьянск. Испек.) Куйбышеву. Последний ответил: «Сделать ничего не могу».

* * *

Лев. с.-р. *Борис Камков*, отбыв 3-х-годичное заключение, по суду выселен в г. Челябинск. Жена Камкова осуждена Рев. Триб. на 3 года тюрьмы.

Обструкция в тюрьме

Нам получено следующее сообщение:

«В течение последних месяцев паек политическим выдавался неполностью. Наши указания на это ни к чему не привели. Апрельский не выдан до сих пор.

12-го апреля трое анархистов (*Моченовский*, *Коршунов*, *Камхи*) объявили голодовку с требованием полной выдачи пайка. Остальные (смертники л. с.-р. *Береснев*, *Груздева*, *Литвинова*, *Соколова* и *Сапер*, срочные с.-р. *Москвин* и *Эстрин*, анархисты *Николаев*, с.-р. (меньшинство) *Петров* и *Назаров* — следств.) воздержались, надеясь путем переговоров с прокурором уладить этот вопрос. На 2-ой день голодовки анархистов, 13 апр., было послано заявление Прокурору с просьбой приехать 14 в 1 час дня для личных переговоров, т.-к. к этому времени выяснилось, что Г. П. У., из складов которого выдавался до сих пор паек, отказало в дальнейших выдачах, объяснив свой отказ тем, что заключенные I Испр. Дома числятся за Трибуналом, а не за ним. Нами же было решено, в случае неприезда прокурора или отказа в выдаче пайка, начать с 16 апр. голодовку.

14-го апр. около 4½ час. дня мы были вызваны для отметки особых примет в опросных листах. Тут совершенно случайно, помимо желания администрации, мы узнали, что по распоряжению ГУМЗа (Губ. Упр. Местами Закл.) от 13 апр. мы переводимся в Московскую Лефортовскую тюрьму. Отправка во вторник 17 апр. Узнав о переводе в Москву, голодающие анархисты сняли голодовку. В ГУМЗа было послано заявление с просьбой прислать представителя ГУМЗы к 12 ч. дня 16 апр. для установления приемлемых условий отправки и срока, — с указанием, что, в случае неприезда к назначенному сроку, мы оставляем за собой свободу действия. Надо сказать, что из предназначенных к отправке — только у Москвина и Эстрина приговор вступил в силу; что же касается остальных, то приговор в отношении их кассирован и до сих пор кассация не рассмотрена. Таким образом, ГУМЗа распоряжаться переводом тех т. т. не имеет права и к срочным следств. отношения никакого не имеет.

В понедельник 16 апр. в 12 ч. дня, после того как ни прокурор, ни пред-ль ГУМЗы не явились к назначен. сроку, нами было послано прокурору вторичное заявление с указанием, что, несмотря на отсутствие ответа на 2 наши просьбы о приезде, мы все же находим возможным ждать его приезда еще 2 часа. Никто, ни прокурор, ни пред-ль ГУМЗы все же не явились.

В 2 часа дня 16 апр. с пенем рев. песен нами была начата обструкция на 3 этаже одиночного корпуса. Были выбиты стекла в 4 рамах; бутылки, посуда были выкинута на галлерею и разбиты. Несколько выставленных рам были сброшены в I этаж коридора (при этом наблюдали, чтобы не поранить кого-либо из надзора и служителей). Обструкция продолжалась минут 10 и была прекращена по сигналу руководителя. Водворилась тишина. В это время в корпус был введен караул и во-

оруженные винтовками и револьверами надзиратели-коммунисты, всего около 40 чел., во главе с Пом. нач. Черняковым. На коридоре нами была ему объяснена причина обструкции, после чего, по сигналу руководителя, большая часть из нас зашла в одну из камер. В камеру к нам в сопровождении вооруженных людей вбежал с револьвером в руках Черняков. «Что у вас тут за дебош?» — крикнул он. Мы ему вновь указали, что причиной обструкции является неприяезд прокурора и пр-ль ГУМЗы, несмотря на наши неоднократные просьбы. И только тут Черняков заявил нам, что прокурор отказался приехать. Мы с своей стороны заявили, что обструкция будет продолжаться до приезда прокурора и пред-ля. Черняков удалился. Дверь и форточка камеры были закрыты на ключ, а в корпусе по галлерейм был расставлен караул. Через 1 ч. обструкция была возобновлена уже в закрытых камерах. Через 2—3 мин. одним из караульных был произведен выстрел. Пуля, пробив верхний косяк двери, разорвала сь и осколками ей был равен в голову и лицо т. Л. В. Петров. После этого обструкция была прекращена и вызван врач. Явившийся гл. врач Левинтац, осмотрев раненого, отказался составить здесь в камере акт, но прислал копию его в тот же вечер; в копии, между прочим, указано: 3 поверхностных раны и несколько царапин на голове и лице, нанесенных посредством острого предмета.

В 5 ч. 20 м. дня приехал пом. пр-ра Воробьев и пр-ль ГУМЗы Беляев. Полит. староста, на их приглашение явиться в канцелярию, отказался, а приглашен был в камеру прокурор. Спустя некоторое время, в камеру, в сопровождении Администрации, пришел пом. пр-ра и пр-ль ГУМЗы, делая вид, что причина обструкции им неизвестна. Они пытались вступить с нами в переговоры. Нами было заявлено, что до удаления из коридора вооруженной грубой силы, мы от каких бы то ни было переговоров отказываемся. Они удалились, не сняв караул с коридора. Прокурор безрезультатно пытался воздействовать на нас через т. т., которые после обструкции оказались оторванными в отдельных камерах (Моченовский и Назаров).

Спустя продолжительное время (около часа) караул был снят и пом. пр-ра и пр-ль ГУМЗы вновь явились к нам. После непродолжительных переговоров, предъявленные нами требования были удовлетворены. Перевод был отложен на 7 дней, были разрешены ежедневные свидания с родными, сквозной конвой (а не этап); паек в полной норме обязались выдавать как нам, отправляющимся, так и остающимся.

В 1-м Исп. Доме (быв. Выборгская женская тюрьма) содержатся след. полит. заключенные: смертники л. с.-р.: Евдокия Литвинова (М. Груздева), Анна Соколова, И. Береснев и Давид Сапер (под смертным приговором с 18-го декабря); с.-р. С. Н. Москвин (10 л.), Э. П. Эстрин (10 л.); анархисты Мария Коршунова (10 л.), Фед. Петр. Моченовский (10 л.), Егор

Николаев (10 л.), с.-р. (меньшинства) Л. В. Петров (5 л. 4 м.); следственные Назаров (с.-р. меньшинство) и анархист Камхи.

Обструкция была проведена 6-ью срочными заключенными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Копии заявлений.

1) Губернскому прокурору политических заключенных I Испр. Дома.

Согласно циркуляра по нарком'юсту за № 96 от 7-го октября 1922 г. был установлен по всей России для политических заключенных особый паек. Последний, несмотря на приказ, приходилось неоднократно добиваться голодовками, на которые в разное время вынуждались политические заключенные. До апреля мы, политические заключенные I Испр. Дома, получали вышеуказанный паек, хотя ГПУ, вопреки установленной норме, посылало его в урезанном виде. Апрельский паек канцелярской волокитой был задержан до 12 числа и в конце концов, как выяснилось, ГПУ отказалось выдавать его из своих складов, в результате чего мы оказались вовсе лишенными пайка. Невыясненность вопроса уже вызвала на голодовку троих наших товарищей политических заключенных.

Вследствие вышеизложенного и для точного выяснения вопроса о порядке получения без задержки полагающегося нам пайка просим срочно приехать не позднее 13 час. дня 14 апр. с. г.

Полит. староста Е. Николаев.

2) В Гумз политических заключенных I Испр. Дома.

Ввиду того, что мы получили совершенно неожиданно распоряжение о срочной отправке нас в Москву без предоставления срока хотя бы для предупреждения родных и для сборки вещей, просим срочно приехать представителя Гумзы для установления приемлемых для нас срока и условий отправки. В случае неприязда к 12 ч. понедельника 16-го апреля, оставляем за собой право свободы действий.

Полит. староста Николаев.

3) Губернскому прокурору политических заключенных I Испр. Дома.

Заявление.

В связи с возникшими за последнее время вопросами, которые могут быть разрешены только Вами и Гумзом, мы дважды посылали заявления, но до сих пор ответа не последовало, и несмотря на это мы все же находим возможным дать еще 2 ч. срока, т.-е. будем ждать приезда представителя прокурорского Надзора и Гумзы до 2 ч. по полудни 16-го апреля с. г.

Староста полит. кор. Е. Николаев.

Б. Копия акта медич. осмотра.

16-го апреля 1923 г. по вызову администрации Исправдома осматривал я лишенного свободы Петрова по поводу прицененных ему повреждений в области лица. По осмотру оказалось: у угла рта с левой стороны имеется продольная рана величиною в один сантиметр. Рана поверхностная. На левой щеке приблизительно на уровне глаза небольшое поранение круглой формы и в лобной части также левой стороны имеется ранение круглой формы. На носу опухоль красного цвета. Все названные раны поверхностные. Кости под ними целые. Незначительные царапины имеются на правой стороне лица. На других частях тела других повреждений нет. Заключаю: Петрову нанесены были повреждения по всей вероятности посредством острого предмета и повреждения эти принадлежат к числу легких, неопасных ни для жизни ни для здоровья потерпевшего.

Подлин. подписали:

Гл. вр. I. Испр. Дома П. Левитан.

(М. П.)

Д-р Суворцев.

С подлинным верно (подпись неразборчива).

Последнее слово анархиста Моченовского на суде 17/XII — 22 г.

Во время моего последнего ареста мне пред'явили обвинение в участии в подпольной анархической организации и в издательстве анархической газеты «Безвластие». За три дня до суда мне вручили обвинительный акт, в котором я нашел совершенно непричастных к моему делу лиц. Теперь для меня стало совершенно ясно, что и я, и другие анархисты очутились в худшем положении, чем Бакунин, на которого марксисты всеми мерами кощунственно клеветали. Нас же марксисты и оклеветали, и привлекли на скамью подсудимых. Но для меня это не ново. В Москве в 1921 г. советская власть расстреляла анархически мыслящую семью Барона, якобы участвовавшую в налетах с уголовными элементами. Но кто поверит этому? Кто не знает семью Барона в Америке, который в мою бытность там издавал на английском языке анархическую газету, сыгравшую громадную роль для участи революционера Тома Муни, попавшего в кровавые лапы американских тузов, желавших его казнить за то, что якобы он положил адскую машину на мостовую во время буржуазной демонстрации? Барона знают и анархисты, и революционеры

Америки, и кто попытается убедить их в том, что члены семьи Барона участвовали в налетах и бандитизме, получат должный отпор.

В Москве в 1921 г. анархистов Фани БАРОН и Льва ЧЕРНОГО и др. расстреляли, якобы, за налеты, не предавая гласности и суду; здесь же насильно приобщают дело анархистов к делу налетчиков и судят гласно. Капиталисты в Чикаго 60 лет тому назад присудили 5 анархистов к смертной казни. Не убили анархической мысли в Америке, наоборот — жены и дети этих жертв принимали самое активное участие в анархическом движении. Палачи гор. Питтсбурга, расстрелявшие поэта Гильстрема, не убили революционной поэзии. После расстрела Гильстрема рабочие Америки еще более воодушевлялись его революционной поэзией. Французская буржуазия, расстреливавшая анархистов и революционеров во время французской революции и Парижской Коммуны, не убила революц. движения во Франции. Кровавая монархическая власть в России расстреливала, вешала, ссылая анархистов и революционеров в наобитаемые места, но не убила революционного движения в России. Большевики применяют такие же средства, но и им не убить анархическую и револ. мысль. Теперь сов. власть первый раз в течение пяти лет судит гласно в «рев. трибунале» оклеветанных в налетах и бандитизме анархистов. Кто же жаждет крови? И крови анархистов. Но так как анархистов расстреливать не так легко, то нужно непременно изыскать средства, дабы безнаказанно придти к желанной цели. Это средство найдено большевиками; оно заключается в том, чтобы, оклеветав анархистов в налетах и бандитизме, насильно приобщить дело анархистов к делу налетчиков и таким образом расстреливать вместе тех и других. Но к анархистам не пристанут ни «фомка», ни «бандитизм». Народ можно обманывать только один раз; но если обманывать часто и систематически, то в конце концов он не поверит вечно лгущим газетам.

Ни я, ни Мария Коршунова, ни другие десятки анархистов не дрогнем на полномогие большевистской республики, как на дрогнул великий мудрец, приговоренный к смертной казни 2000 лет тому назад в древней Греции, — Сократ.

Мы не дрогнем перед лицом смерти... Хотя и погибнем, так погибнем не как бандиты, а как анархисты...

Примеч. Ред. — Вследствие неразборчивости присланного текста, две или три фразы речи пришлось опустить.

„РАБОТА“ КОММУНИСТОВ В ЧИТЕ

Не успел еще Дальний Восток войти в нормальную колею жизни, не успело еще население опомниться от кошмарных дней атамашины и интервенции, как опять черные тучи реакции нависли над его горизонтом.

На этот раз Р. К. П. выступает в роли умиротворителя населения и насаждения государственного порядка в крае. В проведении этих

целей в жизнь коммунистическое правительство не останавливается ни перед чем. «Все средства хороши в борьбе с своими идейными противниками» — как-то обмолвился Ленин, и эта фраза «вождя мирового пролетариата» легла в основу всей коммунистической политики управления страной и всей ее деятельности на местах.

Обыски, аресты, высылки, убийства по суду и без суда — обычное явление в России. А ко всему этому, в целях углубления своего влияния и власти в недрах населения, Р. К. П. присовокупила и провокацию. Когда-то излюбленный прием царского правительства вновь претворился в жизнь коммунистической партии и нашел свое применение в стране первого «рабоче-крестьянского правительства».

Советская Россия давно уже переживает ужас провокации. Очередь теперь за Дальним Востоком.

Последние сведения оттуда говорят о разгроме всех левых организаций — максималистов, анархистов и лев. соц.-рев., а также беспартийных и партизан. Во всех городах, селах, деревнях произведены массовые аресты. Арестованных свыше 100 человек. Часть из них, в числе 40 чел., увезена в Читу. Чита стала опять центром концентрации всех политических заключенных революционеров, по количеству своему даже превышающих количество арестованных в дни ат. Семенова.

И вот, как только произошла «чистка» на местах, — вся коммунистическая пресса завила о раскрытии «белогвардейского заговора». Но при этом, перечисляя фамилии арестованных «белогвардейцев», ни слова не упоминают о том, что они — члены организаций: максималистов, анархистов и лев. соц.-рев.

Об этом коммунистам говорить невыгодно, так как населению Дальнего Востока прекрасно известна деятельность максималистов, анархистов и лев. соц. и их роль в борьбе с правительствами адмирала Колчака и Дитерихса, а также и их отношение к «коммунистическому буферу» и непмановскому «коммунизму». И зная это, коммунисты, сознательно умалчивая о политической принадлежности арестованных, — старых, испытанных в борьбе с царизмом и белыми, — низводят их на ступень «белогвардейцев».

Вышеприведенные сведения с Д. В. наглядно показывают, что за «белогвардейцы» находится в плену у Р. К. П.

Между тем, коммунисты должны помнить, что при насаждении «коммунистического буфера» вместе с ними было белогвардейское офицерство во главе с полк. Буровым — главным организатором свержения Директории в Омске, насадивший на престол адм. Колчака в Сибири; а против них, — против «буфера», — все трудящиеся, все левые группировки — максималисты и анархисты. Коммунисты не должны забывать, что апрельская бойня — выступление японцев — результат двойственной тактики Р. К. П., стремившейся, в содружестве с белогвардейским офицерством, списать доверие Японского Штаба... Дорого обошлось трудящимся Приморья заигрывание уполномочен. Ц. К. Р. К. П. на Д. В. — Виленского с японским военным командованием. Кровью и жизнями своими заплатили крестьяне и рабочие, партизаны и солдаты за свой отказ следовать директивам Москвы. И в то время, как население Приморского края падало жертвами расви-

репших японских солдат, — коммунисты, во главе с Виленским, Никифоровым, Губельманом и др., укрылись в Чехо-Словацком Штабе.

А Николаевск на Амуре — расстрел Партизанского Штаба и членов Исл. Ком. Советов? Разве не коммунисты испугивали возмущение толпы? Разве не по дирижерской палочке Виленского и К-о совершенно подлое убийство максималистки Нины Лебедевой, анархиста Я. Трипичина, коммуниста Сасова и др., считавших «буфер искусственно вызванным к жизни для своих целей Р. К. П.»? Что Николаевские жертвы были жертвами испугания японскому командованию за 12 марта*, — этого не отрицают даже и сами коммунисты, в лице, хотя бы, коммуниста Гуревича в Владивостоке. Николаевские жертвы нужны были коммунистам, дабы не испортить «хороших» отношений с японским военным командованием и тем удержаться у власти.

А затем разгон съезда горняков в Чите в 1921 году? За принятие съездом резолюции протеста против передачи копеек иностранным концессионерам ряд ответственных работников союза максималистов были арестованы, а союз горняков буквально разгромлен.

Примеров много. Но и этого пока достаточно. Для Р. К. П. все те, кто против них, — против их непмановского коммунизма, — «белогвардейцы». Разница лишь та, что настоящие белогвардейцы, вроде ген. Слащева, Бурова и др., занимают видные посты в красном командовании и являются верной опорой Коммунистического Интернационала. А «белогвардейцы» — максималисты, анархисты и лев. соц.-рев. сидят по тюрьмам Р. К. П.

И вот часть этих-то «белогвардейцев» 8 июля с. г. предстали перед Верховным Судом в Чите по обвинению в «белогвардейском заговоре».

Приговором суда старый максималист, приговоренный чехами в 1918 г. к смертной казни, эвакуированный со всей тюрьмой из Самары в знаменитом «поезде смерти» и безжалостный из него, работавший затем по снабжению партизан в Владивостоке, являясь в то же время председателем подпольного Ц. Б. профсоюзов в дни колчаковщины, — Василий Павлович Батурин, — приговорен к смерти.

Повидимому, в будущем Чите суждено быть опять кровавой ареной расстрелов и убийств. Серия смертных приговоров еще впереди. Призраки Даурских и Макаевских застенков, где сотнями погибали максималисты, анархисты, лев. с.-р. и даже большевики, — опять нависли над Забайкалем. Семеновские застенки заменились застенками Г. П. У.

Но вырывая жертву за жертвой из и так поредевших рядов левой оппозиции, стремясь окончательно умертвить ее в недрах населения, коммунисты тем самым закрепляют ее идеи и заносят над собой меч в руках обманутой и придавленной террором народной массы.

М. Володин.

*) Выступление японцев, ликвидировавшее партизан.

Список заключенных и сосланных анархистов.

(Получен из России).

А. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ.

1. Москва.

Бутырская тюрьма.

- 1) Пунцев-Федоров, Александр Иванович.
- 2) Захарцев, Яков Осипович.
- 3) Дмитриева, Татьяна Степановна.

Таганская тюрьма.

- 4) Храпов, Егор Александрович.
- 5) Савченко, Ефрем Иванович.
- 6) Шутов, Филипп Григорьевич.
- 7) Фильченко, Михаил Иванович.
- 8) Павлов, Николай Павлович.

Новинская тюрьма.

- 9) Донская, Сара Моисеевна.
- 10) Винник, Песя Пинхусовна.
- 11) Чижова, Софья Ивановна.
- 12) Коршунова, Мария Николаевна.
- 13) Ганшина, Елена.

Внутренняя тюрьма ГПУ.

- 14) Готман-Чарина, Лия.
- 15) Скурихин, Петр Маркович.
- 16) Броверман, Иосиф Моисеевич.
- 17) Беляев, Николай Михайлович.
- 18) Яковлева, Вера Павловна.
- 19) Фришберг, Сима.
- 20) Черняк.

приговорены к ссылке
в Тобольскую губ.
на два года.

Лефортовская тюрьма.

- 21) Ней, Михаил Борисович.
- 22) Моченовский.
- 23) Николаев.

2. Пермский концлагерь.

- 1) Вегер, Тамара.
- 2) Шапиро, Рахиль.
- 3) Виноградова, Татьяна.
- 4) Волченко, Арон.
- 5) Чарин, Иван.
- 6) Школьников, Изя.
- 7) Крючкова, Екатерина.
- 8) Чекмасова, Елена.
- 9) Красавчик (?).
- 10) Литвинова-Лютювин, Екатерина.
- 11) Цукерман, Моисей.
- 12) Силась, Василий.
- 13) Машинин, Павел.
- 14) Шапиро, Илья.
- 15) Глебов, Владимир.
- 16) Седов, Иван.
- 17) Курганская, Полина.
- 18) Мельников, Николай.
- 19) Тарасюк, Иван (Кабась).
- 20) Михов.
- 21) Соколов, Виктор.
- 22) Мотова, Екатерина.

Все на севере, присужденные к концлагерю, переведены в один лагерь: Пермский.

Б. ССЫЛКА.

Великий Устюг.

- 1) Бирюлин, Михаил.
- 2) Нахамкис, Марк.
- 3) Чижиков.
- 4) Лускотов.

Вятка.

- 5) Фрейдберг, Л. Я.

Умань.

- 6) Коган, Марк.

Арханг. губ.

- 7) Изгодин-Хаменшевский, Юрий Владимирович (или Констант.).
- 8) Изгодина-Максимова, Наталья Константиновна.
- 9) Романова, Наталья Георгиевна.
- 10) Прядилин.
- 11) Лебедев.
- 12) Леошай, Иван Иванович (?).
- 13) Минаев, Григорий.
- 14) Улицкая, Хася Абрамовна.
- 15) Афанасьев, Александр.
- 16) Альтшуль, Хая.
- 17) Ийлин, Алексей (?).
- 18) Альтшуль, Люба.

Марийская (?) область.

- 19) Бреннерт, Владимир Людвигович.
- 20) Тарасевич, Николай Иванович.
- 21) Бин, Яков Ааронович.
- 22) Хуторецкая, Ольга Борисовна.
- 23) Одля, Анна Абрамовна.

Краснохолм.

- 24) Калабушкин, Павел Николаевич.
- 25) Дмитриев.

Киев.

- 26) Таратута, Ольга.

Почеп, Гомельск. губ.

- 27) Аскаров, Герман.

Галич.

- 28) Васильева-Шрейдер, Вера.

Кострома.

- 29) Бахвалова, Анна.

Пинега.

- 30) Корняков, Федор.

Северодвинск.

- 31) Шапиро.

Череповец.

- 32) Стыценко, Сергей.

Клявцово, Иваново-Вознес. губ.

- 33) Бармаш, В. В.

34—35) Коган-Давид (Христосик) и Дядя-Ваня Ахтырский неизвестно где; сведений нет; возможно, что уже расстреляны.

Список далеко не полный.

ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

В ГЕРМАНИИ.

В течение первой половины июля в Берлине бастовали деревообделочники, металлисты и строительные рабочие. По указке профессиональных союзов, входящих в Общерейсманское Обединение, они были еще и на этот раз, — хотя не без сопротивления, — приведены к повиновению и вернулись к старому игу.

Разумеется, «победа была одержана» — при помощи хитроумной стратегии, отличающейся от прежних приемов большей конспиративностью. В том же порядке, в каком рабочие союзы вступали в борьбу, они закончили забастовку. Даже КП, громкими фразами ведшая пропаганду за расширение основ и целей борьбы, своевременно и ловко пошла на попятный.

Итак, «успех» был тот, что наибольшая группа бастовавших (металлисты) с низкой оплатой труда вступила в новую сферу «твердой» оплаты (1-ое завоевание?). Наряду с морем бумаги (2-ое завоевание?), рабочие добились выплаты в два срока (3-е завоевание?); но так-как, ввиду преждевременного чрезвычайного вздувания торговцами цен, индекс хранится в тайне, то рабочие лишь спустя несколько дней по получении заработной платы

могут узнать, насколько высок в действительности доход, получаемый ими взамен их рабочей силы (4-ое завоевание?).

Однако, «экономическая политика» на этом не успокоилась. С долларом дело обстоит всё нелепее, и цены на необходимейшие продукты равняются по иностранной валюте. Зато немецкие капиталисты должны, яко-бы, платить вывозные пошлины в золотом исчислении. Однако только после 18-го июля! Но тогда, конечно, вывоз сократится. Следствием такого положения вещей явится сокращение производства, и эти мероприятия всей тяжестью упадут на немецкого рабочего.

Несостоятельность нынешнего порядка обнаруживается на всех этих явлениях с такой яркой убедительностью, что принуждает самого толстокожего из немецких рабочих призадуматься, и за результатами этого раздумья мы будем пристально следить.

Стачки и волнения вспыхивают беспрерывно то там, то сям — по всей Германии. Общее положение остается крайне натянутым и чреватое серьезными событиями.

17-го июля.

Р. Б.

В ИТАЛИИ

По поводу неутомимой ораторской деятельности итальянского премьер-министра и главы фашизма ежедневная газета «La Voce Repubblicana» («Голос Республиканца») замечает в одном из последних номеров:

«В своих ораторских выступлениях Глава Правительства не знает ни отдыха, ни срока. Быть-может, одна лишь Этна была бы в состоянии заставить его на мгновение остановиться и задуматься; но далеко не доказано, что он перестал бы говорить даже среди потоков жгучей лавы, обуреваемый душевным состоянием, схожим, по всей вероятности, с тем, в котором Нерон воспеивал пожар Трои посреди пылающего Рима».

Потуги Муссолини на наполеоновские позы делают его с каждым днем все смешнее, и с каждым днем он углубляет вырытую уже

могилу для фашизма. Не проходит дня, чтобы официозные не были полны грубых и резких выпадов, лишенных смысла и полных ругательств и угроз против «врагов отечества», выпадов, подписанных «диктатором Италии», «вождем фашизма». Ругательства и угрозы, — как его собственные, так и его приверженцев, — повторяются изо-дня-в-день, не требуя большого умственного напряжения или полета воображения. Во всяком оппозиционно настроенном рабочем Муссолини видит «врага отечества», врага его управления, продолжающегося уже около года.

Но из всех «врагов отечества» выделяется группа, к которой больше всего относятся угрозы, а также насилие фашистов, обвиняющих ее в предательстве. Такими «предателями» являются мужественные итальянские же-

железнодорожники, высоко держащие знамя свободы и не желающие отказаться от прав, завоеванных столь тяжелой ценой. Против них главным образом направлены эксцессы фашистов.

Борьба правительства и фашистских банд против Союза Железнодорожников и всех примыкающих к нему членов упорна и беспощадна. Но в этой борьбе фашисты бессильны, и чем больше железнодорожники видят нападков на их славный Союз, победивший уже столько трудностей, тем более разгорается у них революционный дух и чувства. Несмотря на правительственные запрещения, во многих городах Италии состоялись митинги протеста против несправедливых увольнений. На одном из таких собраний, состоявшемся в Риме 20-го июня, единогласно был принят интересный порядок дня (перепечатанный в органе Союза Итальянских Железнодорожников), который мы приводим полностью:

«Уволенные железнодорожники Римского Округа протестуют против принятых по отношению к ним мер по следующим мотивам: 1. Железнодорожники требуют права на свободу совести и политических убеждений, как и все прочие трудящиеся. Вступая в договор найма, железнодорожники предоставляют в распоряжение промышленного государства свои умственные и профессиональные способности на определенное число часов в день; но они ни сколько не расположены отказываться от прав на общественную жизнь и деятельность, предоставленные остальным гражданам. 2. Никакими софизмами не удастся скрыть истину, а именно: что все уволенные виновны лишь в одном — в том, что они являлись деятельными членами Союза Итальянских Железнодорожников; и что тем самым правительство стремится к полному разрушению этой организации, несмотря на то, что многократно обещало дать ей возможность функционировать. 3. Почти одинаковая, во всех случаях увольнения, мотивировка — «малая производительность и неспособность» — является оскорбительным и клеветническим утверждением по отношению огромного большинства пострадавших».

«На основании этих неоспоримых, хотя временно и затемненных, доводов все уволенные и вышедшие в отставку предают гласности очевидную политическую месть, лишая всяких юридических оснований, выражающуюся в безумной попытке уничтожить Союз Итальянских Железнодорожников, основанный на потребностях этой категории трудящихся».

Мы заявляем: нам не в чем упрекнуть себя ни как свободных граждан, ни как лиц, находящихся на государственной службе. Если несправедливые меры возмездия останутся в силе, как в принципе, так и в мотивировке, мы призываем Союз Итальянских Железнодорожников требовать правосудия».

Любопытно. После восьми месяцев фа-

шистского управления итальянские железнодорожники всё еще продолжают требовать свободы совести, слова, и... всего прочего. И в самом деле, неужели «вождь фашизма» воображает, что он задушил всякое биение свободы, всякое стремление к ней, благодаря насильям преданных ему чернорубашечников? Быть может, «вождь» всё еще удивляется столь глубокому простодушию со стороны значительной части рабочих. Однако ему, вероятно, часто приходится удивляться, так как в Италии, кроме железнодорожников, есть еще много других защитников «бессмысленных мечтаний», под которыми Муссолини разумеет свободу.

25-го июня в Риме же, на собрании представителей бывших участников войны, созванном в память победы при Пиаве, когда Муссолини заканчивал одну из своих ежедневных речей, и именно в тот момент, когда он воскликнул: «Я рассматриваю нынешнее собрание, как выражение солидарности с правительством», — из разных групп присутствующих раздался крик: «Да здравствует свобода! Да здравствует свободная Италия!»... На «диктатора Италии» и «вождя фашизма» эти проявления свободолюбия, — когда в Италии нет даже относительной свободы, под воздействием словно холодный душ, совершенно неожиданный и охладивший его ораторский пыл. Что же касается впечатлений, произведенного на присутствующих, то весь эффект от его речи и от цветов его красноречия был уничтожен в мгновение ока. Конечно, Муссолини не ожидал ничего подобного, в особенности со стороны участников войны, приглашенных в Рим, про которых ему было доложено, что они единодушно на его стороне.

Однако, речь была прервана. Необходимо было выйти из положения. После паузы он обратился к прервавшему его: «Чего вы хотите, вы хотите свободы погубить родину?» Но в ответ на это раздался новый крик: «Да здравствует свободная Италия!»...

В сообщениях телеграфных агентств, описывающих речи и подробности празднеств в честь участников войны, сказано, будто по окончании речи Муссолини раздался бурный рукоплескание. Но никакими ухищрениями нельзя воспрепятствовать истине выйти наружу, особенно тогда, как в Италии, после двух лет непрерывной резни, после восьми месяцев управления, свирепое преследуемого свободой, находятся еще люди и целые группы и организации, даже под угрозой смерти добивающиеся свободы. Их не устрасить ни силой, ни хитростью, как не остановить шествия свободы. И все чернорубашечники Муссолини не в силах задушить «мечтаний» тех смелых борцов, которые даже под страхом смерти или долготейшей категории на галерах имеют смелость бросить в лицо тирану призыв: «Да здравствует свобода!»

В БОЛГАРИИ

Переворот «конституционного блока» (фашистов) в Болгарии.

О перевороте в Болгарии, происшедшем 9-го июня с. г., достаточно писалось в социалистической и буржуазной прессе разных стран. Но все известия и комментарии были или тенденциозным делом наемников враждующих политических группировок, или не давали верного представления о болгарской действительности. Даже анархическая газета „Alarm“ (Германия), по какому-то недоразумению, дала делу неправильное освещение; и кто знает почему она надеется, что при новом правительстве наши товарищи будут спокойнее вести свою пропаганду.

Диктатура Стамбулийского рухнула под тяжестью собственных преступлений. И в настоящее время никто в Болгарии не сожалеет о ней. В том числе, конечно, и анархисты, у которых диктатура Стамбулийского взяла громадное число жертв. Но новая власть совсем не более «демократична». Она — шаг вперед по направлению к чернейшей реакции в стране и ничем не отличается от власти фашистов в Италии. Это наши товарищи знают очень хорошо и не предаются никаким иллюзиям на счет того, что в будущем наступят лучшие дни.

В борьбе между «земледельческой» властью и «конституционным» блоком анархисты не могли быть ни на той, ни на другой стороне, так-как это была борьба между двумя лагерями угнетателей и эксплуататоров, одинаково враждебных трудовым массам населения. Но когда, на первый же день после переворота, новое правительство объявило мобилизацию, желая использовать силы беднейшего крестьянства и рабочих для закрепления своей власти, — анархисты первые забили тревогу и отказались подчиняться. Начались преследования, аресты, убийства. Например, в Велико-Тырновском районе имеются сильные наши организации в селах. И там сопротивление правительственным приказам превратилось в форменное восстание. С трудом, после двухдневных ожесточенных боев, в которых принимали участие женщины и дети, войска и блокнестские банды заняли взбунтовавшиеся села. Многие товарищи скрылись в Балканах, некоторые арестованы, а раненые перебиты. Конечно, новое правительство не имеет интереса сказать истину про эти события и желает их представить, как борьбу с приверженцами Стамбулийского.

Под маской защиты «общенародных» и «надклассовых» интересов в Болгарии огнем

и мечем устанавливается «порядок», «спокойствие» и... «законность». Тюрьмы переполнены рабочими и крестьянами. Соборания рабочих запрещены. Буржуазия открыто и усиленно организует и вооружает новые банды запасных офицеров и унтер-офицеров. «Дорогие» гости врагелевцы снова зашевелились. Пока — реакционные силы чувствуют себя господами положения и готовятся нанести решительный удар освободительному рабочему движению. «Большая», «сильная» и пр. коммунистическая партия, которая подчас считалась и в III Интернационале образцовой, не может справиться с задачей момента. Она бездействует и разлагается от бездействия.

Предстоит жестокая борьба и тяжелые испытания.

Болгарские трудовые массы изжили иллюзию «общенародной», «надклассовой» власти. Продолжительное господство буржуазных партий, войны и после-военные катастрофы очень помогли трудовым массам понять, что в настоящее время не может существовать «народного единства», а имеются угнетенные и угнетатели. Господство земледельческого правительства — не случайное явление. Это был продукт усилий крестьян создать свою сельскую классовую власть, на которую они возлагали большие надежды. Разочарование не заставило себя ждать. Три года были вполне достаточны, чтобы познать истинную природу и такой власти. За этот небольшой период она успела погрязнуть в преступлениях и крови рабочих по самую шею. Поэтому-то при ее свержении никто и не защитил ее, и она бесславно погибла. Так угнетенные Болгарии изжили красоты и «своей» власти.

При таком положении не исключена, конечно, возможность колебаний, временной неопределенности, которую буржуазия может временно использовать. Но идея безвластия уже — *idée flottante* (летучая идея) в болгарской действительности. Она явилась логичным, необходимым, естественным следствием предыдущего развития общественной жизни и происходящей в ней борьбы и катаклизмов. Жизнь дала жестокий, но хороший урок болгарским рабочим и работницам, и они его не забудут. Мы видим, что широкое анархическое движение разрастается всё сильнее и сильнее.

П. Л.

В ИСПАНИИ

Испания остается всё время центром самых кровавых и инквизиторских репрессий против революционного рабочего движения. Трагедия испанского пролетариата, это — ужасное ежедневное зрелище. Каждый день падает жертвой репрессий кто-либо из наших товарищей. Тюрьмы всегда переполнены. Террор имущих и господствующих классов не прекращается.

Однако, испанские революционеры стоят непреклонно на своем посту и высоко держат знамя безвластия, водворенное здесь Бакуниным более 50 лет назад.

Испания и Аргентина, это — две страны, где парит подлинный дух первого Интернационала и где даже *синдикализм* (современного типа) не может широко развернуться. Испанские анархисты почти все входят в группу рабочего движения, но не как «синдикалисты», а именно как *анархисты*. — так, как входили Бакунины, Малатеста, Кафiero в ряды старого Интернационала.

Когда мы говорим об анархическом или о революционном рабочем движении Испании, то надо всегда помнить эту характерную черту тамошнего движения.

* *

За последние месяцы, всё общественное мнение Испании было занято стачкой транспортных рабочих г. Барселоны — событием, показывающим, как высоко развито чувство солидарности и боевой дух испанского пролетариата.

В Барселонском порту произошел конфликт на почве увольнения двух рабочих. Транспортный синдикат поддержал движение в порту. Спусти несколько дней вся жизнь города оказалась парализованной — частью в силу солидарности других рабочих, частью же вследствие недостатка сырья на фабриках.

Вся жизнь города остановилась. Барселона превратилась как бы в огромное свалочное место: никто не мог — и не хотел — мести и чистить улицы и площади. Санитарные власти забыли требов, ввиду возможных последствий такого состояния города. Муниципалитет вынужден был обратиться к революционным синдикатам (которые считались убитыми реакцией) и просить у последних, во имя требований общественной гигиены, разрешения чистить улицы. Таким образом, повозки по чистке и дезинфекции должны были вывесить плакат с надписью: *с разрешения объединенного синдиката*.

На этот раз забастовщики не стали под-

ставлять себя под расстрел: они оставались дома, не демонстрируя и не вызывая насильственных мер.

Капиталисты и правительство решили сломить стачку во что бы то ни стало, так-как усиление рабочего движения в Барселоне представляется крайне опасным для всего существующего в Испании режима.

Но все меры против стачки остались безрезультатны.

В силу стачки транспорта, Барселона оказалась без хлеба. У правительства были повозки, но оно не находило возчиков. Тогда оно прибегло к военным повозкам. Но когда эти последние прибыли к мучным складам, — солдатам заявили, что никто не будет грузить повозок, раз последние управляются не рабочими синдиката. Солдаты вынуждены были грузить сами. Затем приступили к развозу и распределению муки. Но в булочных отказались печь хлеб из муки, привозимой военными повозками.

Такая же картина разыгралась во всех других отраслях производства. Все усилия правительства и капиталистов остались тщетны, и работа не возобновилась, пока рабочие сами не решили ее возобновить.

Таким образом, после нескольких месяцев острой борьбы и взаимного сопротивления, правящий мир должен был признать, что смерть нескольких десятков или сотен отдельных борцов не убила в испанском пролетариате духа борьбы и революционного энтузиазма.

Более 130.000 рабочих бастовали в связи с транспортной стачкой в Барселоне. Стачка началась 2-го мая и продолжалась до 12-го июля.

Но конфликт закончился лишь внешне. По малейшему поводу, борьба вспыхнет с новой силой.

* *

Оплачиваемые капиталистами и реакционерами убийцы прибегли, конечно, в связи с событиями к ряду актов насилия и подлого нападения из-за угла. Есть убитые. Сотни товарищей заключены в тюрьмы. Но революционное движение остается ныне столь же сильным. Оно становится даже всё сильнее, так-как всякая борьба служит хорошим опытом и дает полезные уроки.

14-го июля был тяжело ранен наемником реакции, прибегнувшим к подлому нападению, наш старый товарищ Томас Геррерос.

Д. С.

В АРГЕНТИНЕ

В настоящее время в Аргентине реакция свирепствует почти повсюду. Не проходит дня, чтобы откуда-либо не раздавалось призыва к помощи и солидарности; не проходит дня, чтобы не раздалась весть о новых протестах. Из Испании и из России, из Италии и из Венгрии, из Франции и из Германии раздается непрерывный призыв к солидарности и протесту против преступлений фашизма, принимающего разные формы в зависимости от характера страны, в которой он проявляется.

Мы привыкли обращать наши взоры преимущественно на Европу, и внимание наше привлекается главным образом теми явлениями, которые происходят на старом континенте. Мы часто забываем о том, что по ту сторону океана живут массы страдальцев и борцов за свободу. По ту сторону океана также живут пролетарские массы, беспощадно эксплуатируемые, и там также господствует беспощадная реакция.

Уже два года, как из Северной Америки, по поводу известного и все еще не решенного дела Сакко и Ванцетти, раздаются непрерывные протесты революционного пролетариата и анархистов Соединенных Штатов. Протесты эти вызвали некоторый отклик и в Европе, выразившийся в посылке телеграфных заявлений протеста Американскому правительству. Этим дело и ограничилось.

Но отрезанность, которую приходится констатировать по отношению к Северной Америке, становится еще заметнее, когда речь заходит о Южной. Кто знает о том, что там происходит? И кто предпринимает что-либо по этому поводу?

Аргентина в настоящее время переживает полосу жестокой реакции и востаний. Но откуда доходит лишь скудные вести, как о важнейших фактах вообще, так и особенно — о злодеяниях реакции. Немногое известно также и о мужественном сопротивлении, оказываемом аргентинскими рабочими.

Так, до нас дошли лишь немногие телеграммы и разрозненные известия, да и то из буржуазной прессы, — относительно грандиозной всеобщей забастовки, стихийно, без всякого толчка со стороны организаций, разразившейся и охватившей всю страну в знак протеста против убийства товарища Курта Вилькенса (убийства, случившегося во второй половине июня).

Несмотря, однако, на лаконичность дошедших до Европы сведений, или именно благодаря этой лаконичности, ясно виден трагизм положения и грандиозность последовавших за убийством демонстраций.

16-го июня товарищ Курт Вилькенс был убит в тюрьме одним из надзирателей, повинному не без наущения со стороны родственников полковника Варелы. Весть об этом убий-

стве, разнесшаяся в течение нескольких часов по всему Буэнос-Айресу, а затем и по остальной Аргентине, привела к немедленной и совершенно стихийной всеобщей забастовке.

Уже в течение первой половины июня раздавались постоянные протесты против возможной выдачи другого аргентинского товарища, Рамона Сильвейра, бежавшего в Уругвай после одного покушения. Аргентинское правительство требовало выдачи Сильвейра, и она должна была состояться. На 8-е и 9-ое июня в Буэнос-Айресе и в Уругвае местными организациями, примыкающими к Ф. О. Р. А., была объявлена всеобщая забастовка протеста против предполагаемой выдачи. Забастовка удалась и приняла внушительные размеры, несмотря на то, что как полиция, с ее грубым насилием, так и Профсоюзы Аргентины, с их саботажем, не мало мешали ей развернуться.

В массах царил большое возбуждение, и положение было и без того напряженное, когда страшная весть об убийстве Вилькенса разнеслась по всей Аргентине.

Как только рабочий и революционный Буэнос-Айрес узнал об этом преступлении, — всюду, не дожидаясь распоряжений из центров, работа была приостановлена, и все трудящиеся немедленно высыпали на улицы для выражения своего протеста. Без всякой предварительной организации собравшиеся массы сформировались в колонны и направились к правительственным зданиям.

Для тех, кому известна чувствительность и порывистость народных масс латинского происхождения, не трудно вообразить, во что могла вылиться подобная демонстрация.

Демонстранты дошли уже почти до площади, где находятся правительственные здания и дворец президента Республики, и по всей вероятности разнесли бы их, если бы не вмешались войска и полицейские. Момент был трагический. В толпе чувствовалось твердое намерение овладеть дворцом, войскам же и полиции приказано было *во что бы то ни стало* воспрепятствовать продвижению демонстрантов.

Кровавая стычка была неизбежна, и она оказалась действительно страшной. С обеих сторон пушено было в ход оружие, и с обеих сторон насчитывается не мало павших. В результате полиция одержала верх, и толпа была рассеяна.

Тем временем весть об убийстве распространилась по всей Аргентине, и в провинциях, как и в столице, единодушные протестующих масс было поразительно. Мы не имеем до настоящего времени более точных и подробных сведений об исходе этой борьбы. Мы знаем только, что все демонстрации были подавлены ценою кровавых жертв.

Курт Вилькенс, шахтер-анархист, немец по рождению. По окончании войны он покинул Германию и прибыл в Соединенные Штаты, откуда, после грандиозной забастовки на угольных копах, был выслан в 1921 году за энергичную анархистскую пропаганду среди углекопов штата Виргиния. Из Соединенных Штатов он поехал в Аргентину. В то время революционная Аргентина находилась под трагическим впечатлением страшных репрессий, имевших место за несколько месяцев до того в южных областях Республики (в Патагонии) по отношению к бастовавшим рабочим. По статистическим сведениям, жертвою реакции пало тогда больше тысячи пятисот рабочих. Винови́ком бойни был полковник Варела, командовавший вооруженными силами, которые были посланы в Патагонию для подавления забастовки, в продолжение слишком долгого времени нарушавшей спокойствие буржуазных кругов.

Среди активных элементов революционного Буэнос-Айреса образовался международный комитет борьбы с реакцией, в состав которого вошел Вилькенс; целью этого комитета было возбуждение масс к протесту против отвратительной бойни и сбор вспомоществования в пользу бежавших от преследований товарищей. Все собрания и демонстрации протеста, создаваемые этим комитетом, полиция разгоняла силой. Явное и резкое пристрастие правительства, конечно, не могло способствовать успокоению умов, а тем менее заставить наших товарищей сложить оружие и прекратить кампанию раскрытия ужасов, совершенных войсками полковника Варела в Патагонии. 26-го января Курт Вилькенс бросил в Варела бомбу, убившую того наповал и ранившую самого Вилькенса.

Покушение Курта Вилькенса на «успокоение Патагонии» рассматривалось всеми не как акт террора или мести, а как акт правосудия, и имя Вилькенса стало знаменем, вокруг которого объединились все страждущие и трудящиеся массы Аргентины и остальной Южной Америки.

Дело Вилькенса должно было рассматриваться в непродолжительном времени. Но правительство боялось этого процесса, зная, насколько глубоки симпатии масс в Вилькенсу, и опасаясь, что в день судебного разбирательства будут несомненно произведены демонстрации солидарности, и разразится всеобщая забастовка. Гордая и спокойная выдержка Вилькенса, объяснения которого, конечно, превратили бы процесс, возбужденный против него, в обвинительный акт против всего буржуазного общества, также внушала не малую тревогу правительству, вскоре нашедшему прислужника, который взялся уничтожить этого человека, хотя и заключенного в одиночную камеру, но продолжавшего наводить страх на своих врагов. И 16-го июня Курт Вилькенс был убит. Нравственная личность его являлась одной из прекраснейших и привлекатель-

нейших в нашем движении. Сидя в тюрьме, он часть денег, собранных в его пользу, представил на нужды анархической пропаганды в Германии, а другую часть употребил на покупку книг, в частности произведений Толстого. И не случайно Вилькенс читал и изучал Толстого. Имя Вилькенса не случайно называется рядом с именем великого мыслителя. Ибо у обоих были родственные души; оба они были — каждый по-своему — отважными борцами. И оба были упорными врагами всякого насилия. Мировоззрение Вилькенса было во многом сходно с философией Толстого. Но он был действительным протестантом, до глубоких тайников души. Акт 26-го января, как и всё существование этого чуткого и стойкого бойца за свободу, доказывает это. Некоторые товарищи, имевшие возможность ближе к нему подойти, сравнивали его с Луизой Мисслер. И одно это сравнение само по себе способно дать представление о личности Вилькенса, внесенного в синодик мучеников за нашу идею.

—й.

Протест пролетариата Аргентины против убийства Курта Вилькенса

До нас успели дойти первые вести о развитии всеобщей забастовки протеста против убийства нашего товарища Курта Вилькенса. Вписана новая и славная страница в историю пролетариата страны, где идеи Бакунина продолжают процветать во всей чистоте после непрерывной борьбы и захватывающих переживаний.

16-го июня с. г. товарищ Вилькенс был убит, сонным, в одиночной камере одним из чинов охраны тюрьмы, в которой он содержался, племянником полковника Варелы, палача полутора тысяч рабочих забастовщиков в Патагонии, павшего 26-го января с. г. от руки Вилькенса, который совершил этот акт, несмотря на то, что всегда был врагом насилия. Как только сведения об убийстве Вилькенса дошли до редакции ежедневной анархистской газеты «Ля Протеста», выпущены были бюллетени, имевшие значение призыва ко всеобщей забастовке протеста.

Спустя несколько часов после смерти Вилькенса, несмотря на все старания правительства затупить дело, весть о нем дошла до Союза Пекарей, одного из наиболее деятельных анархистских объединений, в котором как-раз в тот день происходило заседание. Порядок дня был нарушен, и вскоре во всех будущих Буэнос-Айреса работа прекратилась. К вечеру движение разрослось. Работавшие на городском трамвае не сразу решили примкнуть к забастовке, но оказалось достаточным сжечь несколько десятков вагонов для того, чтобы прекратить движение в городе. Подлинная всеобщая забастовка началась в субботу вече-

ром. Рабочие организации анархистского направления хотели сообщить в провинцию о решении, принятых в Буэнос-Айресе. Власти не пропускали телеграмм. Тем не менее, весть о совершенном преступлении разнеслась с чрезвычайной быстротой, и по всей стране была объявлена всеобщая забастовка.

В воскресенье всюду состоялись демонстрации и рабочие собрания, и повсюду произошли кровавые стычки с полицией, причем в Буэнос-Айресе были убиты пять городских и один полицейский офицер. Газета «Ля Протеста» и ФОРА (Областная Рабочая Федерация Аргентины) предъявили требование о выдаче тела Вилькенса, в чем им было отказано. Одновременно с этим заключенные в тюрьмах Буэнос-Айреса поддержали товарищей на воле, отказываясь от принятия пищи и от работы в течение нескольких дней. Буржуазия была в страхе. Ощущался недостаток предметов первой необходимости. Лавки и магазины вынуждены были закрыться. На улицах не видно было прохожих, за исключением рабочих и полицейских патрулей, готовых к схватке. Продавцы газет не торговали никакими листками, кроме революционных бюллетеней.

Коммунисты и реформисты пытались сорвать стачку, объявленную анархистами, и предложили возобновить работу в понедельник, но рабочие не последовали призыву этих приспешников реакции.

На вторник наши товарищи назначили демонстрацию на одной из самых больших площадей Буэнос-Айреса. Но за несколько часов до указанного времени площадь эта была занята полицейскими отрядами, численностью в несколько тысяч вооруженных до зубов человек. Соседние улицы и стратегические пункты были оцеплены, и всюду были выставлены пулеметы, броневики и кавалерийские части. Демонстрация не могла состояться. Но на-

сильникам этого было мало: они стремились отомстить за воскресные демонстрации и напали на рабочих, собравшихся в одном из соседних помещений (на улице Бартолома-Митра), в результате чего последние потеряли трех товарищей убитыми, ранено же было свыше тридцати. На следующий день, в среду, власти отказались выдать тела убитых рабочих.

В четверг товарищи решили возобновить работу. Но в течение пяти дней, пока длилась забастовка, она заставила дрожать от страха преступный режим, виновный в убийстве Вилькенса. И страх этот распространился не только по всей Аргентине, но и за пределами ее, в соседнем Уругвае.

Буржуазная газета «Критика», поместившая статью в защиту Вилькенса и осуждавшая убийство его, подверглась сожжению. Мы еще не знаем, закрыт ли или нет после забастовки наш орган «Ля Протеста». Одно, во всяком случае, несомненно: власти во что бы то ни стало хотят удушить навсегда как нашу газету, так и анархистскую организацию ФОРА. Коммунисты и реформисты из Аргентинского Синдикального Союза по мере сил поддерживают этот реакционный замысел правительства. Однако, анархистское движение в Аргентине, пережившее реакцию, которая была вызвана смертью начальника полиции Фалькона от руки другого благородного анархиста Симона Радовидко, — движение, пережившее драконовские законы и кровавую бойню в январе 1919 года, — не легко поддается разрушению.

Но реакция свирепствует во всю, и сотни томящихся в заключении товарищей расплачиваются за то, что осмелились протестовать против гнусного и подлого убийства Вилькенса.

C.

Отдел печати при секретариате М. Т. Р.

уведомляет (бюллетень № 12 от 12-го июля 1923 г.), что:

1) им отправлено приветствие Национальной Конфедерации Труда в Испании по поводу событий в Барселоне и во всей стране;

2) им отправлен, по поводу раскола в профессиональном движении Голландии, ответ в

президиум N. A. S., отклоняющий всякую попытку к слиянию с московским профинтерном;

3) по его предложению организованы были митинги протеста против последних событий в Аргентине.

Желающие ознакомиться подробнее с этими приветствиями и протестами найдут подробности в «Раб. Путь» № 6.

КО ВСЕМ анархическим и синдикалистским (индустриалистским) изданиям и организациям.

Редакция «Анархического Вестника» просит все анархические, анархо-синдикалистские, синдикалистские и индустриалистские организации и издания высылать ей, для надобностей журнала и в обмен на издания Группы Рус. Ан. в Герм., их периодические и не периодические издания; а также — сообщить в редакцию «А. В.» свои адреса, в целях регулярных сношений.

Р А З Н О Е

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ АНАРХИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.

Мы сообщили в прошлом номере «А. В.» предполагаемые дату и порядок дня предстоящего международного анархического конгресса.

Соответственно мнению организаций различных стран (Швейцарии, Голландии и др.), решено устроить конгресс в Париже.

Все, что касается конгресса, просят направлять по адресу:

**Pierre Mualdes, „Librairie Sociale“, 9,
rue Louis - Blanc, Paris, X-me, France.**

* * *

Инициаторы конгресса предлагают русским анархистам взять на себя доклад по одному из самых важных, но в то же время самых обширных и сложных вопросов: «Анархисты и Революция».

Несомненно, и другие намеченные вопросы имеют интерес и значение.

События последних лет придали всем им крайнюю остроту и требуют их скорейшего решения, — решения, которое могло бы, наконец, объединить вокруг себя, если не всех, то по крайней мере подавляющее большинство анархистов.

Сможет ли конгресс дать решительный толчок в этом направлении?

Не скроем, что мы очень сомневаемся в таком результате.

С одной стороны, материалы по пережитому опыту еще в очень малой степени известны и в еще меньшей — обсуждены и разработаны. Необходима еще основательная чисто теоретическая и историческая работа — прежде, чем возможно станет плодотворное обсуждение и подход к выводам.

Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что сами русские анар-

хисты, пережившие опыт революции и принимавшие в нем непосредственное участие, далеко несогласны в своих заключениях. Тем менее можно ожидать ясности и сговоренности от быстро мелькающих заседаний конгресса, где все вопросы обыкновенно пробегают перед участниками с обескураживающими быстротой и поверхностностью анализа.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на то, что конгресс, и на этот раз, собирается в исключительно неблагоприятный момент, в крайне трудных условиях. Приходится заранее предвидеть, что он будет малолюдным, и что многие товарищи, присутствие которых было бы необходимо, присутствовать на нем не смогут. Большой вопрос также, сможет ли самый конгресс прочтёшь беспрепятственно.

Все эти обстоятельства заставляют думать, что конгресс едва ли даст значительный результат.

Из сказанного не следует, конечно, что на него надо вовсе махнуть рукой. Некоторую пользу он, несомненно, принести может.

Он может увеличить взаимную осведомленность товарищей о положении в различных странах.

Он может устранить некоторые накопившиеся неточности и недоразумения.

Он может дать новый материал для размышления и пересмотра взглядов.

Он может дать известный толчок исканиям и работе в определенном направлении.

И если он окажется в состоянии дать еще больший результат, то тем лучше, конечно.

Товарищи приглашаются, поэтому, сделать всё возможное для того, чтобы суметь извлечь из конгресса максимум возможного интереса и пользы.

К ТОВАРИЩАМ.

Дорогие Товарищи!

Первые номера «А. В.» — лишь первые шаги по пути к тому, чем мы хотели бы современем сделать наш орган.

Для того, чтобы журнал вполне развернулся и достиг должной высоты и значения, необходимо, — помимо привлечения к нему, в качестве сотрудников, наших лучших литературных и теоретических сил, — также иметь возможно больше живого материала с мест.

Товарищи рабочие! Посылайте нам отовсюду побольше живого материала: корреспонденций, сведений с мест и т. д. Только таким путем сможем мы основательно представить в журнале обзоры, информацию и т. д.

Редакция.

О Т Ч Е Т

по изданию книги „ИСТОРИЯ МАХНОВ-
СКОГО ДВИЖЕНИЯ“.

П Р И Х О Д.

От Фед. Ан.-К. Гр. Сев. Ам. . . .	120 долл.
„ италявских т. через т. К. Т. . .	1000 лир
„ болгарских тов. из „Раб. М.“ . .	5420 лев
	5 кан. долл.
Через тов. Павла заимообразно . .	750.000 нем. м.
Из журналн. фонда заимообр. . .	10 долл.
„ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „	1 „

Размен заприходованных денег на немецкую валюту.

24. IV. — 80 долл. по 30.174 мр. =	2.413.920 м.
11. V. — 20 „ „ 40.200 „ =	804.000 „
22. V. — 500 лир „ 2.600 „ =	1.300.000 „
9. VI. — 500 „ „ 3.700 „	
с вычетом 5.550 м. за удо-	
стоверение по размену . . .	= 1.844.450 „
18. VI. — 5 канад. долл. по	
104.000 „ =	520.000 „
5.240 болг. лев	
по 770 „ =	4.034.800 „
9 долл. по 180.000 „ =	1.170.000 „
1 „ „ 164.000 „ =	164.000 „

Итого приход: неразм. долл. 21
немецк. марок 12.251.170

Р А С Х О Д.

Уплачено банку за получение 120 долл. 1 д. 20 с.
Бумага и переписка (в нем. марк. 15.312) 80 с.
Займообразно на прожитие т. А — ва. . 18 д.
По работе в типогр. 1 д.

Итого в долл. 21 д.

5. V. Уплачено в типогр. в счет	
брошюрки	Мк. 278.064
2. VI. Уплачено в типогр. за бу-	
магу и за клише на порт-	
рет и карту	3.005.994
4. VI. Уплачено в типогр. за на-	
бор, верстку, приправку	
и печать	5.831.162
11. VI. Уплачено в типогр. в счет	
брошюрки	1.844.450
18. VI. Уплачено в типогр. в счет	
брошюрки	461.486
4. VII. Уплачено в типограф. за	
вкладные листки	105.000
16. VII. и 21. VII. Уплачено за упа-	
ковочный материал	317.000
Почтовые расходы по экс-	
педиции книги	700.000
Уплачено за право вывоза	
книги (налог)	164.000
Возвращено в журн. фонд „ „	44.014

Итого в немец. Мк. 12.251.170

Секретарь: Волин.

Сверено и найдено верным: Владимир, С. Горбунов.

От Гр. Р. А. в. Г.—Отчет по 1-му и 2-му номерам журнала „Ан. В.“ будет напечатан в следующем № 3—4.

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ СОЮЗА ОБЪЕДИ- НЕННЫХ АНАРХИСТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИ- КИ ЗА МАЙ И ИЮНЬ.

П Р И Х О Д:

Остаток с апреля на май с. г.	55.02
Членские взносы	11.00
Добровольные пожертвования	10.75
По подписным листам	141.27
Итого —	218.04

Р А С Х О Д:

Выслано на издание журнала в Германию	150.00
Денежный перевод	7.50
Итого —	157.50
Остаток на 1-е июля —	60.54

Всем жертвователям приносим искреннюю благодарность. Для экономии времени и места в газете, имена жертвователей не помещаем. Еще два номера 12 и 13 не возвращены, а № 9-й пустой.

А Д Р Е С для непосредственных сношений с „Союзом Об'един. Ан. Сев. Амер.“: Mr. I. Zaitzeff
c/o Frele Arbeiter Stimme, 48, Canal Str. New York City. U. S. A.

Все денежные суммы для „Анарх. Вестника“ просим направлять: либо по вышеуказанному адресу, либо непосредственно в Берлин по адресу: Herrn Fritz Kater, Kopernikusstrasse 25 II, Berlin-O. 34. Germany Für GRAD, при сопроводительном письме о том, что сумма пред-
назначается для „Ан. Вестн.“

Следующий — двойной — номер „А. В.“ выйдет к октябрю с. г.